

В. М. ГАРШИН

Лягушка-путешественница

лучшие рассказы
**О ЖИВОЙ
ПРИРОДЕ**

с вопросами и ответами
для почемучек

Аванта

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
БИОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ
ИН. К. А. ТИМОФЕЕВ
РЕКОМЕНДУЕТ

Лягушка-путешественница. С вопросами и ответами для почемучек/ В. М. Гаршин; И. М. Пескова //Аванта+, Москва, 2017
ISBN: 978-5-17-104751-1
FB2: Tibioka, 02.10.2017, version 1.0
UUID: c1ca092f-9a15-11e7-8179-0cc47a520474
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Всеволод Михайлович Гаршин

Лягушка-путешественница. С вопросами и ответами для почемучек

В книгу замечательного писателя, поэта и художественного критика Всеволода Михайловича Гаршина «Лягушка-путешественница» вошли яркие эмоциональные рассказы и сказки: «То, чего не было», «Сказка о жабе и розе», «Сказание о гордом Агтее», «Сигнал», «Художники», «Встреча» и другие. Наша книга подарит детям и взрослым уникальную возможность прочитать эти произведения с комментариями биолога, найти ответы на самые частые вопросы и по-новому взглянуть на окружающий нас мир!

Для младшего и среднего школьного возраста.

Содержание

#1	0005
Сказки	0006
Лягушка- путешественница	0007
Attalea princeps	0021
То, чего не было	0047
Сказка о жабе и розе	0062
Сказание о гордом Аггее	0085
Рассказы	0115
Сигнал	0116
Художники	0148
Встреча	0209

**Всеволод Михайлович
Гаршин**

**Лягушка-путешественница
С вопросами и ответами для
почемучек**

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Сказки

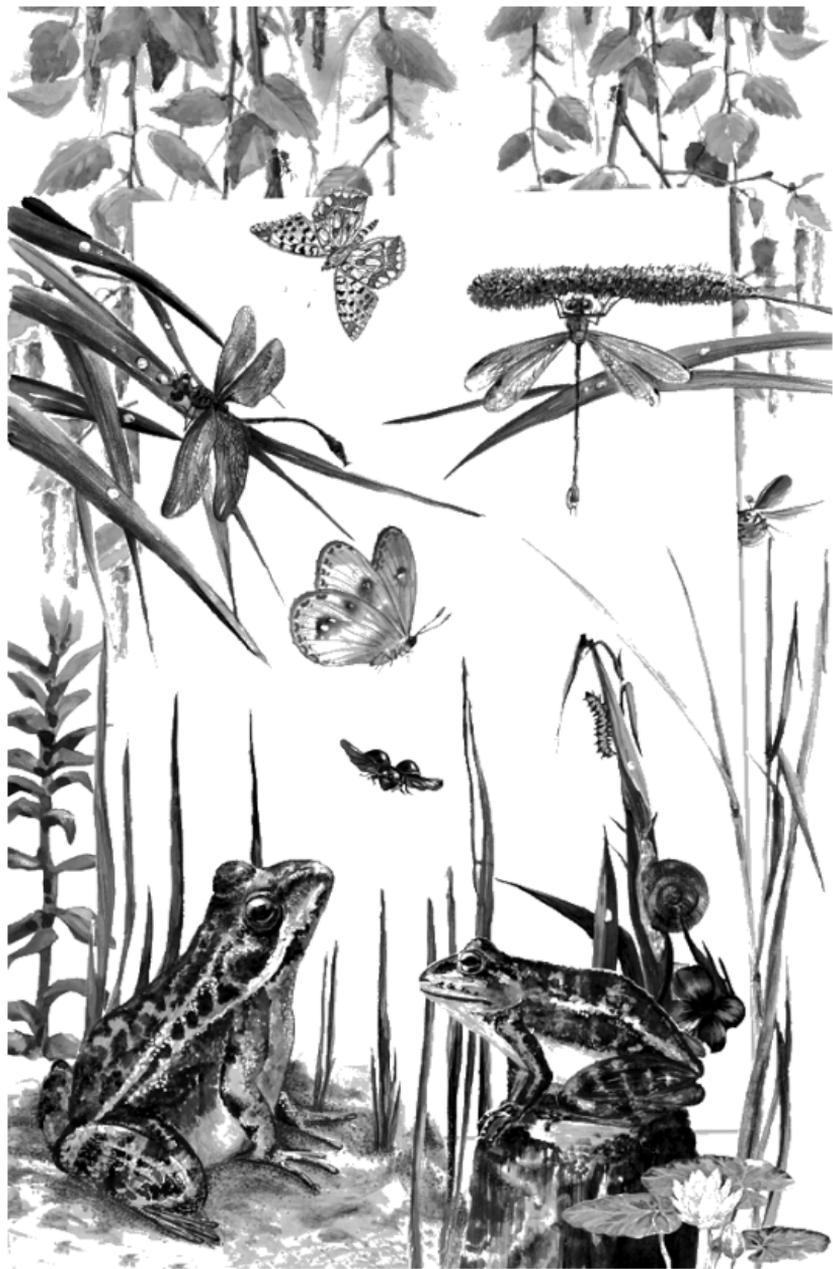
Лягушка- путешественница

Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно — конечно, в том случае, если бы не съел её аист. Но случилось одно происшествие. Однажды она сидела на сучке высушенной из воды коряги и наслаждалась тёплым мелким дождиком.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! — думала она. — Какое это наслаждение — жить на свете!»

Дождик моросил **по её пёстренькой лакированной спинке**; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень и что **осенью лягушки не квакают**, — на это есть весна, — и что, заквакав, она может уронить своё лягушечье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый

звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют, или, лучше сказать, по-свистывают. Фью-фью-фью-фью — раздаётся в воздухе, когда летит высоко над вами стадо таких уток, а их самих даже и не видно, так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

— Кря, кря! — сказала одна из них. — Лететь ещё далеко; надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что **утки не станут есть её**, большую и толстую квакушку, но всё-таки, на всякий случай, она нырнула под корягу. Однако, подумав, она решилась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

— Кря, кря! — сказала другая утка, — уже холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

— Госпожи утки! — осмелилась сказать лягушка, — что такое юг, на который вы летите?

Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть её, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные тёплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, **что такое юг**. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла в восторг, но в конце всё-таки спросила, потому что была осторожна:

— А много ли там мошек и комаров?

— О! целые тучи! — отвечала утка.

— Ква! — сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать её и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик.

— Возьмите меня с собой!

— Это мне удивительно! — воскликнула

утка. — Как мы тебя возьмём? У тебя нет крыльев.

— Когда вы летите? — спросила лягушка.

— Скоро, скоро! — закричали все утки. — Кря, кря! кря! кря! Тут холодно! На юг! На юг!

— Позвольте мне подумать только пять минут, — сказала лягушка, — я сейчас вернусь, я наверно придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлёпнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять. Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором она сидела, показалась её морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! Я нашла! — сказала она. — Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и всё будет превосходно.

Хотя молчать и тащить хоть бы и лёгкую

лягушку три тысячи вёрст не бог знает какое удовольствие, но её ум привёл уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести её. Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да ещё столько, да полстолько, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести её приходилось не особенно часто. Нашли хороший, **прочный прутик**, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и всё стадо поднялось на воздух. У лягушки захватило дух **от страшной высоты, на которую её подняли**; кроме того, утки летели неровно и дёргали прутик; бедная квакушка болталась в воздухе, как бумажный паяц, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлёпнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что всё-таки видела и радовалась и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала», — думала она про себя.

А утки летели вслед за нёсшей её передней парой, кричали и хвалили её.

— Удивительно умная голова наша лягушка, — говорили они, — даже между утками мало таких найдётся.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но, вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, ещё крепче стиснула челюсти и решила терпеть. Она болталась таким образом целый день: нёсшие её утки переменялись на лету, ловко подхватывая прутик; это было очень страшно: не раз лягушка чуть было не квакала от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела. Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарёю утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперёд, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносился людской говор и

стук цепов, которыми молотили **рожь**. Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на неё руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что об ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

— Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышали голоса.

— Смотрите, смотрите! — кричали дети в одной деревне, — утки лягушку несут!

Лягушка услышала это, и **у неё прыгало сердце**.

— Смотрите, смотрите! — кричали в другой деревне взрослые, — вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» — подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! — кричали в третьей деревне. — Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

Тут лягушка уж не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мо-

чи:

— Это я! Я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и где была твёрдая дорога, а гораздо дальше, что было для неё большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять сгоряча закричала во всё горло:

— Это я! Это я придумала!

Но вокруг неё никого не было. Испуганные неожиданным плеском, местные лягушки все попрятались в воду. Когда они начали показываться из неё, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у неё были свои соб-

ственные утки, которые носили её, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные тёплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

— Я заехала к вам посмотреть, как вы живёте, — сказала она. — Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели её.

Справочное бюро Что за пёстренькая лягушка?

В умеренных широтах окраска лягушек обычно маскировочная — в коричневатых или зеленоватых тонах с пятнышками. Так окрашены прудовая, озёрная, травяная и остромордая лягушки. Лягушки выглядят блестящими, потому что их кожа покрыта слизью, что позволяет лягушке дышать не только с помощью лёгких, но и через кожу.

Почему лягушки не квакают осенью?

Лягушки могут квакать в любое время, когда они активны — с весны до осени, ква-

канье — это способ их общения между собой. Но наиболее громкое кваканье разносится над водоёмами в тёплые майские вечера и ночи — лягушек даже прозвали «болотными соловьями». Весной у лягушек брачный период, и кваканье самцов привлекает самок.

Неужели утка не может проглотить лягушку?

Утки питаются, процеживая воду с помощью плоского клюва, — их рацион состоит главным образом из различных растений, но они с удовольствием съедают мелких водных членистоногих, не брезгуют моллюсками, мелкой рыбой, головастиками и даже лягушками — хотя проглотить могут только молодых особей. В зимний период утки не отказываются от хлеба и зерна, но это не их пища.

Что такое юг? Куда летят утки?

Юг — сторона света, противоположная северу. В полдень солнце находится на юге. Юг ассоциируется у нас с теплом и вечным летом. Учёные проследили пути сезонных миграций уток и выяснили, что разные популяции летят на зимовку в разные места.

Российские утки улетают в Средиземноморье, на Кавказ, в среднюю Азию и даже северную Африку — туда, где водоёмы зимой не замерзают и достаточно пищи. Впрочем, в крупных городах немалая часть уток ведёт оседлый образ жизни.

У какого дерева мог быть такой прочный прутик?

Лягушки средней полосы весят до 200 г. Скорее всего, герои взяли ивовый прутик. Свежий ивовый прутик толщиной с карандаш

способен справиться с такой задачей. Однако, высыхая, ива становится хрупкой, поэтому прутик придётся периодически менять.

На какой высоте летают утки?

Обычно утки-кряквы летают на высоте 150–300 м, но известны случаи, когда эти птицы поднимались до 6400 м. Во время миграций утки обычно не поднимаются выше 500 м, а за счёт частых взмахов крыльев достигают скорости 60–70 км/ч. Не так много птиц способны подняться выше и лететь быстрее.

Что такое рожь? Зачем её молотят?

Рожь относится к хлебным злакам. Раньше:

рожь жали (срезали побеги) с помощью серпов, связывали в снопы для удобства транспортировки, затем обмолачивали с помощью цепа — конструкции из двух палок, соединённых цепью, провеивали зерно, чтобы отделить его от колосковых чешуй, и, наконец, перемалывали в муку.

Есть ли у лягушки сердце?

У лягушки, как и у всех позвоночных животных, есть сердце, хотя оно устроено не

так, как у человека.

У лягушки сердце трёхкамерное — у него есть два предсердия и желудочек, в котором венозная и артериальная кровь частично смешиваются. Лягушки намного древнее человека, поэтому их сердце устроено примитивнее.

Attalea princeps

В одном большом городе был ботанический сад, а в этом саду — огромная **оранжерея** из железа и стекла. Она была очень красива: стройные витые колонны поддерживали всё здание; на них опирались лёгкие узорчатые арки, переплетённые между собою целой паутиной железных рам, в которые были вставлены стёкла. Особенно хороша была оранжерея, когда солнце заходило и освещало её красным светом. Тогда она вся горела, красные отблески играли и переливались, точно в огромном, мелко отшлифованном драгоценном камне.

Сквозь толстые прозрачные стёкла виднелись заключённые растения. Несмотря на величину оранжереи, им было в ней тесно. Кор-

ни переплелись между собою и **отнимали друг у друга влагу и пищу**. Ветви дерев мешались с огромными листьями пальм, гнули и ломали их и сами, налегая на железные рамы, гнулись и ломались. Садовники постоянно обрезали ветви, подвязывали проволоками листья, чтобы они не могли расти, куда хотят, но это плохо помогало. Для растений нужен был широкий простор, родной край и свобода. Они были уроженцы жарких стран, нежные, роскошные создания; они помнили свою родину и тосковали о ней. Как ни прозрачна стеклянная крыша, но она не ясное небо. Иногда, зимой, стёкла обмерзали; тогда в оранжерее становилось совсем темно. Гудел ветер, бил в рамы и заставлял их дрожать. Крыша покрывалась наметённым снегом. Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер, тёплый, влажный, дававший им жизнь и здоровье. И им хотелось вновь почувствовать его веянье, хотелось, чтобы он покачал их ветвями, поиграл их листьями. Но в оранжерее воздух был неподвижен; разве только иногда зимняя буря выбивала стекло, и резкая, холодная струя, полная

иня, влетала под свод. Куда попадала эта струя, там листья бледнели, съёживались и увядали.

Но стёкла вставляли очень скоро. Ботаническим садом управлял отличный учёный директор и не допускал никакого беспорядка, несмотря на то что большую часть своего времени проводил в занятиях с микроскопом в особой стеклянной будочке, устроенной в главной оранжерее.

Была между растениями одна пальма, выше всех и красивее всех. Директор, сидевший в будочке, называл её по-латыни *Attalea*! Но это имя не было её родным именем: его придумали ботаники. Родного имени ботаники не знали, и оно не было написано сажей на белой дощечке, прибитой к стволу пальмы. Раз пришёл в ботанический сад приезжий из той жаркой страны, где выросла пальма; когда он увидел её, то улыбнулся, потому что она напомнила ему родину.

— А! — сказал он. — Я знаю это дерево. — И он назвал его родным именем.

— Извините, — крикнул ему из своей будочки директор, в это время внимательно

разрезывавший бритвою какой-то стебелёк, — вы ошибаетесь. Такого дерева, какое вы изволили сказать, не существует. Это — **Attalea princeps**, родом из Бразилии.

— О да, — сказал бразильянец, — я вполне верю вам, что ботаники называют её — *Attalea*, но у неё есть и родное, настоящее имя.

— Настоящее имя есть то, которое даёт наука, — сухо сказал ботаник и запер дверь будочки, чтобы ему не мешали люди, не понимавшие даже того, что уж если что-нибудь сказал человек науки, так нужно молчать и слушаться.

А бразильянец долго стоял и смотрел на дерево, и ему становилось всё грустнее и грустнее. Вспомнил он свою родину, её солнце и небо, её роскошные леса с чудными зверями и птицами, её пустыни, её чудные южные ночи. И вспомнил ещё, что нигде не бывал он счастлив, кроме родного края, а он объехал весь свет. Он коснулся рукою пальмы, как будто бы прощаясь с нею, и ушёл из сада, а на другой день уже ехал на пароходе домой.

А пальма осталась. Ей теперь стало ещё тя-

желее, хотя и до этого случая было очень тяжело. Она была совсем одна. На пять сажен возвышалась она над верхушками всех других растений, и эти другие растения не любили её, завидовали ей и считали гордою. Этот рост доставлял ей только одно горе; кроме того, что все были вместе, а она была одна, она лучше всех помнила своё родное небо и больше всех тосковала о нём, потому что ближе всех была к тому, что заменяло им его: к гадкой стеклянной крыше. Сквозь неё ей виднелось иногда что-то голубое: то было небо, хоть и чужое, и бледное, но всё-таки настоящее голубое небо. И когда растения болтали между собою, Attalea всегда молчала, тосковала и думала только о том, как хорошо было бы постоять даже и под этим бледненьким небом.

— Скажите, пожалуйста, скоро ли нас будут поливать? — спросила **саговая пальма**, очень любившая сырость. — Я, право, кажется, засохну сегодня.

— Меня удивляют ваши слова, соседка, — сказал **пузатый кактус**. — Неужели вам мало того огромного количества воды, которое на вас выливают каждый день? Посмотр-

рите на меня: мне дают очень мало влаги, а я всё-таки свеж и сочен.

— Мы не привыкли быть чересчур бережливыми, — отвечала саговая пальма. — Мы не можем расти на такой сухой и дрянной почве, как какие-нибудь кактусы. Мы не привыкли жить как-нибудь. И кроме всего этого, скажу вам ещё, что вас не просят делать замечания.

Сказав это, саговая пальма обиделась и замолчала.

— Что касается меня, — вмешалась корица, — то я почти довольна своим положением. Правда, здесь скучновато, но уж я, по крайней мере, уверена, что меня никто не обдерёт.

— Но ведь не всех же нас обдирали, — сказал **древовидный папоротник**. — Конечно, многим может показаться раем и эта тюрьма после жалкого существования, которое они вели на воле.

Тут корица, забыв, что её обдирали, оскорбилась и начала спорить. Некоторые растения вступились за неё, некоторые за папоротник, и началась горячая перебранка. Если бы

они могли двигаться, то непременно бы подрались.

— Зачем вы ссоритесь? — сказала Attalea. — Разве вы поможете себе этим? Вы только увеличиваете своё несчастье злобою и раздражением. Лучше оставьте ваши споры и подумайте о деле. Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте ветви, напирайте на рамы и стёкла, наша оранжерея рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу. Если одна какая-нибудь ветка упрётся в стекло, то, конечно, её отрежут, но что сделают с сотней сильных и смелых стволов? Нужно только работать дружнее, и победа за нами.

Сначала никто не возражал пальме: все молчали и не знали, что сказать. Наконец саговая пальма решилась.

— Всё это глупости, — заявила она.

— Глупости! Глупости! — заговорили деревья, и все разом начали доказывать Attalea, что она предлагает ужасный вздор. — Несбыточная мечта! — кричали они. — Вздор! Нелепость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаем их, да если бы и сломали, так что ж такое? Придут люди с ножами и с топорами, отрубят

ветви, заделают рамы и всё пойдёт по-старому. Только и будет, что отрежут от нас целые куски...

— Ну, как хотите! — отвечала Attalea. — Теперь я знаю, что мне делать. Я оставлю вас в покое: живите, как хотите, ворчите друг на друга, спорьте из-за подачек воды и оставайтесь вечно под стеклянным колпаком. Я и одна найду себе дорогу. Я хочу видеть небо и солнце не сквозь эти решётки и стёкла, — и я увижу!

И пальма гордо смотрела зелёной вершиной на лес товарищей, раскинутый под нею. Никто из них не смел ничего сказать ей, только саговая пальма тихо сказала соседке-цикаде:

— Ну, посмотрим, посмотрим, как тебе отрежут твою большую башку, чтобы ты не очень зазнавалась, гордячка!

Остальные хоть и молчали, но всё-таки сердились на Attalea за её гордые слова. Только одна маленькая травка не сердилась на пальму и не обиделась её речами. **Это была самая жалкая и презренная травка из всех растений оранжереи:** рыхлая, бледненькая,

ползучая, с вялыми толстенькими листьями. В ней не было ничего замечательного, и она употреблялась в оранжерее только для того, чтобы закрывать голую землю. Она обвивала собою подножие большой пальмы, слушала её, и ей казалось, что Attalea права. Она не знала южной природы, но тоже любила воздух и свободу. Оранжерей и для неё была тюрьмой. «Если я, ничтожная, вялая травка, так страдаю без своего серенького неба, без бледного солнца и холодного дождя, то что должно испытывать в неволе это прекрасное и могучее дерево! — так думала она и нежно обвивалась около пальмы и ласкалась к ней. — Зачем я не большое дерево? Я послушалась бы совета. Мы росли бы вместе и вместе вышли бы на свободу. Тогда и остальные увидели бы, что Attalea права».

Но она была не большое дерево, а только маленькая и вялая травка. Она могла только ещё нежнее обвиться около ствола Attalea и прошептать ей свою любовь и желание счастья в попытке.

— Конечно, у нас вовсе не так тепло, небо не так чисто, дожди не так роскошны, как в

вашей стране, но всё-таки и у нас есть и небо, и солнце, и ветер. **У нас нет таких пышных растений, как вы и ваши товарищи**, с такими огромными листьями и прекрасными цветами, но и у нас растут очень хорошие деревья: сосны, ели и берёзы. Я — маленькая травка и никогда не доберусь до свободы, но ведь вы так велики и сильны! Ваш ствол твёрд, и вам уже недолго осталось расти до стеклянной крыши. Вы пробьёте её и выйдете на божий свет. Тогда вы расскажете мне, всё ли там так же прекрасно, как было. Я буду довольна и этим.

— Отчего же, маленькая травка, ты не хочешь выйти вместе со мною? Мой ствол твёрд и крепок: опирайся на него, ползи по мне. Мне ничего не значит снести тебя.

— Нет уж, куда мне! Посмотрите, какая я вялая и слабая: я не могу приподнять даже одной своей веточки. Нет, я вам не товарищ. Растите, будьте счастливы. Только прошу вас, когда выйдете на свободу, вспоминайте иногда своего маленького друга!

Тогда пальма принялась расти. И прежде посетители оранжереи удивлялись её огром-

ному росту, а она становилась с каждым месяцем выше и выше. Директор ботанического сада приписывал такой быстрый рост хорошему уходу и гордился знанием, с каким он устроил оранжерею и вёл своё дело.

— Да-с, взгляните-ка на *Attalea princeps*, — говорил он. — Такие рослые экземпляры редко встречаются и в Бразилии. Мы приложили всё наше знание, чтобы растения развивались в теплице совершенно так же свободно, как и на воле, и, мне кажется, достигли некоторого успеха.

При этом он с довольным видом похлопывал твёрдое дерево своею тростью, и удары **звонко раздавались по оранжерее**. Листья пальмы вздрагивали от этих ударов. О, если бы она могла стонать, какой вопль гнева услышал бы директор!

«Он воображает, что я расту для его удовольствия, — думала *Attalea*. — Пусть воображает!..»

И она росла, тратя все соки только на то, чтобы вытянуться, и лишая их свои корни и листья. Иногда ей казалось, что расстояние до свода не уменьшается. Тогда она напрягала

все силы. Рамы становились всё ближе и ближе, и наконец молодой лист коснулся холодного стекла и железа.

— Смотрите, смотрите, — заговорили растения, — куда она забралась! Неужели решится?

— Как она страшно выросла, — сказал дрововидный папоротник.

— Что ж, что выросла! Эка невидаль! Вот если б она сумела растолстеть так, как я! — сказала толстая цикада, со стволом, похожим на бочку. — И чего тянется? Всё равно ничего не сделает. Решётки прочны, и стёкла толсты.

Прошёл ещё месяц. *Attalea* подымалась. Наконец она плотно упёрлась в рамы. Растить дальше было некуда. Тогда ствол начал сгибаться. Его листовая вершина скомкалась, холодные прутья рамы впились в нежные молодые листья, перерезали и изуродовали их, но дерево было упрямо, не жалело листьев, несмотря ни на что давило на решётки, и решётки уже подавались, хотя были сделаны из крепкого железа.

Маленькая травка следила за борьбой и замирала от волнения.

— Скажите мне, неужели вам не больно? Если рамы уж так прочны, не лучше ли отступить? — спросила она пальму.

— Больно? Что значит больно, когда я хочу выйти на свободу? Не ты ли сама ободряла меня? — ответила пальма.

— Да, я ободряла, но я не знала, что это так трудно. Мне жаль вас. Вы так страдаете.

— Молчи, слабое растенье! Не жалея меня! Я умру или освобожусь!

И в эту минуту раздался звонкий удар. Лопнула толстая железная полоса. Посыпались и зазвенели осколки стёкол. Один из них ударил в шляпу директора, выходявшего из оранжереи.

— Что это такое? — вскрикнул он, вздрогнув, увидя летящие по воздуху куски стекла. Он отбежал от оранжереи и посмотрел на крышу. Над стеклянным сводом гордо высилась выпрямившаяся зелёная крона пальмы.

«Только-то? — думала она. — И это всё, из-за чего я томилась и страдала так долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшею целью?»

Была глубокая осень, когда Attalea выпря-

мила свою вершину в пробитое отверстие. Моросил мелкий дождик пополам со снегом; ветер низко гнал серые клочковатые тучи. Ей казалось, что они охватывают её. Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами. Только на соснах да на елях стояли тёмно-зелёные хвои. Угрюмо смотрели деревья на пальму: «Замёрзнешь! — как будто говорили они ей. — Ты не знаешь, что такое мороз. Ты не умеешь терпеть. Зачем ты вышла из своей теплицы».

И Attalea поняла, что для неё всё было кончено. **Она застывала.** Вернуться снова под крышу? Но она уже не могла вернуться. Она должна была стоять на холодном ветре, чувствовать его порывы и острое прикосновение снежинок, смотреть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задний двор ботанического сада, на скучный огромный город, видневшийся в тумане, и ждать, пока люди там, внизу, в теплице, не решат, что делать с нею.

Директор приказал спилить дерево.

— Можно бы надстроить над нею особенный колпак, — сказал он, — но надолго ли

это? Она опять вырастет и всё сломает. И при- том это будет стоить чересчур дорого. Спи- лить её!

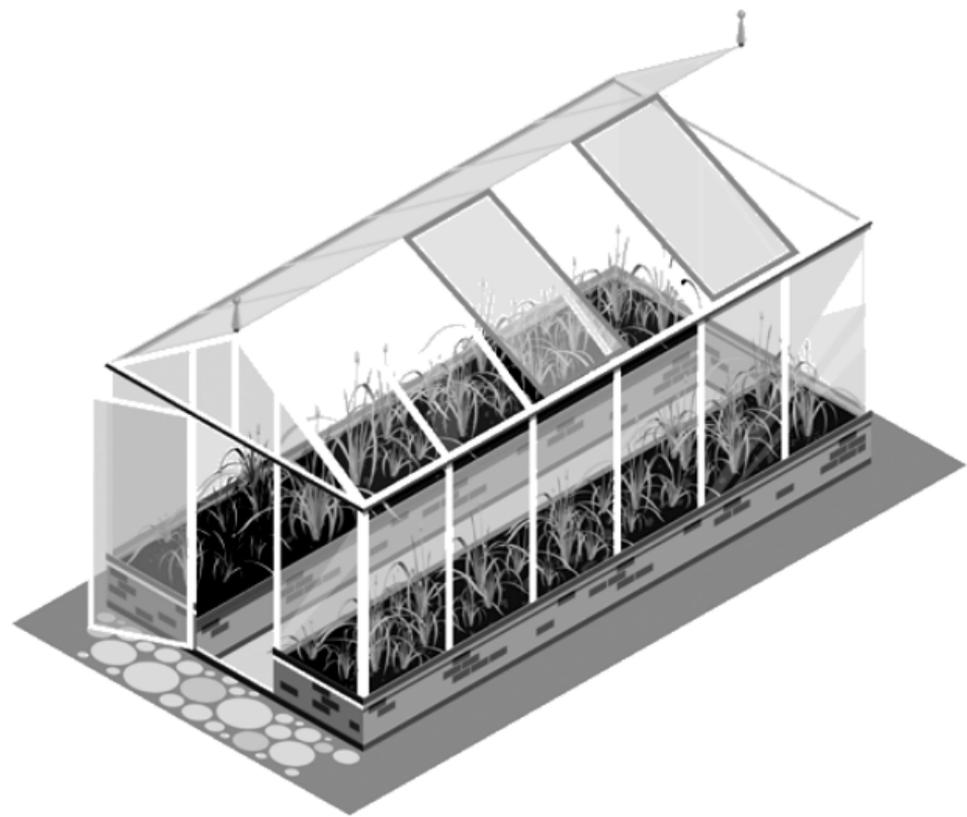
Пальму привязали канатами, чтобы, па- дая, она не разбила стен оранжереи, и низко, у самого корня, перепилили её. Маленькая травка, обвивавшая ствол дерева, не хотела расстаться со своим другом и тоже попала под пилу. Когда пальму вытащили из оранже- реи, на отрезе оставшегося пня валялись раз- мозжённые пилою, истерзанные стебельки и листья.

— Вырвать эту дрянь и выбросить, — ска- зал директор. — Она уже пожелтела, да и пи- ла очень испортила её. Посадить здесь что- нибудь новое.

Один из садовников ловким ударом засту- па вырвал целую охапку травы. Он бросил её в корзину, вынес и выбросил на задний двор, прямо на мёртвую пальму, лежавшую в грязи и уже полузасыпанную снегом.

Справочное бюро Что такое оранжерея?

Оранжерея — это специальная постройка для выращивания теплолюбивых расте-

ний, которые не смогут выжить в открытом грунте. Стены и крыша у неё стеклянные или из прозрачного пластика, с узкими металлическими рамами, чтобы растения получали как можно больше света. Внутри оранжереи создаётся особый микроклимат, поскольку стекло задерживает солнечное тепло, а также есть системы полива, освещения и отопле-

ния. Оранжевые и оранжевый цвет получили своё название от одного растения — апельсина (orange).

Какую пищу отнимали друг у друга растения? Что за пища у растений?

Растения умеют улавливать углекислый газ из воздуха и воду из почвы и преобразовывать их в органические вещества — этот сложный процесс называется фотосинтез, а кислород, который образуется в результате, растениям в таких количествах не нужен, и они выделяют его в атмосферу. Кроме того, растения берут из почвы растворённые в воде органические и минеральные вещества — важнейшими для них являются соединения азота, фосфора и калия, в меньших количествах нужны магний, кальций и сера, а также крошечные количества многих элементов таблицы Менделеева — их называют микроэлементами.

Что это за пальма? Какая она?

Атталея — род семейства Пальмовые, включающий около 70 видов, произрастающих в тропических областях Америки. Внешне это типичная пальма с неразветвлённым стволом и кроной из крупных перистых листьев на вершукке. Местное население использует в хозяйстве волокна этой пальмы. За пределами естественного ареала атталей культивируются как декоративные оранжерейные растения. Латинское название нашей героини — атталей принцепс — созвучно и родственно слову «принц», его можно перевести как «лидер, вождь, идейный вдохновитель».

Пальмы и кактусы живут в разных

местах?

Саговая пальма произрастает в тропиках Юго-Восточной Азии. Это небольшая пальма высотой до 9 м, с толстым стволом, из которого получают саго — важный компонент

питания местных жителей, содержащий крахмал. Кактусы — растения Южной и Северной Америки. Они запасают влагу в стеблях (в зависимости от вида они чаще похожи или на шары, или на столбы, а их листья превратились в колючки). Именно кактусы создают характерный пейзаж американских пустынь. Соседство кактуса и пальмы в одной оранжерее с точки зрения ботаники странно — у них разный температурно-влажностный режим.

Что за растение древовидный папоротник?

Папоротники — очень древняя и разнообразная группа растений. Древовидные папоротники играли важную роль в предыдущие геологические эпохи — они появились в девонском периоде (около 400 млн лет назад). У всех папоротников особые листья — вайи — сначала они свёрнуты улиткой, а по мере роста раскручиваются и распрямляются, а по сути своей — это система видоизменённых побегов. В умеренных широтах растут только травянистые папоротники, но в тропиках не редкость древовидные папоротники, внешне

напоминающие пальмы с «короной» из характерных папоротниковых листьев.

Что это за травка?

В оранжереях тоже есть свои сорняки — как правило, сорняки из открытого грунта в оранжереи «не допускаются», но некоторые

оранжерейные растения размножаются очень активно. Как правило, их оставляют в качестве почвопокровных растений — почва, покрытая растениями, меньше иссушается, что создаёт более благоприятную среду для корней, да и растительные композиции выглядят намного естественнее, ближе к природе. Чаще всего в оранжереях всё заполняют селлагинеллы — они относятся к плауновидным, и цимбалярия настенная — однолетнее цветковое растение из семейства Норичниковые, с мелкими цветками и округлыми листьями, напоминающими листья пеларгонии — «комнатной герани».

Почему на юге у деревьев листья

большие, а на севере маленькие?

Юг бывает разный в плане климатических условий (пустыни — это тоже юг для жи-

теля средней полосы), и чёткой закономерности между географией и величиной листьев не может быть. А вот между размером листьев и влажностью определённая зависимость есть. Растения, которые привыкли жить при достаточном количестве влаги, обычно имеют крупные листья — например, это растения дождевых тропических лесов или берегов водоёмов. В засушливых местах, там, где влага в дефиците, растения вынуждены её экономить — листья не только уменьшаются в размерах, но могут и совсем исчезнуть, превратившись в чешуйки или колючки.

Почему был такой звук? Пальмы

пустотелые?

У пальм мягкая древесина, но полости внутри нет, как нет и годичных колец, характерных для деревьев умеренных широт. Стволы всех видов пальм покрыты одревесневшими основаниями опавших листьев, что создаёт неповторимый для каждого вида рисунок. Если постучать по стволу, то звонкий звук характерен для здоровых деревьев (а человек научился делать звук деревьев ещё красивее — сколько музыкальных инструментов изготовлены из дерева!), а глухой звук указывает на проблемы — например, на сердцевинную гниль.

Неужели тропические деревья сразу погибают от холода? Какие температуры они выдерживают?

Увы, это так. Если бы тропические и субтропические растения могли выжить в открытом грунте, то не было бы ни оранжерей, ни комнатного цветоводства — в них просто не было бы необходимости. У растений умеренных широт есть адаптации к суровому климату — листопад, состояние покоя, особенности физиологии, — которыми урожен-

цы тропиков не обладают. Достаточно кратковременного понижения температуры до нуля (или сквозняка), чтобы тропическое растение погибло. Некоторые виды выдерживают кратковременные лёгкие заморозки, но теряют декоративность, другие погибают даже при слабых положительных температурах — на их родине такого не бывает.

То, чего не было

В один прекрасный июньский день, — а прекрасный он был потому, что было двадцать восемь градусов по Реомюру, — в один прекрасный июньский день было везде жар-

ко, а на полянке в саду, где стояла копна недавно скошенного сена, было ещё жарче, потому что место было закрытое от ветра густым-прегустым вишняком. Всё почти спало: люди наелись и занимались послеобеденными боковыми занятиями; птицы примолкли, даже многие насекомые попрятались от жары. О домашних животных нечего и говорить: скот крупный и мелкий прятался под навес; собака, вырыв себе под амбаром яму, улеглась туда и, полузакрыв глаза, прерывисто дышала, **высунув розовый язык чуть не на пол-аршина**; иногда она, очевидно от тоски, происходящей от смертельной жары, так зевала, что при этом даже раздавался тоненький визг; свиньи, маменька с тринадцатью детками, отправились на берег и улеглись в чёрную жирную грязь, причём из грязи видны были только сопевшие и храпевшие свинные пяточки с двумя дырочками, продолговатые, облитые грязью спины да огромные повислые уши. Одни куры, не боясь жары, кое-как убивали время, разгребая лапами сухую землю против кухонного крыльца, в которой, как они отлично знали, не было уже ни одно-

го зёрнышка; да и то петуху, должно быть, приходилось плохо, потому что иногда он принимал глупый вид и во всё горло кричал: «какой ска-ан-да-ал!!»

Вот мы и ушли с полянки, на которой жарче всего, а на этой-то полянке и сидело целое общество неспавших господ. То есть сидели-то не все; старый гнедой, например, с опасностью для своих боков от кнута кучера Анто-на разгребавший копну сена, будучи лоша-дью, вовсе и сидеть не умел; гусеница ка-кой-то бабочки тоже не сидела, а скорее лежала на животе: но дело ведь не в слове. Под вишнею собралась маленькая, но очень се-рьёзная компания: улитка, навозный жук, ящерица, вышеупомянутая гусеница; приска-кал кузнечик. Возле стоял и старый гнедой, прислушиваясь к их речам одним, повёрну-тым к ним, гнедым ухом с торчащими изнут-ри тёмно-серыми волосами; а на гнедом сиде-ли две мухи.

Компания вежливо, но довольно одушев-лённо спорила, причём, как и следует быть, никто ни с кем не соглашался, так как каж-дый дорожил независимостью своего мнения

и характера.

— По-моему, — говорил навозный жук, — порядочное животное прежде всего должно заботиться о своём потомстве. Жизнь есть труд для будущего поколения. Тот, кто сознательно исполняет обязанности, возложенные на него природой, тот стоит на твёрдой почве: он знает своё дело, и, что бы ни случилось, он не будет в ответе. Посмотрите на меня: кто трудится больше моего? Кто целые дни без отдыха катает такой тяжёлый шар — шар, мною же столь искусно созданный из навоза, с великой целью дать возможность вырасти новым, подобным мне, навозным жукам? Но зато не думаю, чтобы кто-нибудь был так спокоен совестью и с чистым сердцем мог бы сказать: «да, я сделал всё, что мог и должен был сделать», как скажу я, когда на свет явятся новые навозные жуки. Вот что значит труд!

— Поди ты, братец, со своим трудом! — сказал муравей, притащивший во время речи навозного жука, несмотря на жару, чудовищный кусок сухого стебелька. Он на минуту остановился, присел на четыре задние нож-

ки, а двумя передними отёр пот со своего измученного лица. — И я ведь тружусь, и побольше твоего. Но ты работаешь для себя или, всё равно, для своих жученят; не все так счастливы... попробовал бы ты потаскать брёвна для казны, вот как я. Я и сам не знаю, что заставляет меня работать, выбиваясь из сил, даже и в такую жару. Никто за это и спасибо не скажет. Мы, несчастные рабочие муравьи, всё трудимся, а чем красна наша жизнь? Судьба!..

— Вы, навозный жук, слишком сухо, а вы, муравей, слишком мрачно смотрите на жизнь, — возразил им кузнечик. — Нет, жук, я люблю-таки потрещать и попрыгать, и ничего! Совесть не мучит! Да притом вы несколько не коснулись вопроса, поставленного госпожой ящерицей: она спросила, «что есть мир?», а вы говорите о своём навозном шаре; это даже невежливо. Мир — мир, по-моему, очень хорошая вещь уже потому, что в нём есть для нас молодая травка, солнце и ветерок. Да и велик же он! Вы здесь, между этими деревьями, не можете иметь никакого понятия о том, как он велик. Когда я бываю в поле,

я иногда вспрыгиваю, как только могу, вверх и, уверяю вас, **достигаю огромной высоты**. И с неё-то вижу, что миру нет конца.

— Верно, — глубокомысленно подтвердил гнедой. — Но всем вам всё-таки не увидите и сотой части того, что видел на своём веку я. Жаль, что вы не можете понять, что такое верста... За версту отсюда есть деревня Лупарёвка: туда я каждый день езжу с бочкой за водой. Но там меня никогда не кормят. А с другой стороны Ефимовка, Кисляковка; в ней церковь с колоколами. А потом Свято-Троицкое, а потом Богоявленск. В Богоявленске мне всегда дают сена, но сено там плохое. А вот в Николаеве, — это такой город, двадцать восемь вёрст отсюда, — так там сено лучше и овёс дают, только я не люблю туда ездить: туда ездит на нас барин и велит кучеру погонять, а кучер больно стегает нас кнутом... А то есть ещё Александровка, Белозёрка, Херсон-город тоже... Да только куда вам понять всё это!.. Вот это-то и есть мир; не весь, положим, ну да всё-таки значительная часть.

И гнедой замолчал, но нижняя губа у него всё ещё шевелилась, точно он что-нибудь

шептал. Это происходило от старости: ему был уже семнадцатый год, а для лошади это всё равно, что для человека семьдесят седьмой.

— Я не понимаю ваших мудрёных лошадиных слов, да, признаться, и не гонюсь за ними, — сказала улитка. — Мне был бы лопух, а его довольно: вот уже я четыре дня ползу, а он всё ещё не кончается. А за этим лопухом есть ещё лопух, а в том лопухе, наверно, сидит ещё улитка. Вот вам и всё. И прыгать никуда не нужно — всё это выдумки и пустяки; сиди себе да ешь лист, на котором сидишь. Если бы не лень ползти, давно бы ушла от вас с вашими разговорами; от них голова болит и больше ничего.

— Нет, позвольте, отчего же? — перебил кузнечик, — потрещать очень приятно, особенно о таких хороших предметах, как бесконечность и прочее такое. Конечно, есть практические натуры, которые только и заботятся о том, как бы набить себе живот, как вы или вот эта прелестная гусеница...

— Ах, нет, оставьте меня, прошу вас, оставьте, не троньте меня! — жалобно вос-

кликнула гусеница: — я делаю это для будущей жизни, только для будущей жизни.

— Для какой там ещё будущей жизни? — спросил гнедой.

— Разве вы не знаете, что я **после смерти сделаюсь бабочкой с разноцветными крыльями?**

Гнедой, ящерица и улитка этого не знали, но насекомые имели кое-какое понятие. И все немного помолчали, потому что никто не умел сказать ничего путного о будущей жизни.

— К твёрдым убеждениям нужно относиться с уважением, — затрещал, наконец, кузнечик. — Не желает ли кто сказать ещё что-нибудь? Может быть, вы? — обратился он к мухам, и старшая из них ответила:

— Мы не можем сказать, чтобы нам было худо. Мы сейчас только из комнат; барыня расставила в мисках наваренное варенье, и мы забрались под крышку и наелись. Мы довольны. Наша маменька увязла в варенье, но что ж делать? Она уже довольно пожила на свете. А мы довольны.

— Господа, — сказала ящерица, — я думаю,

что все вы совершенно правы! Но с другой стороны...

Но ящерица так и не сказала, что было с другой стороны, потому что почувствовала, как что-то крепко прижало её хвост к земле.

Это пришёл за гнедым проснувшийся кучер Антон; он нечаянно наступил своим сапожищем на компанию и раздавил её. Одни мухи улетели обсасывать свою мёртвую, обмазанную вареньем, маменьку, да ящерица убежала с оторванным хвостом. Антон взял гнедого за чуб и повёл его из сада, чтобы запрячь в бочку и ехать за водой, причём приговаривал: «ну, иди ты, хвостяка!», на что гнедой ответил только шептаньем.

А ящерица осталась без хвоста. Правда, **через несколько времени он вырос**, но навсегда остался каким-то тупым и черноватым. И когда ящерицу спрашивали, как она повредила себе хвост, то она скромно отвечала:

— Мне оторвали его за то, что я решилась высказать свои убеждения.

И она была совершенно права.

Справочное бюро

Что за система измерения по Реомюру?

Температурная шкала Реомюра сейчас практически не употребляется — её вытеснила более удобная 100градусная шкала Цельсия. Названа в честь французского учёного Рене Антуана Реомюра, который изобрёл спиртовой термометр в 1730 г. На его шкале 0 градусов соответствовал точке замерзания воды, 80 — вопреки популярному заблуждению — точка кипения спирта, а не воды. 28 градусов Реомюра соответствуют 35 градусам Цельсия — то есть день был жаркий.

Зачем собака так дышала? Это помогает от жары?

Высунуть язык на поларшина (31 см) собаке, конечно, невозможно, это художественное преувеличение. У собаки нет потовых желёз, она не может потеть, а чтобы спастись от перегрева в жару или после физической нагрузки, она дышит с открытым ртом. Чем шире открыт рот — тем больше поверхность испа-

рения и тем эффективнее охлаждение. Чем гуще и длиннее шерсть собаки — тем чаще можно наблюдать такое дыхание.

Зачем навозный жук катает шар? Как это помогает вырасти новым жукам?

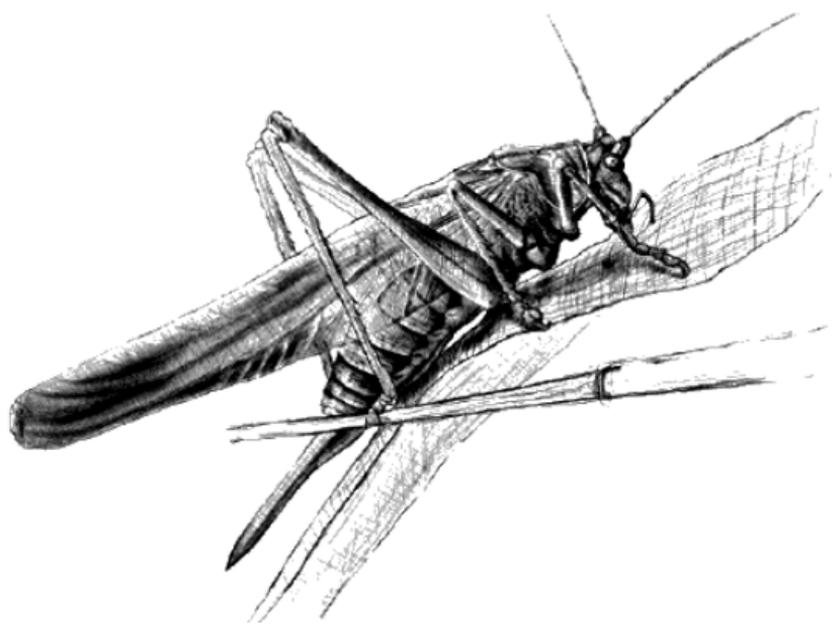
Личинки жуков-навозников питаются падалью или помётом животных, взрослые жу-

ки — помётом или грибами, у некоторых видов взрослые особи вообще не питаются. У жуковнавозников забота о потомстве выглядит странно с человеческой точки зрения — они откладывают яйца в норку и оставляют там запас навоза для питания будущих личинок. Крупные шары, часто превосходящие в размерах самого жука, катают скарабеи священные — самый известный вид навозников. В брачный период совместное катание шаров способствует образованию пар.

На какую высоту может прыгнуть кузнечик?

Строго говоря, у кузнечиков не прыжок, а своеобразный полёт, поскольку они отталкиваются ногами, но, находясь в воздухе, пользуются крыльями. Кузнечик может прыгнуть в длину на расстояние, превышающее длину его тела в 40 раз, а в высоту — на 20 длин своего тела. На передних ногах кузнечика располагаются их органы слуха — почти незаметные отверстия с перепонкой, а стрекочет кузнечик за счёт трения крыльев друг о друга — на них есть зазубрины, а принцип действия похож на смычок и скрипку.

Как это происходит? Гусеница должна умереть, чтобы появилась бабочка?

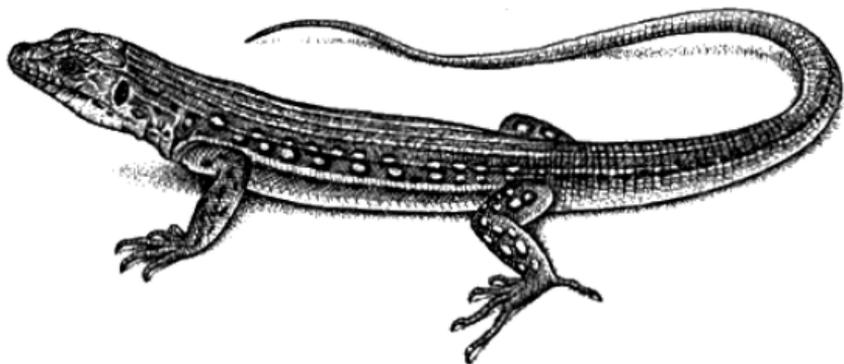
Вкакой-то мере это так, и у многих народов превращение гусеницы в бабочку — это метафора перехода к загробной жизни, хотя между стадиями гусеницы и взрослой бабочки есть ещё стадия куколки. Яйца и куколки — покоящиеся стадии, и именно так бабочки переживают зиму. Обычно полный цикл превращений бабочки проходит в течение одного календарного года, но у бабочеквожнянок, живущих в Арктике, гусеницы способны замерзнуть и оттаивать, а весь цикл длится до 14 лет. Продолжительность жизни имаго (взрослой особи) бабочки — от нескольких часов до нескольких месяцев, в среднем — 2–3 недели.

Как у ящерицы отрастает новый хвост?

Вмире существует около 6000 видов ящериц, и отбрасывать хвост умеют не все. Но обычные в России прыткая и живородящая ящерицы отбрасывают хвост, чтобы спасти себе жизнь. Они не умирают от кровотечения, поскольку мышцы очень сильно сокращаются и пережимают кровеносные сосуды.

Отброшенный хвост какое-то время продолжает извиваться, пугая хищника и сбивая его с толку, а ящерица успевает скрыться. Хвост затем восстанавливается, у прыткой ящерицы — за 3–4 недели, у живородящей — примерно за год, но будет заметно темнее, а вместо позвонков внутри хвоста будет хрящ.

Сказка о жабе и розе

Жили на свете роза и жаба.

Розовый куст, на котором расцвела роза, рос в небольшом полукруглом цветнике перед деревенским домом. Цветник был очень запущен; сорные травы густо разрослись по старым, вросшим в землю клумбам и по дорожкам, которых уже давно никто не чистил и не посыпал песком. Деревянная решётка с колышками, обделанными в виде четырёхгранных пик, когда-то выкрашенная зелёной масляной краской, теперь совсем облезла, рассохлась и развалилась; пики растащили для игры в солдаты деревенские мальчишки и, чтобы отбиваться от сердитого барбо-

са с компаниею прочих собак, подходившие к дому мужики.

А цветник от этого разрушения стал несколько не хуже. Остатки решётки заплели хмель, **повилика с крупными белыми цветами** и мышиный горошек, висевший целыми бледно-зелёными кучками, с разбросанными кое-где бледно-лиловыми кисточками цветов. Колючие чертополохи на жирной и влажной почве цветника (вокруг него был большой тенистый сад) достигали таких больших размеров, что казались чуть не деревьями. Жёлтые коровьяки подымали свои усаженные цветами стрелки ещё выше их. Крапива занимала целый угол цветника; она, конечно, жглась, но можно было и издали любоваться её тёмною зеленью, особенно когда эта зелень служила фоном для нежного и роскошного бледного цветка розы.

Она распустилась в хорошее майское утро; когда она раскрывала свои лепестки, улетавшая утренняя роса оставила на них несколько чистых, прозрачных слезинок. Роза точно плакала. Но вокруг неё всё было так хорошо, так чисто и ясно в это прекрасное утро, когда

она в первый раз увидела голубое небо и почувствовала свежий утренний ветерок и лучи сиявшего солнца, проникавшего её тонкие лепестки розовым светом; в цветнике было так мирно и спокойно, что если бы она могла в самом деле плакать, то не от горя, а от счастья жить. Она не могла говорить; она могла только, склонив свою головку, разливать вокруг себя тонкий и свежий запах, и этот запах был её словами, слезами и молитвой.

А внизу, между корнями куста, на сырой земле, как будто прилипнув к ней плоским брюхом, сидела довольно жирная старая жаба, которая проохотилась целую ночь за червяками и мошками и под утро уселась отдыхать от трудов, выбрав местечко потенистее и посуше. Она сидела, закрыв перепонками свои жабыи глаза, и едва заметно дышала, раздувая грязно-серые бородавчатые и липкие бока и отставив одну безобразную лапу в сторону: ей было лень подвинуть её к брюху. Она не радовалась ни утру, ни солнцу, ни хорошей погоде; она уже наелась и собралась отдохнуть.

Но когда ветерок на минуту стихал и запах

розы не уносился в сторону, жаба чувствовала его, и это причиняло ей смутное беспокойство; однако она долго ленилась посмотреть, откуда **несётся этот запах**.

В цветник, где росла роза и где сидела жаба, уже давно никто не ходил. Ещё в прошлом году осенью, в тот самый день, когда жаба, отыскав себе хорошую щель под одним из камней фундамента дома, собиралась залезть туда на зимнюю спячку, в цветник в последний раз зашёл маленький мальчик, который целое лето сидел в нём каждый ясный день под окном дома. Взрослая девушка, его сестра, сидела у окна; она читала книгу или шила что-нибудь и изредка поглядывала на брата. Он был маленький мальчик лет семи, с большими глазами и большой головой на худеньком теле. Он очень любил свой цветник (это был его цветник, потому что, кроме него, почти никто не ходил в это заброшенное местечко) и, придя в него, садился на солнышке, на старую деревянную скамейку, стоявшую на сухой песчаной дорожке, уцелевшей около самого дома, потому что по ней ходили закрывать ставни, и начинал читать принесён-

ную с собой книжку.

— Вася, хочешь, я тебе брошу мячик? — спрашивает из окна сестра. — Может быть, ты с ним побегаешь?

— Нет, Маша, я лучше так, с книжкой.

И он сидел долго и читал. А когда ему надоело читать о Робинзонах, и диких странах, и морских разбойниках, он оставлял раскрытую книжку и забирался в чащу цветника. Тут ему был знаком каждый куст и чуть ли не каждый стебель. Он садился на корточки перед толстым, окружённым мохнатыми беловатыми листьями стеблем коровьяка, который был втрое выше его, и подолгу смотрел, как муравьиный народ бежит вверх к своим коровам — **травяным тлям**, как муравей деликатно трогает тонкие трубочки, торчащие у тлей на спине, и подбирает чистые капельки сладкой жидкости, показывавшиеся на кончиках трубочек. Он смотрел, как навозный жук хлопотливо и усердно тащит куда-то свой шар, как паук, раскинув хитрую радужную сеть, сторожит мух, как ящерица, раскрыв тупую мордочку, сидит на солнце, блестя зелёными щитиками своей спины; а

один раз, под вечер, он увидел живого ежа! Тут и он не мог удержаться от радости и чуть было не закричал и не захлопал руками, но боясь спугнуть колючего зверька, притаил дыхание и, широко раскрыв счастливые глаза, в восторге смотрел, как тот, фыркая, обнюхивал своим свиным рыльцем корни розового куста, ища между ними червей, и смешно перебирал толстенькими лапами, похожими на медвежьи.

— Вася, милый, иди домой, сыро становится, — громко сказала сестра.

И ёжик, испугавшись человеческого голоса, живо надвинул себе на лоб и на задние лапы колючую шубу и превратился в шар. Мальчик тихонько коснулся его колючек; зверек ещё больше съёжился и глухо и торопливо запыхтел, как маленькая паровая машина.

Потом он немного познакомился с этим ёжиком. Он был такой слабый, тихий и кроткий мальчик, что даже разная звериная мелкота как будто понимала это и скоро привыкала к нему. Какая была радость, когда ёж попробовал молока из принесённого хозяином цветника блюдечка!

В эту весну мальчик не мог выйти в свой любимый уголок. По-прежнему около него сидела сестра, но уже не у окна, а у его постели; она читала книгу, но не для себя, а вслух ему, потому что ему было трудно поднять свою исхудалую голову с белых подушек и трудно держать в тощих руках даже самый маленький томик, да и глаза его скоро утомлялись от чтения. Должно быть, он уже больше никогда не выйдет в свой любимый уголок.

— Маша! — вдруг шепчет он сестре.

— Что, милый?

— Что, в садике теперь хорошо? Розы расцвели?

Сестра наклоняется, целует его в бледную щеку и при этом незаметно стирает слезинку.

— Хорошо, голубчик, очень хорошо. И розы расцвели. Вот в понедельник мы пойдём туда вместе. Доктор позволит тебе выйти.

Мальчик не отвечает и глубоко вздыхает. Сестра начинает снова читать.

— Уже будет. Я устал. Я лучше посплю.

Сестра поправила ему подушки и белое одеяльце, он с трудом повернулся к стенке и замолчал. Солнце светило сквозь окно, выхо-

дившее на цветник, и кидало яркие лучи на постель и на лежавшее на ней маленькое тельце, освещая подушки и одеяло и золотя коротко стриженные волосы и худенькую шею ребёнка.

Роза ничего этого не знала; она росла и красовалась; **на другой день она должна была распуститься полным цветом**, а на третий начать вянуть и осыпаться. Вот и вся розовая жизнь! Но и в эту короткую жизнь ей довелось испытать немало страха и горя.

Её заметила жаба.

Когда она в первый раз увидела цветок своими злыми и безобразными глазами, что-то странное зашевелилось в жабьем сердце. Она не могла оторваться от нежных розовых лепестков и всё смотрела и смотрела. Ей очень понравилась роза, она чувствовала желание быть поближе к такому душистому и прекрасному созданию. И чтобы выразить свои нежные чувства, она не придумала ничего лучше таких слов:

— Постой, — прохрипела она, — я тебя слопаяю!

Роза содрогнулась. Зачем она была при-

креплена к своему стебельку? Вольные птички, щебетавшие вокруг неё, перепрыгивали и перелетали с ветки на ветку; иногда они уносились куда-то далеко, куда — не знала роза. Бабочки тоже были свободны. Как она завидовала им! Будь она такою, как они, она вспорхнула бы и улетела от злых глаз, преследовавших её своим пристальным взглядом. Роза не знала, что жабы подстерегают иногда и бабочек.

— Я тебя слопаю! — повторила жаба, стараясь говорить как можно нежнее, что выходило ещё ужаснее, и переползла поближе к розе.

— Я тебя слопаю! — повторила она, всё глядя на цветок.

И бедное создание с ужасом увидело, как скверные липкие лапы цепляются за ветви куста, на котором она росла. Однако жабе лезть было трудно: её плоское тело могло свободно ползать и прыгать только по ровному месту. После каждого усилия она глядела вверх, где качался цветок, и роза замирала.

— Господи! — молилась она, — хоть бы умереть другою смертью!

А жаба всё карабкалась выше. Но там, где кончались старые стволы и начинались молодые ветви, ей пришлось немного пострадать. **Тёмно-зелёная гладкая кора розового куста была вся усажена острыми и крепкими шипами.** Жаба переколола себе о них лапы и брюхо и, окровавленная, свалилась на землю. Она с ненавистью посмотрела на цветок...

— Я сказала, что я тебя слопаю! — повторила она.

Наступил вечер; нужно было подумать об ужине, и раненая жаба поплелась подстергать неосторожных насекомых. Злость не помешала ей набить себе живот, как всегда; её царапины были не очень опасны, и она решилась, отдохнув, снова добираться до привлекавшего её и ненавистного ей цветка.

Она отдыхала довольно долго. Наступило утро, прошёл полдень, роза почти забыла о своём враге. Она совсем уже распустилась и была самым красивым созданием в цветнике. Некому было прийти полюбоваться ею: маленький хозяин неподвижно лежал на своей постельке, сестра не отходила от него и не по-

казывалась у окна. Только птицы и бабочки сновали около розы, да пчёлы, жужжа, сидели иногда в её раскрытый венчик и вылетали оттуда, совсем косматые от **жёлтой цветочной пыли**. Прилетел соловей, забрался в розовый куст и запел свою песню. Как она была не похожа на хрипение жабы! Роза слушала эту песню и была счастлива: ей казалось, что соловей поёт для неё, а может быть, это была и правда. Она не видела, как её враг незаметно взбирался на ветки. На этот раз жаба уже не жалела ни лапок, ни брюха: кровь покрывала её, но она храбро лезла всё вверх — и вдруг, среди звонкого и нежного рокота соловья, роза услышала знакомое хрипение:

— Я сказала, что слопаю, и слопаю!

Жабыи глаза пристально смотрели на неё с соседней ветки. Злому животному оставалось только одно движение, чтобы схватить цветок. Роза поняла, что погибает...

Маленький хозяин уже давно неподвижно лежал на постели. Сестра, сидевшая у изголовья в кресле, думала, что он спит. На коленях у неё лежала развёрнутая книга, но она не чи-

тала её. Понемногу её усталая голова склонилась: бедная девушка не спала несколько ночей, не отходя от больного брата, и теперь слегка задремала.

— Маша, — вдруг прошептал он.

Сестра встрепелулась. Ей приснилось, что она сидит у окна, что маленький брат играет, как в прошлом году, в цветнике и зовёт её. Открыв глаза и увидев его в постели, худого и слабого, она тяжело вздохнула.

— Что милый?

— Маша, ты мне сказала, что розы расцвели! Можно мне... одну?

— Можно, голубчик, можно! — Она подошла к окну и посмотрела на куст. **Там росла одна, но очень пышная роза.**

— Как раз для тебя распустилась роза, и какая славная! Поставить тебе её сюда на столик в стакане? Да?

— Да, на столик. Мне хочется.

Девушка взяла ножницы и вышла в сад. Она давно уже не выходила из комнаты; солнце ослепило её, и от свежего воздуха у неё слегка закружилась голова. Она подошла к кусту в то самое мгновение, когда жаба хо-

тела схватить цветок.

— Ах, какая гадость! — вскрикнула она.

И, схватив ветку, она сильно трянула её: жаба свалилась на землю и шлёпнулась брюхом. В ярости она было прыгнула на девушку, но не могла подскочить выше края платья и тотчас далеко отлетела, отброшенная носком башмака. Она не посмела попробовать ещё раз и только издали видела, как девушка осторожно срезала цветок и понесла его в комнату.

Когда мальчик увидел сестру с цветком в руке, то в первый раз после долгого времени слабо улыбнулся и с трудом сделал движение худенькой рукой.

— Дай её мне, — прошептал он. — Я понюхаю.

Сестра вложила стебелёк ему в руку и помогла подвинуть её к лицу. Он вдыхал в себя нежный запах и, счастливо улыбаясь, прошептал:

— Ах, как хорошо...

Потом его личико сделалось серьёзным и неподвижным, и он замолчал... навсегда.

Роза, хотя и была срезана прежде, чем на-

чала осыпаться, чувствовала, что её срезали не даром. Её поставили в отдельном бокале у маленького гробика. Тут были целые букеты и других цветов, но на них, по правде сказать, никто не обращал внимания, а розу молодая девушка, когда ставила её на стол, поднесла к губам и поцеловала. Маленькая слезинка упала с её щеки на цветок, и это было самым лучшим происшествием в жизни розы. Когда она начала вянуть, её положили в толстую старую книгу и высушили, а потом, уже через много лет, подарили мне. Потому-то я и знаю всю эту историю.

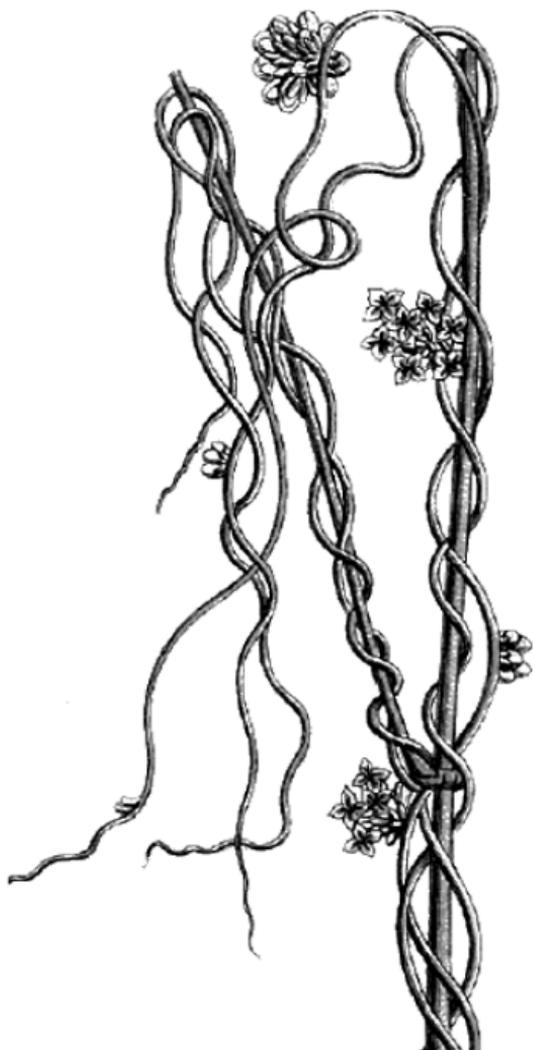
Справочное бюро Что за растение повилика?

Повилика европейская — паразитическое растение из семейства Повиликовые. У неё нет корней и листьев, длинный тонкий стебель обвивается вокруг растения-хозяина (часто крапива), и из него выходят присоски, которые впиваются в хозяина, и повилика

питается его соками. Цветы повилики собраны в шаровидные соцветия, и цветущее растение напоминает нитку бус. Повилика ослабляет хозяина вплоть до полной его гибели, в связи с чем является опасным сорняком. Однако крупные белые цветы дают основание предположить, что речь идёт о другом представителе вьюнковых — повое заборном.

Почему роза пахнет?

Роза, как и другие цветковые растения, которые опыляются насекомыми, должна привлечь внимание насекомых к цветку. Насекомые прилетают полакомиться сладким нектаром и пыльцой, а опыляют растения как бы между делом, попутно. Чтобы насекомые заметили, а нектар не только сладкий, но ещё и обладает сильным запахом. Человек вывел множество сортов роз, у большинства из них цветки махровые — в них больше пяти лепестков, но некоторые сорта лишены запаха.

**Что такое травяная тля? Почему это
корова муравьёв?**

Тли — мелкие сосущие насекомые, которые

вредят растениям, — они нередко густо облепляют верхушки побегов. Тли выделяют падь — сладкий раствор, который привлекает муравьёв. Муравьи щекочут тлю за брюшко своими усиками, тля выделяет капельку пади, которой питаются муравьи (процесс действительно напоминает дойку коровы) — а в благодарность за это муравьи охраняют тлю от других насекомых и утаскивают её в муравейник на зимовку. Главный враг тли — божья коровка, как взрослые жуки, так и их ли-

ЧИНКИ.

Все ли цветки так распускаются?

Продолжительность жизни отдельно взятого цветка обычно не превышает нескольких дней. Иногда цветки распускаются за считанные секунды, как у энотеры двулетней, «ночной свечи». Много растений, у которых цветок живёт всего один день (лилейник, или красоднев). Во многих случаях цветки распускаются и закрываются в строго определённое время суток. Самые долгоживущие цветки у представителей семейства орхидные — они не увядают 2–2,5 месяца.

Зачем розе шипы?

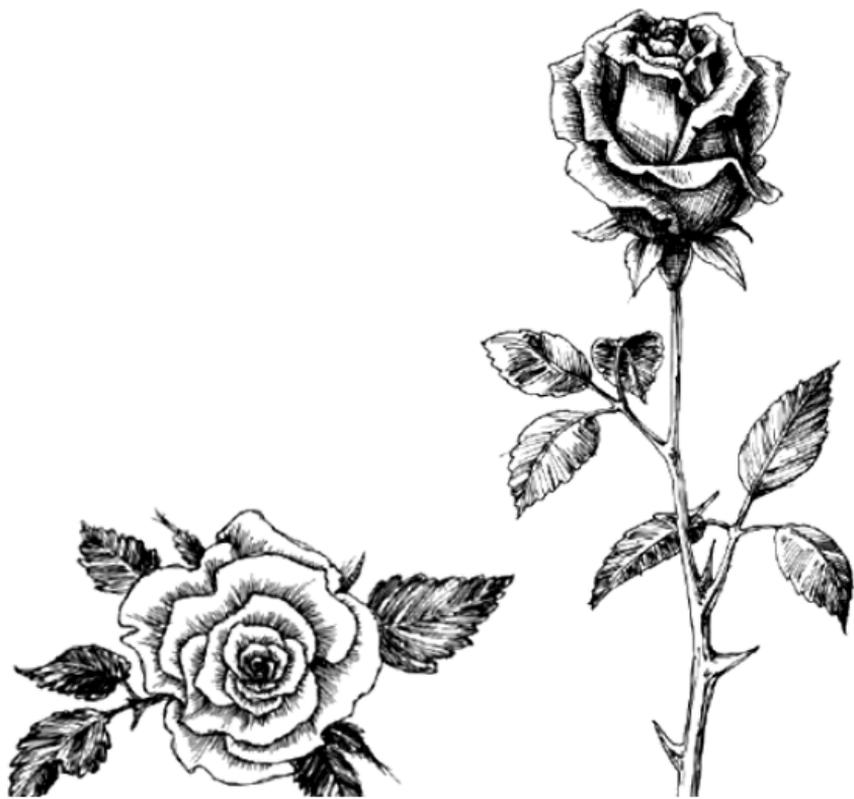
У некоторых растений есть шипы и колючки, которые защищают их. Шипы — это выросты покровной ткани — эпидермы. Рус-

ское название розы — шиповник, хотя обычно оно применяется по отношению к дикорастущим видам. Один из видов розы имеет говорящее название — роза колючейшая. Шипы покрывают стебли и листья не только роз, но также ежевики и малины и других растений. Колючки — это видоизменённые листья или их части (кактус, барбарис, молочай) или побеги (как у сливы и боярышника).

Что это за жёлтая цветочная пыль? Зачем она?

Сейчас мы говорим «пыльца». Пыльца, как правило, жёлтого цвета, образуется в пыльниках тычинок и состоит из пыльцевых

зёрен. Растения обычно образуют много пыльцы — чтобы увеличить шансы опыления. У насекомоопыляемых видов пыльца более крупная и клейкая, а её оболочка имеет рельефный рисунок, у ветроопыляемых — мелкая, сухая и гладкая. Скульптура пыльцевого зерна уникальна для каждого вида. Наука, изучающая пыльцу и споры растений, называется палинология. Пыльца некоторых

растений, например берёзы, орешника, сосны и злаков, может вызывать аллергию (поллиноз).

Сколько роз может цвести на одном кусте?

Судя по всему, эта роза просто распустилась с первой — действие сказки «в хорошее майское утро». Раньше всех распускаются дикие розы, которые также называют шиповниками, — роза майская, их время — конец мая — июнь. Садовые сортовые розы в средней полосе обычно расцветают в конце июня — начале июля. В зависимости от сорта цветение может быть однократным и повторным — многие современные сорта цветут до снега. Однократноцветущие розы цветут обильно — так, что не видно листьев, а повторноцветущие образуют новые бутоны в течение сезона. Количество цветков на кусте может исчисляться сотнями.

Зачем цветы высушивают в книгах?

Гербарий — коллекция засушенных растений. Популярное увлечение в XIX в., да и сейчас многие любители засушивают цветы и листья между страницами книг. Ботаники используют специальные гербарные прессы (иначе при сушке растение теряет форму), сохнувшие растения переслаиваются газетами, чтобы удалять излишки влаги, а затем растения монтируют на лист плотной бумаги, при-

крепляя его с помощью ниток и клея, и обязательно снабжают этикеткой, на которой указывают название растения и точное место и дату сбора. Гербарные образцы хранятся в специальных шкафах, где их раскладывают на полки в соответствии с систематикой — чтобы удобно было работать. Крупнейшие гербарии мира насчитывают сотни тысяч и даже миллионы образцов.

Сказание о гордом Аггее

Жил в некоторой стране правитель; звали его Аггей. Был он славен и силён: дал ему Господь полную власть над странюю; враги его боялись, друзей у него не было, а народ во всей области жил смиренно, зная силу своего правителя. И возгордился правитель, и стал он думать, что никого нет на свете сильнее и мудрее его. Жил он пышно; множество у него было богатства и слуг, с которыми он никогда не говорил: считал их недостойными. С женою своею жил в ладу, но держал и её строго, так, что не смела она сама заговаривать, а ждала, пока не спросит её или не скажет ей что-нибудь муж.

Жил так Аггей один, точно на высокой башне стоял. Снизу толпы народа на него смотрят, а он не хочет никого знать и стоит на своём низеньком помосте; думает, что одно это место его достойно: хоть одиноко, да высоко.

Пошёл в праздник Аггей в церковь. Пришёл он туда с женою своею в пышных одеждах: мантии на них были златотканые, пояса с дорогими камнями, а над ними несли парчовый балдахин. И впереди их и сзади шли воины с мечами и секирами и довели их до царского места, откуда им слушать службу. Вокруг них стали начальники да чиновники. И слушал Аггей службу и думал по-своему, как ему казалось, верно или неверно говорится в святом Писании.

Начал протопоп книгу читать и дошёл он до того места, где написано: «богатые обнищают, а нищие обогатеют». Услышал Аггей такие слова и разгневался.

— Что ты, — говорит, — поп, вздумал читать такую ложь? Не знаешь разве, как славен я и богат? Как мне обнищать и нищему обогатеть против меня?

Протопоп же не слушал его и дальше стал читать книгу, и службу отслужил до конца, не отвечая Аггею.

И разъярился правитель: протопопа велел заковать в кандалы и посадить в темницу, а лист, на котором те слова были написаны, велел из книги выдрать.

Отвели протопопа в темницу и лист выдрали, а правитель Аггей пошёл в свои палаты пировать и на пиру пил, ел и веселился.

Шёл за городом один юноша и увидел оленя, такого рослого и красивого, что до тех пор и не видывал. И захотел он угодить правителю: побежал в город, пришёл в его палаты и сказал об олене слугам. Донесли о том Аггею, и приказал он собираться на охоту.

Выехала охота в поле; увидели оленя и поскакали к нему. Стоит олень, голову поднял, на охоту оглядывается, будто ждёт чего-то. Не видал такого зверя и сам Аггей: рослый и гладкий, морда тонкая, умная; **рога как дерево ветвистое**, от конца до конца целая **сажень**. Шерсть гнедая, блестит, как лощёная; ляжки белые, как снег. Скачет к нему Аггей и дивится, что не уходит олень, а на него всё

смотрит большими глазами, точно сказать что-то хочет. Подскакал Аггей, думал уж копьё метнуть; повернулся зверь, взмахнул ветвистыми рогами, прынул первым скоком на три сажени и пошёл по полю; конь был у Аггея такой, что и цены ему не было, а стал отставать. Обернулся правитель на своих охотников, а их уже едва и видно; посмотрел вперёд на оленя и видит, что зверь пошёл тише. «Ну, — думает, — догоню!» Скачет во всю конскую мочь и видит — всё ближе и ближе к нему белые ляжки оленьи мелькают. Только хотел было копьё бросить — олень обернул голову, надал — опять Аггей далеко от него. Охоты уже давно не видно, и скачут в чистом поле только олень да Аггей на коне.

Гонялся он за ним полдня; видит наконец, что олень к реке бежит. «Ну, — думает, — если направо пойдёт — пропал, а налево — мой!» Налево река луку сделала, и некуда зверю было оттуда уйти: сзади охотник, спереди река широкая, ни человеку, ни зверю не переплыть. Повернул олень налево; задрожало у Аггея сердце от радости. Скачет, а сам думает: «Скоро река, некуда тебе уйти». Подскакал

олень к берегу, а недалеко от берега островок небольшой, а на острове кусты густые и лес мелкий. Прыгнул олень со всего размаха в воду, окунулся, вынырнул и поплыл на остров. Подскакал Аггей и видит, что зверь в кусты ушёл. Погнал и он коня в воду.

Ступил конь в воду, шагнул три раза и ушёл в воду по шею, а дальше нога и дна не достаёт. Повернул Аггей назад на берег, думает: «Олень от меня и так не уйдёт, а на такой быстрине, пожалуй, и коня утопишь». Слез с коня, привязал его к кусту, снял с себя дорогое платье и пошёл в воду. Плыл, плыл, едва не унесло. Наконец попробовал ногой — дно. «Ну, — думает, — сейчас я его достану» — и пошёл в кусты.

Разгневался Господь на Аггея. Призвал он к себе ангела и повелел ему, приняв на себя вид Аггеев, одеться в его платье, сесть на коня и ехать в город. И исполнил ангел волю Господню по слову его.

Искал, искал зверя Аггей по кустам — нет зверя. Весь остров кругом обошёл; поперёк сквозь кусты излазил — нет ничего. И не придумает Аггей, куда девался олень: впереди —

река широкая, никакому зверю не переплыть; да и увидел бы он оленя, если бы тот поплыть вздумал. Досадно стало Аггею; однако делать нечего, надо назад ворочаться. Он вышел к воде, бросил копье, чтоб не мешало, и приплыл к берегу. Смотрит — ни коня, ни платья нет. Рассердился правитель, подумал, что украли, и решил строго наказать вора. Вышел он из воды, поднялся на крутой берег — чистое поле, нет никого. Нечего делать, нужно голому идти. Идёт, а **трава ему ноги режет**; непривычны они босиком ходить; солнце печёт голое тело и голову. Шёл, шёл Аггей, поднялся на пригорок; видит, в лощине пастух коров и телят пасёт. Остановился Аггей и начал ему рукой махать.

— Эй, ты, — говорит, — поди сюда!

Пастух на него смотрит, удивляется. «Откуда, — думает, — среди чистого поля голый человек взялся?» Пошёл к нему потихоньку; в одной руке кнут длинный, в другой — труба берестовая; сам в лаптях и в зипунишке худом; через плечо мешок для хлеба повешен. Аггей на него закричал:

— Ты чего не идёшь, когда зовут?

— А ты кто такой? — спрашивает пастух. — Чего тебе надобно?

— Не видел ли, кто моё платье взял и коня увёл?

— Да ты кто такой сам-то? — опять спрашивает пастух.

— Как, ты меня не знаешь? Я правитель ваш, Аггей.

Посмотрел на него пастух и засмеялся.

— Что ты, дурак, городишь! Правитель наш сейчас мимо меня в город с охоты проехал. Долго его тут охотники искали и нашли: вместе поехали.

— Как ты смеешь, раб, негодяй! — закричал Аггей.

— Пошёл, пошёл, — говорит пастух, — а то кнута отведаешь.

Не вспомнил себя правитель от гнева. Забыл он, что наг и безоружен, и бросился на пастуха. Схватил за плечо, хотел ударить, но пастух был сильнее: повалил он Аггея на землю и **начал бить берестовою трубою**. Бил бил, пока береста вся не расплелась, и отошло тогда у него сердце.

— Вот, — говорит, — тебе за такие слова.

Ступай!

Поднялся Аггей, весь избитый, побрёл потихоньку. А пастух подумал, и жаль ему стало. «Напрасно, — думает, — я человека изобидел: может, он шальной какой или сумасшедший».

Отошёл Аггей немного от пастуха, слышит, тот зовёт его.

— Эй ты, воротись!

Аггей обернулся, смотрит, а пастух в одной руке что-то держит, а другою рукою к себе его манит.

— Воротись! — кричит. — Куда ты голый пойдёшь?... На тебе хоть мешок.

Стоит Аггей, не шевелится. Горько и стыдно стало душе его. Пастух достал нож из-за пояса, прорезал в мешке три дыры: одну для головы, а две для рук, и подошёл к Аггею.

— Мешок-то у меня пустой, хлеб весь съел. Нехорошо человеку голому ходить; надень вместо рубахи.

Надел он на него мешок. Пошёл Аггей, ни слова не сказавши, в город. Идёт, а сам думает о своей напасти и не знает, откуда она на него пришла. Обманщик, видно, какой-ни-

будь, на него похожий, его платье взял и **коня увёл**. И чем дальше идёт Аггей, тем больше сердце у него разгорается. «Уж покажу я ему, что я Аггей — настоящий, грозный правитель. Прикажу на площадь отвести и голову отрубить. А пастуха тоже так не оставлю», — подумал Аггей, да вдруг вспомнил про мешок и застыдился.

Шёл он до вечера, а до города ещё далеко. Пришлось ему в поле ночевать; зарылся в копну и проспал всю ночь. Поднялся с зарёю и опять пошёл; недалеко от города вышел на большую дорогу. По дороге много народу в город на базар идёт и едет. Догоняет его обоз; стали его извозчики спрашивать, что он за человек и отчего это он в мешок одет.

Вспомнил Аггей про пастуховы побои и побоялся сказать правду.

— Я, — говорит, — не здешний житель; ехал я через ваш город по делам, да дорогой напали на меня разбойники, всего избили и ограбили, и коня, и платье, и деньги отняли. Надели на меня мешок, да и пустили.

Пожалели его хорошие люди: собрали кто рубаху, кто штаны; один дал ему опорки ста-

рые, другой — кафтан, а третий — шапку. Поблагодарил их Аггей, спросил, как зовут и где их найти, и пошёл в город уже повеселее.

«Скоро, — думает, — моему мучению конец. Злодея накажу, а тех, кто мне помог, награжу».

Пошёл он прямо на соборную площадь: там его палаты стояли. Думал он в свои ворота войти, не узнала его стража и не пустила. Побоялся он, как бы опять бить не стали, отошёл и стал думать, что ему делать. Идти прямо в дом к себе нельзя: пока дойдёшь до обманщика, и изобьют, и в тюрьму посадят, и убьют, пожалуй. «Надо потерпеть», — думает. Пошёл на базар, где подёнщики нанимались, и стал в толпу. Наняли его за малые деньги кирпичи на постройку носить. Трудна была ему работа: все плечи в кровь с непривычки истёр, а сам весь будто разбитый. Получил он под вечер деньги и разделил их на три части: **на одну хлеба купил**, поел, другую про запас на ночлег оставил, а на третью купил бумаги, чтобы написать жене своей письмо. Была у них одна великая тайна: знал про неё лишь он да жена его, и чтоб поверила она письму,

написал он про эту тайну и, подойдя к своему дому, увидел одну женщину из прислужниц жены и отдал ей письмо для передачи. Не узнала его в дурном платье и женина служанка. Стал Аггей недалеко от ворот, ответа поджидает.

А жена его, видя, что муж её при ней, не могла поверить тому письму. Подумала, не проговорился ли муж кому про ту тайну и не злодей ли какой хочет смутить её. Боялась она своего грозного мужа и знала, что если узнает он, что ей такие письма приносят, то накажет её, не разобрав дела. И чтобы отогнать того человека, что письмо написал, и напугать его, чтобы никогда больше не смел смущать её, приказала слугам схватить его, привести во двор и высечь жестоко. Исполнили это слуги, отпустили Аггея чуть живого. Приплёлся он на постоялый двор и всю ночь промучился: к утру лишь заснул. И телу его было больно, а на душе и того хуже: гнев бесильный и ярость связанная терзали его, а хуже мучения нет.

На другой день пришёл праздник, и стали хозяева с постоялого двора в церковь соби-

раться. Нарядилась хозяйка и вышла за ворота, а муж во дворе чем-то замешкался. Стала жена мужа звать.

— Иди, — кричит, — а то правитель в церковь пройдёт, и не увидим его.

Услышал это Аггей и спрашивает:

— А кто у вас правитель?

— А ты не здешний, видно, что не знаешь? Правитель у нас Аггей. Правит он городом и всею областью уже двенадцать лет. Грозный у нас правитель: вчера увидела я его на улице, со страху чуть не упала.

Пошли хозяева в церковь, а Аггей не знает, что ему и думать. Махнул он рукой. «Будь что будет, — думает, — хуже того, что теперь, себе не сделаю; хоть и казнят меня, а пойду и обличу злодея». И пошёл за хозяевами к собору и стал с народом на паперти, где проходить правителю.

И видит Аггей: идут его воины-телохранители с секирами и мечами, и начальники, и чиновники в праздничных одеждах. И идут под балдахином парчовым правитель с правительницей: одежды на них золототканые, пояса дорогими каменьями украшенные. И

взглянул Аггей в лицо правителю и ужаснулся: открыл ему Господь глаза, и узнал он ангела Божия. И бежал Аггей в ужасе из города.

Бежал он долго, сам не зная, где и куда. И очутился он в дремучем лесу, и упал от усталости под деревом, и долго лежал без сил и без памяти, как будто бы оставила его на время душа его.

Проснулся он ночью, и дико ему стало. Забыл, что случилось в последние три дня, и не знает, отчего звёзды из-за веток смотрят на него, отчего над ним деревья от ветра шумят, отчего ему холодно и лежит он не на своей пуховой постели, а на **сырой траве**. Стал вспоминать и всё припомнил.

И горько плакал Аггей. Вспомнил он всю жизнь свою и понял, что не за выдранный лист наказал его Господь, а за всю жизнь. «Прогневал я Господа, — думает, — и будет ли мне теперь пощада и спасение?»

Долго лежал он и плакал, каясь в грехе своём и прося у Бога помощи и силы. И послал ему Господь силу.

Рассвело. Аггей встал, и вышел из леса, и пошёл на светлый божий мир, к людям.

Год прошёл, другой проходит, а жена Аггеева всё думает, что муж её вместе с нею в палатах живёт. Только удивляется она, отчего муж её стал смирен и добр: не казнит никого и не наказывает; на охоту не ездит, а только в церковь ходит да разбирает ссоры и тяжбы и мирит поссорившихся. Видится она с ним редко; посмотрит он на неё кротко, не по-прежнему, скажет ласковое слово и уйдёт в свою горницу и там затворится и сидит один.

Приступила она к нему наконец:

— Господин мой, скажи мне, чем я прогневала тебя, что ты удалил от себя жену свою? Не знаю за собой никакой вины; за что же ты другой год меня чуждаешься?

Посмотрел на неё ангел, улыбнулся тихо и сказал:

— Ничем ты меня не прогневала, любезная жена, но я дал Богу обет три года не знать тебя. Вот третий год уже наступает, и скоро будешь ты жить по-прежнему с мужем своим.

Сказал и ушёл в свой покой и затворился. Заплакала жена и тоже пошла к себе.

Так прожили они три года. За неделю прежде, чем пойти четвёртому, отдал прави-

тель приказ собрать со всей области нищих и убогих. Будет на правительевом дворе всем им приём и угощение, и наделит их правитель дарами. Поскакали гонцы во все города, послали из городов приказ по сёлам и деревням, и со всех концов потянулись нищие. И не знал никто до той поры, что так много нищих в области; все дороги покрыли они: хромые, безногие, безрукие, и слепые, и слабые, и **юродивые**, и убогие разумом, старые и малые. Идут нищие зрячие больше поодиночке, а слепые — артелями. Собрались в город, и пришло их столько, что не только во дворе у правителя не поместились, а и всю соборную площадь заняли.

Пошёл правитель в церковь, набились и нищие в церковь, те, которые попали, а другие толпою стали перед церковью на площади. Слуги же в то время на площади столы расставили, и покрыли их, и поставили на них пироги, и похлёбки, и мясо, **мёд** и вино. И сколько ни было нищих, всем места хватило.

Вышел правитель из церкви, остановился на паперти, дал знак рукой, и вся толпа стихла.

— Рад видеть вас всех, добрые люди: милости прошу хлеба-соли откусать. Садитесь по местам и кушайте, а пообедаете — ещё к вам выйду.

Сказал и пошёл в свои палаты. Стали за столы усаживаться; одна артель слепых целый стол заняла. Пришли эти слепые издалека; шли они тихо и долго; было их двенадцать человек, а поводырь у них был один. Шёл он впереди, двое за него держались, а за тех остальные по паре. Рассадил он их по местам, а сам стал служить: разлил им по мискам похлёбку, пироги роздал, мясо нарезал, ложки в руки дал. Едят слепые, а он от одного к другому ходит и служит им.

Вот в конце обеда вышел правитель из своих палат и начал обходить столы. Кого спросит о чём, кому ласковое слово скажет, а за ним идут слуги с деньгами и платьем и всех одевают. Обошёл всех и подходит к последнему столу, где слепая артель сидела. Увидел правителя поводырь — и задрожал и побледнел весь.

Подходит к нему правитель и спрашивает:
— Ты тоже нищий?

— Нет, великий правитель, не нищий я. Слуга я нищим.

— Добро сказал ты, человек. Как зовут тебя?

Потупил поводырь глаза в землю:

— Люди Алексеем зовут.

Посмотрел ему в глаза ангел, улыбнулся и говорит:

— Не всякая ложь в ложь поставится. Иди за мной.

Оставил поводырь своих слепых и пошёл за правителем в палаты. Идут они через толпу, и дивятся на них все люди: идут точно братья родные. Оба высокие и статные, оба черноволосые, и оба на одно лицо: только у поводыря **в густых кудрях седины много серебрится** да лицо почернело от ветра и солнца, а у правителя лицо белое и светлое.

Расступился народ, пропустил их; ушли они в палаты. Провёл поводыря ангел в дальний покой и затворится с ним.

— Узнал я тебя, Аггей, — говорит правитель, — знаешь ли ты меня?

— Знаю, господин, что послан ты был наказать меня. Каюсь я в грехе моём и во всей

жизни моей...

И заплакал Аггей, и плакал навзрыд. Стоит ангел перед ним: лицом просветлел и улыбается; поднял Аггей голову и перестал плакать: не видел он никогда улыбки такой.

— Кончилось наказание твоё, — сказал ангел. — Возьми мантию правителеву, возьми меч и жезл и шапку правителеву. Помни, за что ты наказан был, и правь народом кротко и мудро, и будь отныне братом народу своему.

— Нет, господин мой, послушаюсь я твоего веления, не возьму ни меча, ни жезла, ни шапки, ни мантии. Не оставлю я слепых своих братьев: я им и свет и пища, и друг и брат. Три года я жил с ними и работал для них, и прилепился душою к нищим и убогим. Прости ты меня и отпусти в мир к людям: долго стоял я один среди народа, как на каменном столпе, высоко мне было, но одиноко, ожесточилось сердце моё и исчезла любовь к людям. Отпусти меня.

— Добро сказал ты, Аггей, — отвечал ангел. — Иди с миром!

И пошёл поводырь Алексей со своими две-

надцатью слепыми, и работал всю жизнь на них и на других бедных, слабых и угнетённых, и прожил так многие годы до смерти своей.

А ангел через три дня оставил тело правителя. Похоронили тело, и жалел народ своего правителя, который сначала гордым был, а после кротким стал.

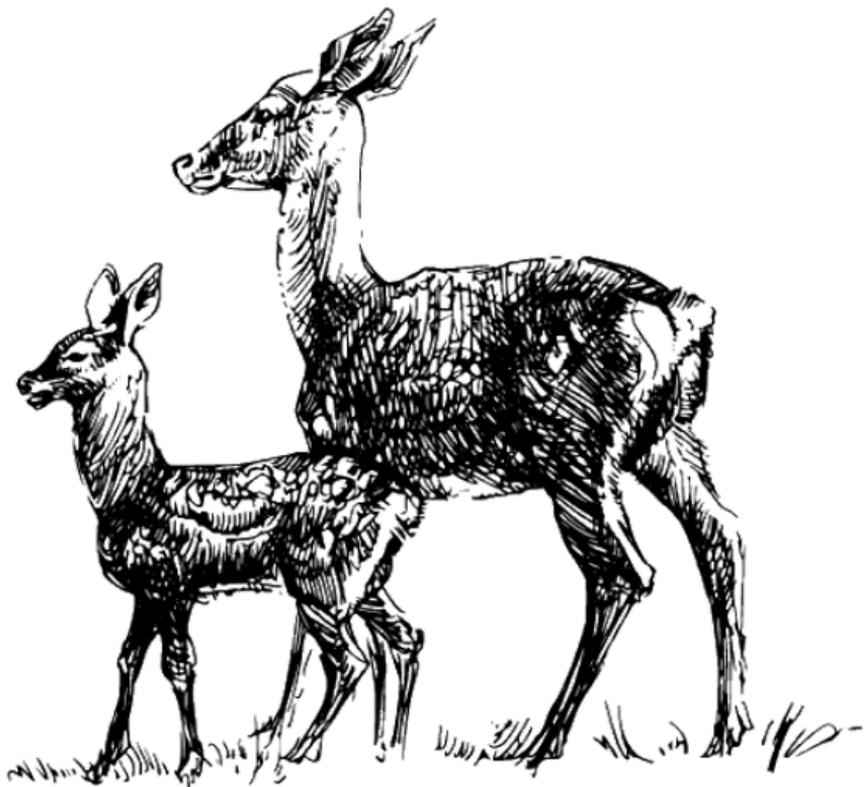
Ангел же явился перед лицо Господа.

Справочное бюро

Что за животное олень? Они очень красивые?

Олень — парнокопытное животное узнаваемого облика, с тонкими, стройными ногами, большими глазами и ветвистыми рогами. Во многих культурах олени — персонажи сказок, природа наделила их

красотой и быстрым бегом, а человек «добавлял» волшебные свойства. К оленям относятся, в частности, косули, маралы, изюбри. На территории нашей страны обитает несколько видов оленей, пожалуй, самый многочисленный — северный олень, без которого немыслима жизнь народов Крайнего Севера.

Почему у оленей ветвистые рога? Не мешают ли они ему? Что такое сажень?

Крупные и ветвистые рога у самцов нужны им для битвы за самку. Чем крупнее рога и чем они ветвистее — тем старше самец и тем больше у него шансов быть вожаком стада и выбрать лучших самок (однако саженные рога — т. е. более 2 м в размахе — художественное преувеличение. Впрочем, если речь

идёт о лосе, то его рога могут быть до 180 см в размахе).

Разве трава острая? Ею можно порезать ноги?

У многих растений злаков края листа довольно острые — и кожу на руках поранить до крови довольно легко. На подошвах кожа толще, но поскольку Аггей вылез из воды, то вполне вероятно, что в водоёме есть растение с говорящим названием — телорез обыкновенный, или алоэвидный. Его листья усажены острыми загнутыми зубцами, которые могут нанести повреждения. Телорез плавает в толще воды на мелководье, и если его в водоёме много, то повреждения неизбежны.

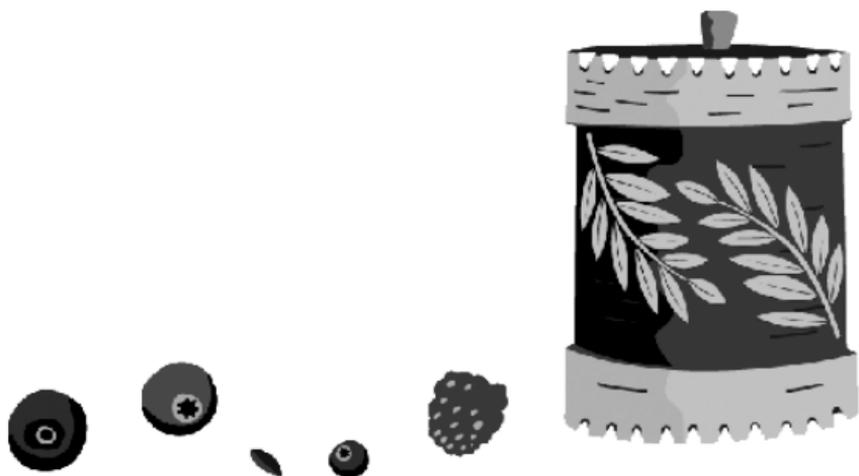

Зачем пастуху берестяная труба? Что такое береста?

Берестяная труба — это музыкальный инструмент, которому предписывались магические свойства — пастуху надлежало охранять стадо «на всех фронтах». Берестяная труба изготавливалась на один сезон и по

окончании сезона выпаса сжигалась.

Береста — это кора берёзы. Она содержит вещество бетулин, которое предохраняет её от гниения. В лесу нередко можно видеть старые берёзы, у которых древесина превратилась в труху, а кора тем не менее не даёт им упасть.

Разве конь не знает своего хозяина?

Известно немало случаев дружбы человека и коня, и у каждого народа, у которого конь играл важную роль, есть легенды о сказочном коне, который помогает человеку в трудных ситуациях. Лошади обладают хорошей памятью, общительны и ценят доброе отношение, но для того, чтобы возникла друж-

ба, нужно время и усилия со стороны человека. Для Аггея породистый конь был просто элитным транспортным средством — у богатых людей всегда были богатые конюшни. Просто взять и увести коня теоретически можно, особенно человеку, имеющему навыки обращения с лошадьми.

Неужели человек может быть сыт одним хлебом?

Поговорка гласит «Не хлебом единым жив человек» — подразумевая, что, помимо

пищи, человеку нужна и духовная жизнь. В русской культуре хлеб — всему голова, и даже если он не занимает в рационе главного места, хлеб — священный продукт. О бедняках говорят «Жил на хлебе и воде», и какое-то время на такой диете можно продержаться. Однако хлеб содержит мало белка, жира и не очень много витаминов, поэтому не следует забывать о других продуктах. Раньше в хлебе было много «медленных» углеводов, которые давали ощущение сытости, а современный хлеб содержит «быстрые» углеводы, и чувство голода возникает быстрее.

Почему говорят, что трава сырая?

Аггей провёл в лесу всю ночь, но на самом деле трава отсырела ещё вечером, просто в сильных переживаниях он этого не заме-

тил. Вечером выпадает роса, и причина этому — законы физики. В воздухе содержится водяной пар, и вечером, когда солнце садится, становится прохладнее, он конденсируется в капельки росы, которые оседают на траве. Утром, когда становится теплее, роса постепенно испаряется, и этот процесс — одна из составляющих круговорота воды в природе.

Кто такие юродивые?

Юродивые в наше время скорее оказались бы пациентами психиатрических клиник, но в православной традиции к ним уважительное отношение, поскольку считается, что такой странный, бродячий и чудаковатый образ жизни люди выбирают ради Христа. Они жили на подаяние, носили лохмотья, отличались нестандартными и даже шокирующими поступками и говорили правду в глаза даже государям. Некоторые юродивые были причислены к лику святых. Пожалуй, самый известный юродивый

в нашей стране — Василий Блаженный. Собор Покрова Пресвятой Богородицы что на Рву, чаще называют его именем.

Почему мёд ставили в качестве угощения?

Мёд широко использовался в русской кухне — и как самостоятельное блюдо, и как ингредиент выпечки (например, медовая коржижка), и для различных напитков, самые известные из которых — сбитень (горячий напиток из мёда и трав) и медовуха — слабоалкогольный напиток, без которого не обходил-

ся ни один пир (помните, в сказках — «я там был, мёдпиво пил, по усам текло, а в рот не попало»). Мёд полезнее, чем сахар, поскольку содержит фруктозу и витамины.

Отчего появляется седина в волосах?

Цвет волосам придаёт пигмент меланин — чем его больше, тем темнее волосы. Однако с возрастом выработка гормона мелатонина снижается, и появляются седые волосы. Как правило, человек седеет постепенно, но известны случаи резкого поседения в результате сильного стресса, например на войне, или же выработка меланина нарушается в результате заболеваний. У некоторых людей ранняя седина обусловлена генетически. Известно, что в молодом возрасте поседел знаменитый русский писатель Иван Сергеевич Тургенев.

Рассказы

Сигнал

Семён Иванов служил сторожем на железной дороге. От его будки до одной станции было двенадцать, до другой — десять вёрст. Верстах в четырёх в прошлом году открыли большую **прядильню**; из-за лесу её высокая труба чернела, а ближе, кроме соседних будок, и жилья не было.

Семён Иванов был человек большой и разбитый. Девять лет тому назад он побывал на войне: служил в денщиках у офицера и целый поход с ним сделал. Голодал он, и мёрз, и на солнце жарился, и переходы делал по сорока и пятидесяти вёрст в жару и в мороз; случалось и под пулями бывать, да, слава богу, ни одна не задела. Стоял раз полк в первой линии; целую неделю с турками перестрелка была: лежит наша цепь, а через лоцинку — турецкая, и с утра до вечера постреливают. Семёнов офицер тоже в цепи был; каждый день три раза носил ему Семён из полковых кухонь, из оврага, самовар горячий и обед. Идёт с самоваром по открытому месту, пули свистят, в камни щёлкают; страшно Семёну,

плачет, а сам идёт. Господа офицеры очень довольны им были: всегда у них горячий чай был. Вернулся он из похода целый, только руки и ноги ломить стало. Немало горя пришлось ему с тех пор отведать. Пришёл он домой — отец старик помер; сынишка был по четвёртому году — тоже помер, горлом болел; остался Семён с женой сам-друг. Не задалось им и хозяйство, да и трудно с пухлыми руками и ногами землю пахать. Пришлось им в своей деревне невтерпёж; пошли на новые места счастья искать. Побывал Семён с женой **и на Линии, и в Херсоне, и в Донщине**; нигде счастья не достали. Пошла жена в прислуги, а Семён по-прежнему всё бродит. Пришлось ему раз на машине ехать; на одной станции видит — начальник будто знакомый. Глядит на него Семён, и начальник тоже в Семёново лицо всматривается. Узнали друг друга: офицер своего полка оказался.

— Ты Иванов? — говорит.

— Так точно, ваше благородие, я самый и есть.

— Ты как сюда попал?

Рассказал ему Семён: так, мол, и так.

— Куда ж теперь идёшь?

— Не могу знать, ваше благородие.

— Как так, дурак, не можешь знать?

— Так точно, ваше благородие, потому по-
даться некуда. Работы какой, ваше благо-
родие, искать надобно.

Посмотрел на него начальник станции, по-
думал и говорит:

— Вот что, брат, оставайся-ка ты покудова
на станции. Ты, кажется, женат? Где у тебя
жена?

— Так точно, ваше благородие, женат; же-
на в городе Курске, у купца в услужении нахо-
дится.

— Ну, так пиши жене, чтобы ехала. Билет
даровой выхлопочу. Тут у нас дорожная будка
очистится; уж попрошу за тебя начальника
дистанции.

— Много благодарен, ваше благородие, —
ответил Семён.

Остался он на станции. Помогал у началь-
ника на кухне, дрова рубил, двор, платформу
мёл. Через две недели приехала жена, и по-
ехал Семён на ручной тележке в свою будку.
Будка новая, тёплая, дров сколько хочешь;

огород маленький от прежних сторожей остался, и земли с полдесятины пахотной по бокам полотна было. Обрадовался Семён; стал думать, как своё хозяйство заведёт, **корову, лошадь купит.**

Дали ему весь нужный припас: флаг зелёный, флаг красный, фонари, рожок, молот, ключ — гайки подвинчивать, лом, лопату, мётел, болтов, костылей; дали две книжечки с правилами и расписание поездов. Первое время Семён ночи не спал, всё расписание твердил; поезд ещё через два часа пойдёт, а он обойдёт свой участок, сядет на лавочку у будки и всё смотрит и слушает, не дрожат ли рельсы, не шумит ли поезд. Вытвердил он наизусть и правила; хоть и плохо читал, по складам, а всё-таки вытвердил.

Дело было летом; работа нетяжёлая, снегу отгрести не надо, да и поезд на той дороге редко. Обойдёт Семён свою версту два раза в сутки, кое-где гайки попробует подвинтить, щебёнку подровняет, водяные трубы посмотрит и идёт домой хозяйство своё устраивать. В хозяйстве только у него помеха была: что ни задумает сделать, обо всём дорожного ма-

стера проси, а тот начальнику дистанции доложит; пока просьба вернётся, время и ушло. Стали Семён с женою даже скучать.

Прошло времени месяца два; стал Семён с соседями-сторожами знакомиться. Один был старик древний; всё сменить его собирались: едва из будки выбирался. Жена за него и обход делала. Другой будочник, что поближе к станции, был человек молодой, из себя худой и жилистый. Встретились они с Семёном в первый раз на полотне, посередине между будками, на обходе; Семён шапку снял, поклонился.

— Доброго, — говорит, — здоровья, сосед.

Сосед поглядел на него сбоку.

— Здравствуй, — говорит.

Повернулся и пошёл прочь. Бабы после между собою встретились. Поздоровалась Семёнова Арина с соседкой; та тоже разговаривать много не стала, ушла. Увидел раз её Семён.

— Что это, — говорит, — у тебя, молодница, муж неразговорчивый?

Помолчала баба, потом говорит:

— Да о чём ему с тобой разговаривать? У

всякого своё... Иди себе с Богом.

Однако прошло ещё времени с месяц, познакомились. Сойдутся Семён с Василием на полотне, сядут на край, трубочки покуривают и рассказывают про своё житьё-бытьё. Василий всё больше помалчивал, а Семён и про деревню свою и про поход рассказывал.

— Немало, — говорит, — я горя на своём веку принял, а веку моего не бог весть сколько. Не дал Бог счастья. Уж кому какую талан-судьбу Господь даст, так уж и есть. Так-то, братец, Василий Степаныч.

А Василий Степаныч трубку об рельс выколоти́л, встал и говорит:

— Не талан-судьба нас с тобою век заедает, а люди. Нету на свете зверя хищнее и злее человека. **Волк волка не ест**, а человек человека живьём съедает.

— Ну, брат, волк волка ест, это ты не говори.

— К слову пришлось, и сказал. Всё-таки нету твари жесточе. Не людская бы злость да жадность — жить бы можно было. Всякий тебя за живое ухватить норовит, да кус откусить, да слопать.

Задумался Семён.

— Не знаю, — говорит, — брат. Может, оно так, а коли и так, так уж есть на то от Бога положение.

— А коли так, — говорит Василий, — так нечего нам с тобой и разговаривать. Коли всякую скверность на Бога взваливать, а самому сидеть да терпеть, так это, брат, не человеком быть, а **скотом**. Вот тебе мой сказ.

Повернулся и пошёл, не простившись. Встал и Семён.

— Сосед, — кричит, — за что же ругаешься?

Не обернулся сосед, пошёл. Долго смотрел на него Семён, пока на выемке на повороте стало Василия не видно. Вернулся домой и говорит жене:

— Ну, Арина, и сосед же у нас: зелье, не человек.

Однако не поссорились они; встретились опять и по-прежнему разговаривать стали, и всё о том же.

— Э, брат, кабы не люди... не сидели бы мы с тобою в будках этих, — говорит Василий.

— Что ж в будке... ничего, жить можно.

— Жить можно, жить можно... Эх, ты! Мно-

го жил, мало нажил, много смотрел, мало увидел. Бедному человеку, в будке там или где, какое уж житьё! Едят тебя живодёры эти. Весь сок выжимают, а стар станешь — выбросят, как **жмыху** какую, свиньям на корм. Ты сколько жалованья получаешь?

— Да маловато, Василий Степанович. Двенадцать рублей.

— А я тринадцать с полтиной. Позволь тебя спросить, почему? По правилу, от правления всем одно полагается: пятнадцать целковых в месяц, отопление, освещение. Кто же это нам с тобой двенадцать или там тринадцать с полтиной определил? Чьему брюху на сало, в чей карман остальные три рубля или же полтора полагаются? Позволь тебя спросить?...А ты говоришь, жить можно! Ты пойми, не об полуторах там или трёх рублях разговор идёт. Хоть бы и все пятнадцать платили. Был я на станции в прошлом месяце; директор проезжал, так я его видел. Имел такую честь. Едет себе в отдельном вагоне; вышел на платформу, стоит, цепь золотую распустил по животу, щёки красные, будто налитые... Напился нашей крови. Эх, кабы сила да

власть!.. Да не останусь я здесь долго; уйду, куда глаза глядят.

— Куда же ты уйдёшь, Степаныч? От добра добра не ищут. Тут тебе и дом, тепло, и землицы маленько. Жена у тебя работница...

— Землицы! Посмотрел бы ты на землицу мою. **Ни прута на ней нету. Посадил было весной капустки**, так и то дорожный мастер приехал. «Это, говорит, что такое? Почему без доношения? Почему без разрешения? Выкопать, чтоб и духу её не было». Пьяный был. В другой раз ничего бы не сказал, а тут втемяшилось... «Три рубля штрафу!..»

Помолчал Василий, потянул трубочки и говорит тихо:

— Немного ещё, зашиб бы я его до смерти.

— Ну, сосед, и горяч ты, я тебе скажу.

— Не горяч я, а по правде говорю и размышляю. Да ещё дождётся он у меня, красная рожа! Самому начальнику дистанции жаловаться буду. Посмотрим!

И точно пожаловался.

Проезжал раз начальник дистанции путь осматривать. Через три дня после того господа важные из Петербурга должны были по до-

роге проехать: ревизию делали, так перед их проездом всё надо было в порядок привести. Балласту подсыпали, подровняли, шпалы пересмотрели, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили, на переездах приказали жёлтого песочку подсыпать. Соседка-сторожиха и старика своего выгнала травку подщипать. Работал Семён целую неделю; всё в исправность привёл и на себе кафтан починил, вычистил, а бляху медную кирпичом до сияния отёр. Работал и Василий. Приехал начальник дистанции на дрезине; четверо рабочих рукоять вертят; шестерни жужжат; мчится тележка вёрст по двадцать в час, только колёса воют. Подлетел к Семёновой будке; подскочил Семён, отрапортовал по-солдатски. Всё в исправности оказалось.

— Ты давно здесь? — спрашивает начальник.

— Со второго мая, ваше благородие.

— Ладно. Спасибо. А в сто шестьдесят четвёртом номере кто?

Дорожный мастер (вместе с ним на дрезине ехал) ответил:

— Василий Спиридов.

— Спиридов, Спиридов... А, это тот самый, что в прошлом году был у вас на замечании?

— Он самый и есть-с.

— Ну, ладно, посмотрим Василия Спиридова. Трогай.

Налегли рабочие на рукояти; пошла дрезина в ход. Смотрит Семён на неё и думает: «Ну, будет у них с соседом игра».

Часа через два пошёл он в обход. Видит, из выемки по полотну идёт кто-то, на голове будто белое что виднеется. Стал Семён приглядываться — Василий; в руке палка, за плечами узелок маленький, щека платком завязана.

— Сосед, куда собрался? — кричит Семён.

Подошёл Василий совсем близко: лица на нём нету, белый, как мел, глаза дикие; говорить начал — голос обрывается.

— В город, — говорит, — в Москву... в правление.

— В правление... Вот что! Жаловаться, стало быть, идёшь? Брось, Василий Степаныч, забудь...

— Нет, брат, не забуду. Поздно забывать. Видишь, он меня в лицо ударил, в кровь разбил. Пока жив, не забуду, не оставлю так. Учить их надо, кровопийцев...

Взял его за руку Семён:

— Оставь, Степаныч, верно тебе говорю: лучше не сделаешь.

— Чего там лучше! Знаю сам, что лучше не сделаю; правду ты про талан-судьбу говорил. Себе лучше не сделаю, но за правду надо, брат, стоять.

— Да ты скажи, с чего всё пошло-то?

— Да с чего... Осмотрел всё, с дрезины сошёл, в будку заглянул. Я уж знал, что строго будет спрашивать; всё как следует исправил. Ехать уж хотел, а я с жалобой. Он сейчас кричать. «Тут, говорит, правительственная ревизия, такой-сякой, а ты об огороде жалобы подавать! Тут, говорит, тайные советники, а ты с капустой лезешь!» Я не стерпел, слово сказал, не то чтобы очень, но так уж ему обидно показалось. Как даст он мне... Терпенье наше проклятое! Тут бы его надо... а я стою себе, будто так оно и следует. Уехали они, опамятовался я, вот обмыл себе лицо и пошёл.

— Как же будка-то?

— Жена осталась. Не прозеваает; да ну их совсем и с дорогой ихней!

Встал Василий, собрался.

— Прощай, Иваныч. Не знаю, найду ли управу себе.

— Неужто пешком пойдёшь?

— На станции на товарный попрошусь: завтра в Москве буду.

Простились соседи; ушёл Василий, и долго его не было. Жена за него работала, день и ночь не спала; извелась совсем, поджидаячи мужа. На третий день проехала ревизия: паровоз, вагон багажный и два первого класса, а Василия всё нет. На четвёртый день увидел Семён его хозяйку: лицо от слёз пухлое, глаза красные.

— Вернулся муж? — спрашивает.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла в свою сторону.

* * *

Научился Семён когда-то, ещё мальчишкой, из **тальника дудки делать**. Выжжет таловой палке сердце, дырки, где надо, высверлит, на конце пищик сделает и так славно наладит, что хоть что угодно играй. Делывал он в досужее время дудок много и с знакомым товарным кондуктором в город на базар отправлял; давали ему там за штуку по две копейки. На третий день после ревизии оставил он дома жену вечерний шестичасовой поезд встретить, а сам взял ножик и в лес пошёл, палок себе нарезать. Дошёл он до конца своего участка, — на этом месте путь круто поворачивал, — спустился с насыпи и пошёл лесом под гору. За полверсты было большое болото, и около него отличнейшие кусты для его дудок росли. Нарезал он палок целый пук и пошёл домой. Идёт лесом; солнце уже низко было; тишина мёртвая, слышно только, как птицы чиликают да **валежник** под ногами хрустит. Прошёл Семён немного ещё, скоро

полотно; и чудится ему, что-то ещё слышно: будто где-то железо о железо позвякивает. Пошёл Семён скорей. Ремонту в то время на их участке не было. «Что бы это значило?» — думает. Выходит он на опушку — перед ним железнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотне, человек сидит на корточках, что-то делает; стал подыматься Семён потихоньку к нему: думал, гайки кто воровать пришёл. Смотрит — и человек поднялся, в руках у него лом; поддел он рельс ломом, как двинет его в сторону. Потемнело у Семёна в глазах; крикнуть хочет — не может. Видит он Василия, бежит бегом, а тот с ломом и ключом с другой стороны насыпи кубарем катится.

— Василий Степаныч! Отец родной, голубчик, воротись! Дай лом! Поставим рельс, никто не узнает. Воротись, спаси свою душу от греха.

Не обернулся Василий, в лес ушёл.

Стоит Семён над отвороченным рельсом, палки свои выронил. Поезд идёт не товарный, пассажирский. И не остановишь его ничем: **флага нет**. Рельса на место не поставишь; голыми руками костылей не забьёшь.

Бежать надо, непременно бежать в будку за каким-нибудь припасом. Господи, помоги!

Бежит Семён к своей будке, задыхается. Бежит — вот-вот упадёт. Выбежал из лесу — до будки сто сажен, не больше, осталось, слышит — на фабрике гудок загудел. Шесть часов. А в две минуты седьмого поезд пройдёт. Господи! Спаси невинные души! Так и видит перед собою Семён: хватит паровоз левым колесом об рельсовый обруб, дрогнет, накренился, пойдёт шпалы рвать и вдребезги бить, а тут кривая, закругление, да насыпь, да валиться-то вниз одиннадцать сажен, а там, в третьем классе, народу битком набито, дети малые... Сидят они теперь все, ни о чём не думают. Господи, вразуми ты меня!.. Нет, до будки добежать и назад вовремя вернуться не успеешь...

Не добежал Семён до будки, повернул назад, побежал скорее прежнего. Бежит почти без памяти; сам не знает, что ещё будет. Добежал до отвороченного рельса: палки его кучей лежат. Нагнулся он, схватил одну, сам не понимая зачем, дальше побежал. Чудится ему, что уже поезд идёт. Слышит свисток да-

лѣкий, слышит, рельсы мерно и потихоньку подрагивать начали. Бежать дальше сил нету; остановился он от страшного места саженях во ста: тут ему точно светом голову осветило. Снял он шапку, вынул из неё **платок бумажный**; вынул нож из-за голенища; перекрестился, Господи благослови!

Ударил себя ножом в левую руку повыше локтя, брызнула кровь, полила горячей струёй; намочил он в ней свой платок, расправил, растянул, навязал на палку и выставил свой красный флаг.

Стоит, флагом своим размахивает, а поезд уж виден. Не видит его машинист, подойдёт близко, а на ста саженях не остановить тяжёлого поезда!

А кровь всё льёт и льёт; прижимает рану к боку, хочет зажать её, но не унимается кровь; видно, глубоко поранил он руку. Закружилось у него в голове, в глазах чёрные мухи залетали; потом и совсем потемнело; в ушах звон колокольный. Не видит он поезда и не слышит шума: одна мысль в голове: «Не устою, упаду, уроню флаг; пройдёт поезд через меня... помощи, Господи, пошли смену...»

И стало черно в глазах его и пусто в душе его, и выронил он флаг. Но не упало кровавое знамя на землю: чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстречу подходящему поезду. Машинист увидел его, закрыл регулятор и дал контрпар. Поезд остановился.

Выскочили из вагонов люди, сбились толпою. Видят: лежит человек весь в крови, без памяти; другой возле него стоит с кровавой тряпкой на палке.

Обвёл Василий всех глазами, опустил голову:

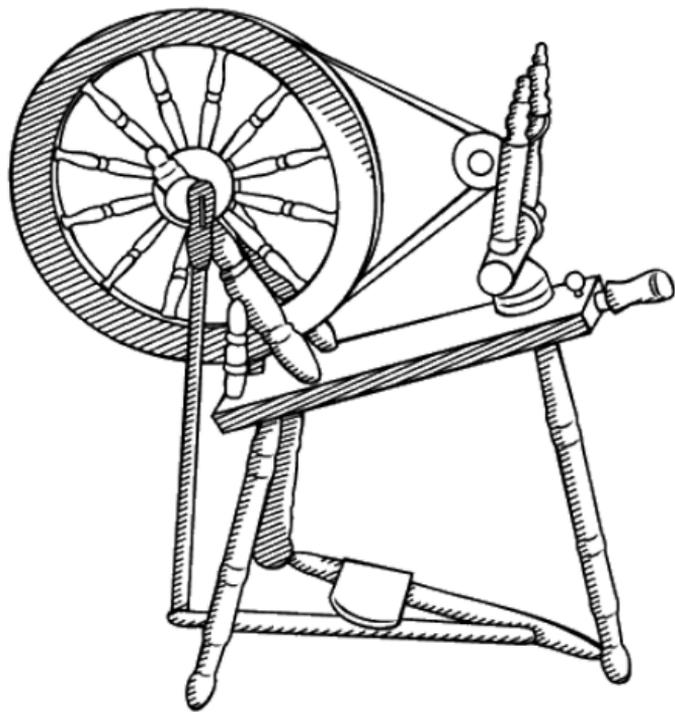
— Вяжите меня, — говорит, — я рельс отворотил.

Справочное бюро

Что такое прядильня? Что там делали?

Судя по наличию трубы, речь идёт о производстве — мануфактуре или даже небольшой фабрике. С помощью станков прядут нитки из различных материалов — в XIX в. в России были особенно распространены лён и шерсть. На современных прядильных производствах прядут и хлопок, и шёлк, и различные искусственные волокна. Тонкие волокна сырья вытягивают и скручивают в

нить желаемой толщины — от тонких ниток, которые используются на изготовление тканей, до толстой пряжи для зимней вязаной одежды.

Что такое Линия, Донщина?

Линия и Донщина — это казачьи места. Линия — цепь пограничных укрепленных населённых пунктов, поскольку казаки издавна стояли на страже границ России, особенно южных рубежей (жизнь на Линии опи-

сана у Л. Толстого в «Казаках»). Известны Кавказская, Кубанская, Сибирская линии. Укреплённые линии сыграли роль в кавказских и крымских войнах. Донщина, официально — Область Войска Донского, субъект Российской империи, населённый преимущественно донскими казаками, охватывала почти весь бассейн реки Дон.

Зачем в хозяйстве корова и лошадь?

Во времена нынешнего изобилия, когда всё можно легко купить за деньги, бывает трудно представить, что совсем недавно уклад жизни был другим. Насколько хорошо будет питаться семья, во многом зависело от результатов собственного труда, и ещё в начале XX в. даже городские жители разбивали огород и держали живность — если поблизости не было пастбищ для животных, то хотя бы домашнюю птицу. Как гласит поговорка — «Была бы коровка да курочка, приготовит и дурочка» — блюда были несложными, но полезными и питательными. Главной кормилицей по праву была корова. Лошадь — главный транспорт, причём в крестьянских хозяйствах лошадей использовали и верхом, и в

упряжи, и грузы перевозили.

Неужели волк волка не ест?

Аналогичные поговорки существуют у многих народов — вспомним «Ворон ворону

глаз не выключает» — говорится о круговой поручке, о сокрытии ошибок ближних в обмен на такие же услуги. Волк является опасным и свирепым хищником и замечен в каннибализме — как правило, волки поедают раненых и старых особей, особенно при недостатке пищи, не брезгуют волки и собаками. Волчья стая — обычно семейная группа, потомство одних родителей разного возраста и разных поколений, в которой чётко распределены роли, а верховодит доминирующая пара. Чем многочисленнее стая — тем больше шансов добыть крупного зверя, и все члены стаи будут сыты.

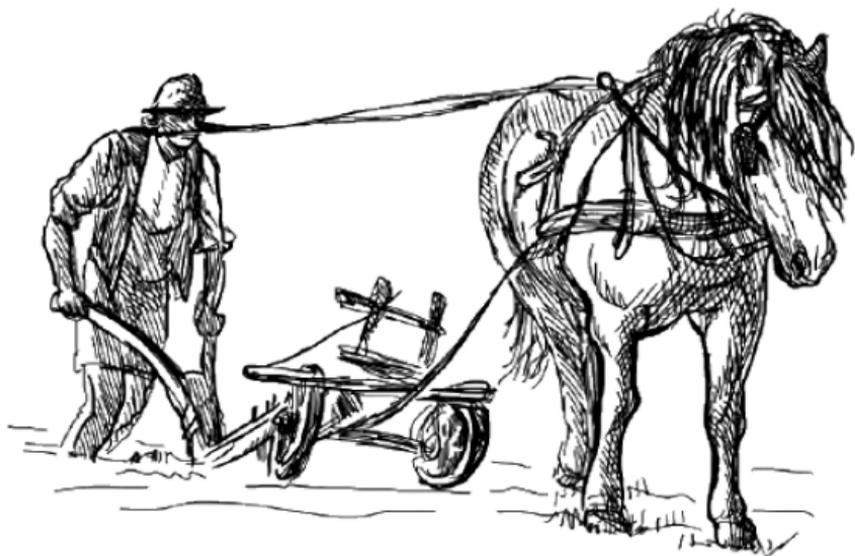
Что такое скот?

Изначально скот — это собирательное название домашних животных, которые используются для получения пищи, шерсти, меха и в качестве транспорта. До сих пор употребляются термины «крупный рогатый скот» (коровы) и «мелкий рогатый скот» (козы, овцы).

Что такое жмых?

Жмых остаётся после отжимания масла — это кожица, семена и мякоть в зависимости от вида. Жмых подсолнечника — побоч-

ный продукт получения подсолнечного масла — используется для корма животных и в рационе свиней составляет значительную часть. Для кормления сельскохозяйственных животных применяют также конопляный и соевый жмых.

Почему на земле должен быть прут?

Василий такими словами говорит, что земля у него бедная и на ней ничего не растёт. Возможно, речь идёт о таком неприхотливом и распространённом в степях растении, как прутняк, или кохия веничная (многим она знакома, поскольку широко используется в

озеленении, особенно в городах), которая в природе довольствуется самыми бедными и сухими почвами.

Как сажают капусту?

Капуста — холодостойкое растение, некоторые разновидности выдерживают мороз до -14°C . Однако у неё длительный период развития, поэтому капусту выращивают через рассаду. Кочан капусты — это огромная видоизменённая почка, а вот цветки и плоды капусты удаётся увидеть не всякому. Это двулетнее растение, которое зацветает только на второй год после посева.

Что за растение тальник?

Тальником в некоторых областях России называют ивы, особенно кустарниковые виды, а также заросли ив различных видов —

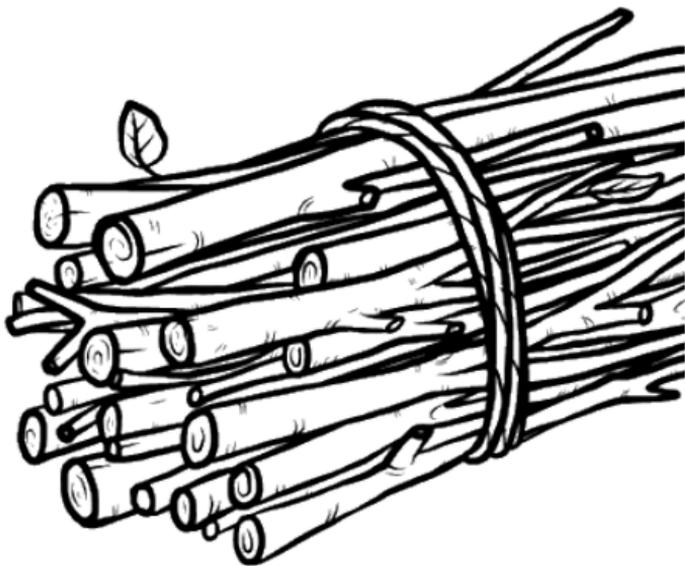
как правило, несколько видов растут вместе по влажным местам и берегам водоёмов. У ивы мягкая древесина, она легко режется, когда свежая, а после высыхания становится твёрдой и хрупкой. Сердца у ивового прута, разумеется, нет, но есть сердцевина — хотя в процессе изготовления дудки удаляются и внутренние слои древесины.

Что такое валежник?

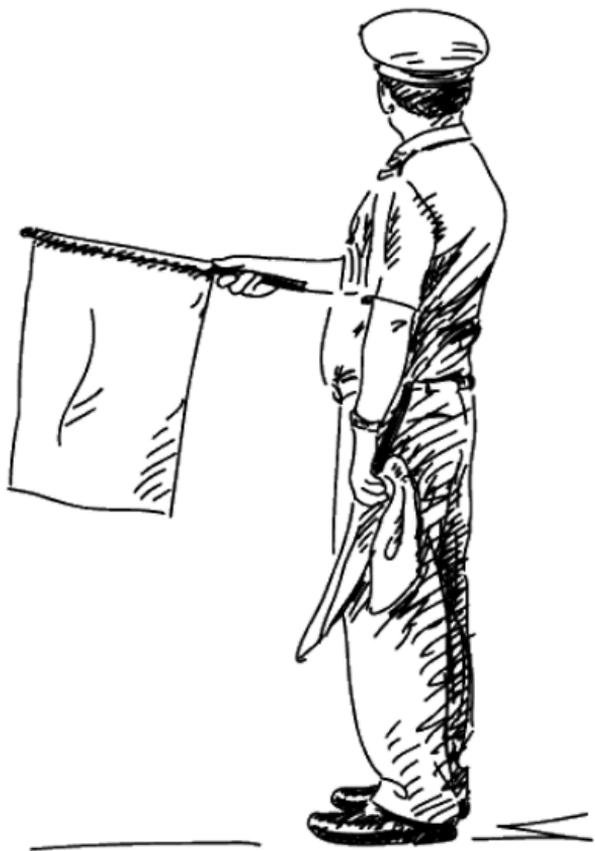
Валежник — это упавшие лесные деревья и их ветви. Когда валежника много, прогулка по лесу превращается в серьёзное испытание физических возможностей. Но для лесных животных валежник — благо: под стволом и среди ветвей мелкие звери с удовольствием устраивают норы, а крупному хищнику к ним труднее подобраться. Валежник заселяют разные насекомые и мелкие животные.

Зачем на железной дороге флаг?

Флаги до сих пор используются железнодорожниками для того, чтобы подавать сигнал машинисту поезда — их видно издалека. Помимо цвета флага и степени развёрнутости его полотнища, имеет значение также движе-

ние рук человека, производящего сигнал. Красный развёрнутый флаг — сигнал машинисту об экстренной остановке. Жёлтый развёрнутый флаг разрешает движение на малых скоростях, а в свёрнутом виде разрешает движение без остановки. Флаги используют сигналисты, дежурные стрелочных постов, дежурные по переездам, обходчики путей и проводники. Кроме того, на железной дороге используются семафоры, специальные знаки и звуковые сигналы.

Бумажный платок — из какой ткани?

Бумажными раньше называли изделия из хлопка — ткани и верёвки. Мы до сих пор говорим «хлопчатобумажная ткань». Хлопок известен на Руси с первой половины XVII в. Волокна — это густое длинное опушение, покрывающее семена, из них не только получа-

ют ткани, но и делают вату. Культивируется четыре вида хлопчатника (*Gossypium*), это теплолюбивое растение относится к семейству Мальвовые. В СССР промышленные плантации хлопчатника были в республиках Средней Азии.

Художники

І. Дедов

Сегодня я чувствую себя так, как будто бы стора свалилась с моих плеч. Счастье было так неожиданно! Долой инженерские погоны, долой инструменты и сметы!

Но не стыдно ли так радоваться смерти бедной тётки только потому, что она оставила наследство, дающее мне возможность бросить службу? Правда, ведь она, умирая, просила меня отдаться вполне моему любимому занятию, и теперь я радуюсь, между прочим, и тому, что исполняю её горячее желание. Это было вчера... Какую изумлённую физиономию сделал наш шеф, когда узнал, что я бросаю службу! А когда я объяснил ему цель, с которой я делаю это, он просто разинул рот.

— Из любви к искусству?... Мм!.. Подавайте прошение.

И не сказал больше ничего, повернулся и ушёл. Но мне ничего больше и не было нужно. Я свободен, я художник! Не верх ли это счастья?

Мне захотелось уйти куда-нибудь подаль-

ше от людей и от Петербурга; я взял ялик и отправился на взморье. Вода, небо, сверкающий вдали на солнце город, **синие леса, окаймляющие берега залива**, верхушки мачт на кронштадтском рейде, десятки пролетавших мимо меня пароходов и скользивших парусных кораблей и лайб — всё показалось мне в новом свете. Всё это моё, всё это в моей власти, всё это я могу схватить, бросить на полотно и поставить перед изумлённою силою искусства толпою. Правда, не следовало бы продавать шкуру ещё не убитого медведя; ведь пока я — ещё не бог знает какой великий художник...

Ялик быстро разрезал гладь воды. Яличник, рослый, здоровый и красивый парень в красной рубахе, без усталости работал вёслами; он то нагибался вперёд, то откидывался назад, сильно подвигая лодку при каждом движении. Солнце закатывалось и так эффектно играло на его лице и на красной рубахе, что мне захотелось набросать его красками. Маленький ящик с холстиками, красками и кистями всегда при мне.

— Перестань грести, посиди минутку

смирно, я тебя напишу, — сказал я.

Он бросил вёсла.

— Ты сядь так, будто вёсла заносишь.

Он взялся за вёсла, взмахнул ими, **как птица крыльями**, и так и замер в прекрасной позе. Я быстро набросал карандашом контур и принялся писать. С каким-то особенным радостным чувством я мешал краски. Я знал, что ничто не оторвёт меня от них уже всю жизнь.

Яличник скоро начал уставать; его удалое выражение лица сменилось вялым и скучным. Он стал зевать и один раз даже утёр рукавом лицо, для чего ему нужно было наклониться головою к веслу. Складки рубахи совсем пропали. Такая досада! Терпеть не могу, когда натура шевелится.

— Сиди, братец, смирнее!

Он усмехнулся.

— Чего ты смеёшься?

Он конфузливо ухмыльнулся и сказал:

— Да чудно, барин!

— Чего ж тебе чудно?

— Да будто я редкостный какой, что меня писать. Будто картину какую.

— Картина и бюджет, друг любезный.

— На что ж она вам?

— Для учёнья. Вот напишу, напишу маленькие, буду и большие писать.

— Большие?

— Хоть в три сажени.

Он замолчал и потом серьёзно спросил:

— Что ж, вы поэтому и образа можете?

— Могу и образа; только я пишу картины.

— Так.

Он задумался и снова спросил:

— На что ж они?

— Что такое?

— Картины эти...

Конечно, я не стал читать ему лекции о значении искусства, а только сказал, что за эти картины платят хорошие деньги, рублей по тысяче, по две и больше. Яличник был совершенно удовлетворён и больше не заговаривал. Этюд вышел прекрасный (очень красивы эти горячие тоны освещённого заходящим солнцем кумача), и я возвратился домой совершенно счастливым.

II. Рябинин

Передо мною стоит в натянутом положе-

нии старик Тарас, натурщик, которому профессор Н. велел положить «рука на галава», потому что это «ошен классишеский поза»; вокруг меня — целая толпа товарищей, также, как и я, сидящих перед мольбертами с палитрами и кистями в руках. Впереди всех Дедов, хотя и пейзажист, но усердно пишет Тараса. В классе **запах красок, масла, терпентина** и мёртвая тишина. Каждые полчаса Тарасу даётся отдых; он садится на край деревянного ящика, служащего ему пьедесталом, и из «натуры» превращается в обыкновенного голого старика, разминает свои оцепеневшие от долгой неподвижности руки и ноги, обходится без помощи носового платка и прочее. Ученики теснятся около мольбертов, рассматривая работы друг друга. У моего мольберта всегда толпа; я — очень способный ученик академии и подаю огромные надежды сделаться одним из «наших корифеев», по счастливому выражению известного художественного критика г. В. С., который уже давно сказал, что «из Рябинина выйдет толк». Вот отчего все смотрят на мою работу.

Через пять минут все снова усаживаются

на места, Тарас влезает на пьедестал, кладёт руку на голову, и мы мажем, мажем...

И так каждый день.

Скучно, не правда ли? Да я и сам давно убедился в том, что всё это очень скучно. Но как локомотиву с открытою паропроводною трубою предстоит одно из двух: катиться по рельсам до тех пор, пока не истощится пар, или, соскочив с них, превратиться из стройного железно-медного чудовища в груды обломков, так и мне... Я на рельсах; они плотно обхватывают мои колёса, и если я сойду с них, что тогда? Я должен во что бы то ни стало докатиться до станции, несмотря на то, что она, эта станция, представляется мне какой-то чёрной дырой, в которой ничего не разберёшь. Другие говорят, что это будет художественная деятельность. Что это нечто художественное — спора нет, но что это деятельность...

Когда я хожу по выставке и смотрю на картины, что я вижу в них? Холст, на который наложены краски, расположенные таким образом, что они образуют впечатления, подобные впечатлениям от различных предметов.

Люди ходят и удивляются: как это они, краски, так хитро расположены! И больше ничего. Написаны целые книги, целые горы книг об этом предмете; многие из них я читал. **Но из Тэнов, Карьеров, Куглеров и всех, писавших об искусстве, до Прудона включительно, не явствует ничего.** Они всё толкуют о том, какое значение имеет искусство, а в моей голове при чтении их непременно шевелится мысль: если оно имеет его. Я не видел хорошего влияния хорошей картины на человека; зачем же мне верить, что оно есть?

Зачем верить? Верить-то мне нужно, необходимо нужно, но как поверить? Как убедиться в том, что всю свою жизнь не будешь служить исключительно глупому любопытству толпы (и хорошо ещё, если только любопытству, а не чему-нибудь иному, возбуждению скверных инстинктов, например) и тщеславию какого-нибудь разбогатевшего желудка на ногах, который не спеша подойдёт к моей пережитой, выстраданной, дорогой картине, писанной не кистью и красками, а нервами и кровью, пробурчит: «мм... ничего себе», сунет

руку в оттопырившийся карман, бросит мне несколько сот рублей и унесёт её от меня. Унесёт вместе с волнением, с бессонными ночами, с огорчениями и радостями, с обольщениями и разочарованиями. И снова ходишь одинокий среди толпы.

Машинально **рисуешь натурщика** вечером, машинально **пишешь** его утром, возбуждая удивление профессоров и товарищей быстрыми успехами. Зачем делаешь всё это, куда идёшь?

Вот уже четыре месяца прошло с тех пор, как я продал свою последнюю картинку, а у меня ещё нет никакой мысли для новой. Если бы выплыло что-нибудь в голове, хорошо было бы... Несколько времени полного забвения: ушёл бы в картину, как в монастырь, думал бы только о ней одной. Вопросы: куда? зачем? во время работы исчезают; в голове одна мысль, одна цель, и приведение её в исполнение доставляет наслаждение. Картина — мир, в котором живёшь и перед которым отвечаешь. Здесь исчезает житейская нравственность: ты создаёшь себе новую в своём новом мире и в нём чувствуешь свою правоту, до-

стоинство или ничтожество и ложь по-своему, независимо от жизни.

Но писать всегда нельзя. Вечером, когда сумерки прервут работу, вернёшься в жизнь и снова слышишь вечный вопрос: «зачем?», не дающий уснуть, заставляющий ворочаться на постели в жару, смотреть в темноту, как будто бы где-нибудь в ней написан ответ. И засыпаешь под утро мёртвым сном, чтобы, проснувшись, снова опуститься в другой мир сна, в котором живут только выходящие из тебя самого образы, складывающиеся и проясняющиеся перед тобою **на полотне**.

— Что вы не работаете, Рябинин? — громко спросил меня сосед.

Я так задумался, что вздрогнул, когда услышал этот вопрос. Рука с палитрой опустилась; пола сюртука попала в краски и вся вымазалась; кисти лежали на полу. Я взглянул на этюд; он был кончен, и хорошо кончен: Тарас стоял на полотне, как живой.

— Я кончил, — ответил я соседу.

Кончился и класс. Натурщик сошёл с ящика и одевался; все, шумя, собирали свои принадлежности. Поднялся говор. Подошли ко

мне, похвалили.

— Медаль, медаль... Лучший этюд, — говорили некоторые. Другие молчали: художники не любят хвалить друг друга.

III. Дедов

Кажется мне, я пользуюсь между моими товарищами-учениками уважением. Конечно, не без того, чтобы на это не оказывал влияния мой, сравнительно с ними, солидный возраст: во всей академии один только Вольский старше меня. Да, искусство обладает удивительной притягательной силой! Этот Вольский — отставной офицер, господин лет сорока пяти, с совершенно седою головой; поступить в таких летах в академию, снова начать учиться — разве это не подвиг? Но он упорно работает: летом с утра до вечера пишет этюды во всякую погоду, с каким-то самоотвержением; зимою, когда светло, — постоянно пишет, а вечером рисует. В два года он сделал большие успехи, несмотря на то, что судьба не наградила его особенно большим талантом.

Вот Рябинин — другое дело: чертовски талантливая натура, но зато лентяй ужасный. Я

не думаю, чтобы из него вышло что-нибудь серьёзное, хотя все молодые художники — его поклонники. Особенно мне кажется странным его пристрастие к так называемым реальным сюжетам: **пишет лапти, онучи и полушубки**, как будто бы мы не довольно насмотрелись на них в натуре. А что главное, он почти не работает. Иногда засядет и в месяц окончит картинку, о которой все кричат, как о чуде, находя, впрочем, что техника оставляет желать лучшего (по-моему, техника у него очень и очень слаба), а потом бросит писать даже этюды, ходит мрачный и ни с кем не заговаривает, даже со мной, хотя, кажется, от меня он удаляется меньше, чем от других товарищей. Странный юноша! Удивительными мне кажутся эти люди, не могущие найти полного удовлетворения в искусстве. Не могут они понять, что ничто так не возвышает человека, как творчество.

Вчера я кончил картину, выставил, и сегодня уже спрашивали о цене. Дешевле 300 не отдам. Давали уже 250. Я такого мнения, что никогда не следует отступать от раз назначенной цены. Это доставляет уважение. А те-

перь тем более не уступлю, что картина на-верно продастся; сюжет — из ходких и симпатичный: зима, закат; чёрные стволы на первом плане резко выделяются на красном зареве. Так пишет К., и как они идут у него! В одну эту зиму, говорят, до двадцати тысяч заработал. Недурно! Жить можно. Не понимаю, как это ухитряются бедствовать некоторые художники. Вот у К. ни один холстик даром не пропадает: всё продаётся. Нужно только прямее относиться к делу: пока ты пишешь картину — ты художник, творец; написана она — ты торгош; и чем ловче ты будешь вести дело, тем лучше. Публика часто тоже норовит надуть нашего брата.

IV. Рябинин

Я живу в Пятнадцатой линии на Среднем проспекте и четыре раза в день прохожу по набережной, где пристают иностранные пароходы. Я люблю это место за его пестроту, оживление, толкотню и шум и за то, что оно дало мне много материала. Здесь, смотря на подёнщиков, таскающих кули, вертящих ворота и лебёдки, возящих тележки со всякой кладью, я научился рисовать трудящегося че-

ловека.

Я шёл домой с Дедовым, пейзажистом...
Добрый и невинный, как сам пейзаж, человек и страстно влюблён в своё искусство. Вот для него так уж нет никаких сомнений; пишет, что видит: увидит реку — и пишет реку, увидит **болото с осокою** — и пишет болото с осокою. Зачем ему эта река и это болото? — он никогда не задумывается. Он, кажется, образованный человек; по крайней мере кончил курс инженером. Службу бросил, благо явилось какое-то наследство, дающее ему возможность существовать без труда. Теперь он пишет и пишет: летом сидит с утра до вечера на поле или в лесу за этюдами, зимой без усталости komponует закаты, восходы, полдни, начала и концы дождя, зимы, весны и прочее. Инженерство своё забыл и не жалеет об этом. Только когда мы проходим мимо пристани, он часто объясняет мне значение огромных чугунных и стальных масс: частей машин, котлов и разных разностей, выгруженных с парохода на берег. — Посмотрите, какой котлице притащили, — сказал он мне вчера, ударив тростью в звонкий котёл.

— Неужели у нас не умеют их делать? — спросил я.

— Делают и у нас, да мало, не хватает. Видите, какую кучу привезли. И скверная работа; придётся здесь чинить: видите, шов расходится? Вот тут тоже заклёпки расшатались. Знаете ли, как эта штука делается? Это, я вам скажу, адская работа. Человек садится в котёл и держит заклёпку изнутри клещами, что есть силы напирая на них грудью, а снаружи мастер колотит по заклёпке молотом и выде-львает вот такую шляпку.

Он показал мне на длинный ряд выпуклых металлических кружков, идущий по шву котла.

— Дедов, ведь это всё равно, что по груди бить!

— Всё равно. Я раз попробовал было за-браться в котёл, так после четырёх заклёпок еле выбрался. Совсем разбило грудь. А эти как-то ухитряются привыкать. Правда, и мрут они, как мухи: год-два вынесет, а потом если и жив, то редко куда-нибудь годен. Извольте-ка целый день выносить грудью удары здо-ровенного молота, да ещё в котле, в духоте,

согнувшись в три погибели. Зимой железо мёрзнет, холод, а он сидит или лежит на железе. Вон в том котле — видите, красный, узкий — так и сидеть нельзя: лежи на боку да подставляй грудь. Трудная работа этим **глухарям**.

— Глухарям?

— Ну да, рабочие их так прозвали. От этого трезвона они часто глохнут. И вы думаете, много они получают за такую каторжную работу? Гроши! Потому что тут ни навыка, ни искусства не требуется, а только мясо... Сколько тяжёлых впечатлений на всех этих заводах, Рябинин, если бы вы знали! Я так рад, что разделался с ними навсегда. Просто жить тяжело было сначала, смотря на эти страдания... То ли дело с природою. Она не обижает, да и её не нужно обижать, чтобы эксплуатировать её, как мы, художники... Поглядите-ка, поглядите, каков сероватый тон! — вдруг перебил он сам себя, показывая на уголок неба: — пониже, вон там, под облачком... прелесть! С зеленоватым оттенком. Ведь вот напиши так, ну точно так — не поверят! А ведь недурно, а?

Я выразил своё одобрение, хотя, по правде сказать, не видел никакой прелести в **грязно-зелёном клочке петербургского неба**, и перебил Дедова, начавшего восхищаться ещё каким-то «тонком» около другого облачка.

— Скажите мне, где можно посмотреть такого глухаря?

— Поедемте вместе на завод; я вам покажу всякую штуку. Если хотите, даже завтра! Да уж не вздумалось ли вам писать этого глухаря? Бросьте, не стоит. Неужели нет ничего повеселее? А на завод, если хотите, хоть завтра.

Сегодня мы поехали на завод и осмотрели всё. Видели и глухаря. Он сидел, согнувшись в комок, в углу котла и подставлял свою грудь под удары молота. Я смотрел на него полчаса; в эти полчаса молот поднялся и опустился сотни раз. Глухарь корчился. Я его напишу.

V. Дедов

Рябинин выдумал такую глупость, что я не знаю, что о нём и думать. Третьего дня я возил его на металлический завод; мы провели там целый день, осмотрели всё, причём я объяснял ему всякие производства (к удивлению моему, я забыл очень немногое из своей про-

фессии); наконец я привёл его в котельное отделение. Там в это время работали над огромнейшим котлом. Рябинин влез в котёл и полчаса смотрел, как работник держит заклёпки клещами. Вылез оттуда бледный и расстроенный; всю дорогу назад молчал. А сегодня объявляет мне, что уже начал писать этого рабочего-глухаря. Что за идея! Что за поэзия в грязи! Здесь я могу сказать, никого и ничего не стесняясь, то, чего, конечно, не сказал бы при всех: по-моему, вся эта мужичья полоса в искусстве — чистое уродство. Кому нужны эти пресловутые репинские «Бурлаки»? Написаны они прекрасно, нет спора; но ведь и только.

Где здесь красота, гармония, изящное? А не для воспроизведения ли изящного в природе и существует искусство? То ли дело у меня! Ещё несколько дней работы, и будет кончено моё тихое «Майское утро». Чуть колышется вода в пруде, ивы склонили на него свои ветви; восток загорается; мелкие перистые облачка окрасились в розовый цвет. Женская фигурка идёт с крутого берега с ведром за водой, спугивая **стаю уток**. Вот и всё; кажется,

просто, а между тем я ясно чувствую, что поэзии в картине вышло пропасть. Вот это — искусство! Оно настраивает человека на тихую, кроткую задумчивость, смягчает душу. А рябининский «Глухарь» ни на кого не подействует уже потому, что всякий постарается поскорей убежать от него, чтобы только не мозолить себе глаза этими безобразными тряпками и этой грязной рожей. Странное дело! Ведь вот в музыке не допускаются режущие ухо, неприятные созвучия; отчего ж у нас, в живописи, можно воспроизводить положительно безобразные, отталкивающие образы? Нужно поговорить об этом с Л., он напишет статейку и кстати прокатит Рябинина за его картину. И стоит.

VI. Рябинин

Уже две недели, как я перестал ходить в академию: сижу дома и пишу. Работа совершенно измучила меня, хотя идёт успешно. Следовало бы сказать не хотя, а тем более, что идёт успешно. Чем ближе она подвигается к концу, тем всё страшнее и страшнее кажется мне то, что я написал. И кажется мне ещё, что это — моя последняя картина.

Вот он сидит передо мною в тёмном углу котла, скорчившийся в три погибели, одетый в лохмотья, задыхающийся от усталости человек. Его совсем не было бы видно, если бы не свет, проходящий сквозь круглые дыры, просверленные для заклёпок. Кружки этого света пестрят его одежду и лицо, светятся золотыми пятнами на его лохмотьях, на включенной и закопчённой бороде и волосах, на багрово-красном лице, по которому струится пот, смешанный с грязью, на жилистых надорванных руках и на измученной широкой и впалой груди. Постоянно повторяющийся страшный удар обрушивается на котёл и заставляет несчастного глухаря напрягать все свои силы, чтобы удержаться в своей невероятной позе. Насколько можно было выразить это напряжённое усилие, я выразил.

Иногда я кладу палитру и кисти и усаживаюсь подальше от картины, прямо против неё. Я доволен ею; ничто мне так не удавалось, как эта ужасная вещь. Беда только в том, что это довольство не ласкает меня, а мучит. Это — не написанная картина, это — созревшая болезнь. Чем она разрешится, я не

знаю, но чувствую, что после этой картины мне нечего уже будет писать. **Птицеловы**, **рыболовы**, охотники со всякими экспрессиями и типичнейшими физиономиями, вся эта «богатая область жанра» — на что мне теперь она? Я ничем уже не подействую так, как этим глухарём, если только подействую...

Сделал опыт: позвал Дедова и показал ему картину. Он сказал только: «ну, батенька», и развёл руками. Уселся, смотрел полчаса, потом молча простился и ушёл. Кажется, подействовало... Но ведь он всё-таки — художник.

И я сижу перед своей картиной, и на меня она действует. Смотришь и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измученную фигуру. Иногда мне даже слышатся удары молота... Я от него сойду с ума. Нужно его завесить.

Полотно покрыло мольберт с картиной, а я всё сижу перед ним, думая всё о том же неопределённом и страшном, что так мучит меня. Солнце заходит и бросает косую жёлтую полосу света сквозь пыльные стёкла на мольберт, завешенный холстом. Точно человеческая фигура. Точно Дух Земли в «Фаусте», как его изображают немецкие актёры.

...Wer ruft mich?

Кто позвал тебя? Я, я сам создал тебя здесь. Я вызвал тебя, только не из какой-нибудь «сферы», а из душного, тёмного котла, чтобы ты ужаснул своим видом эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. Приди, силою моей власти прикованный к полотну, смотри с него на эти фраки и трэны, крикни им: я — язва растущая! Ударь их в сердце, лиши их сна, стань перед их глазами призраком! Убей их спокойствие, как ты убил моё...

Да, как бы не так!.. Картина кончена, вставлена в золотую раму, два сторожа потащат её на головах в академию на выставку. И вот она стоит среди «полдней» и «закатов», рядом с «девочкой с кошкой», недалеко от какого-нибудь трёхсаженного **«Иоанна Грозного, вонзающего посох в ногу Васьки Шибанова»**. Нельзя сказать, чтобы на неё не смотрели; будут смотреть и даже хвалить. Художники начнут разбирать рисунок. Рецензенты, прислушиваясь к ним, будут чиркать карандашиками в своих записных книжках. Один г. В. С. выше заимствований; он смотрит, одобряет, превозносит, пожимает мне руку.

Художественный критик Л. с яростью набросится на бедного глухаря, будет кричать: но где же тут изящное, скажите, где тут изящное? И разругает меня на все корки. Публика... Публика проходит мимо бесстрастно или с неприятной гримасой; дамы — те только скажут: «ah, comme il est laid, ce глухарь», и проплывут к следующей картине, к «девочке с кошкой», смотря на которую скажут: «очень, очень мило» или что-нибудь подобное. Солидные господа с бычьими глазами поглазеют, потупят взоры в каталог, испустят не то мычание, не то сопенье и благополучно проследуют далее. И разве только какой-нибудь юноша или молодая девушка остановятся со вниманием и прочтут в измученных глазах, страдальчески смотрящих с полотна, вопль, вложенный мною в них...

Ну, а дальше? Картина выставлена, куплена и увезена. Что ж будет со мною? То, что я пережил в последние дни, погибнет ли бесследно? Кончится ли всё только одним волнением, после которого наступит отдых с исканием невинных сюжетов?... Невинные сюжеты! Вдруг вспомнилось мне, как один знако-

мый хранитель галереи, составляя каталог, кричал писцу:

— Мартынов, пиши! № 112. Первая любовная сцена: девушка срывает розу.

— Мартынов, ещё пиши! № 113. Вторая любовная сцена: девушка нюхает розу.

Буду ли я по-прежнему нюхать розу? Или сойду с рельсов?

VII. Дедов

Рябинин почти кончил своего «Глухаря» и сегодня позвал меня посмотреть. Я шёл к нему с предвзятым мнением и, нужно сказать, должен был изменить его. Очень сильное впечатление. Рисунок прекрасный. Лепка рельефная. Лучше всего это фантастическое и в то же время высоко истинное освещение. Картина, без сомнения, была бы с достоинствами, если бы только не этот странный и дикий сюжет. Л. совершенно согласен со мною, и на будущей неделе в газете появится его статья. Посмотрим, что скажет тогда Рябинин. Л-у, конечно, будет трудно разобрать его картину со стороны техники, но он сумеет коснуться её значения как произведения искусства, которое не терпит, чтобы его низво-

дили до служения каким-то низким и туманным идеям.

Сегодня Л. был у меня. Очень хвалил. Сделал несколько замечаний относительно разных мелочей, но в общем очень хвалил. Если бы профессора взглянули на мою картину его глазами! Неужели я не получу, наконец, того, к чему стремится каждый ученик академии, — золотой медали? Медаль, четыре года жизни за границей, да ещё на казённый счёт, впереди — профессура... Нет, я не ошибся, бросив эту печальную будничную работу, грязную работу, где на каждом шагу натыкаешься на какого-нибудь рябининского глухаря.

VIII. Рябинин

Картина продана и увезена в Москву. Я получил за неё деньги и, по требованию товарищей, должен был устроить им увеселение в «Вене». Не знаю, с каких пор это повелось, но почти все пирушки молодых художников происходят в угóльном кабинете этой гостиницы. Кабинет этот — большая высокая комната с люстрой, с **бронзовыми канделябрами**, с коврами и мебелью, почерневшими от

времени и табачного дыма, с роялем, много потрудившимся на своём веку под разгулявающимися пальцами импровизированных пианистов; одно только огромное зеркало ново, потому что оно переменяется дважды или трижды в год, всякий раз, как вместо художников в угольном кабинете кутят купчики.

Собралась целая куча народа: **жанристы**, пейзажисты и скульпторы, два рецензента из каких-то маленьких газет, несколько посторонних лиц. Начали пить и разговаривать. Через полчаса все уже говорили разом, потому что все были навеселе. И я тоже. Помню, что меня качали и я говорил речь. Потом целовался с рецензентом и пил с ним брудершафт. Пили, говорили и целовались много и разошлись по домам в четыре часа утра. Кажется, двое расположились на ночлег в том же угольном номере гостиницы «Вена».

Я едва добрался домой и нераздетый бросился на постель, причём испытал что-то вроде качки на корабле: казалось, что комната качается и кружится вместе с постелью и со мною. Это продолжалось минуты две; потом я уснул.

Уснул, спал и проснулся очень поздно. Голова болит; в тело точно **свинцу** налили. Я долго не могу раскрыть глаз, а когда раскрываю их, то вижу мольберт — пустой, без картины. Он напоминает мне о пережитых днях, и вот всё снова, сначала... Ах боже мой, да надо же это кончить!

Голова болит больше и больше, туман наплывает на меня. Я засыпаю, просыпаюсь и снова засыпаю. И я не знаю, мёртвая ли тишина вокруг меня или оглушительный шум, хаос звуков, необыкновенный, страшный для уха. Может быть, это и тишина, но в ней что-то звонит и стучит, вертится и летает. Точно огромный тысячесильный насос, выкачивающий воду из бездонной пропасти, качается и шумит, и слышатся глухие раскаты падающей воды и удары машины. И над всем этим одна нота, бесконечная, тянущаяся, томящая. И мне хочется открыть глаза, встать, подойти к окну, раскрыть его, услышать живые звуки, человеческий голос, **стук дрожек**, собачий лай и избавиться от этого вечного гама. Но сил нет. Я вчера был пьян. И я должен лежать и слушать, слушать без конца.

И я просыпаюсь и снова засыпаю. Снова стучит и гремит где-то резче, ближе и определённое. Удары приближаются и бьют вместе с моим пульсом. Во мне они, в моей голове, или вне меня? Звонко, резко, чётко... раз-два, раз-два... Бьёт по металлу и ещё по чему-то. Я слышу ясно удары по чугуну; чугун гудит и дрожит. Молот сначала тупо звякает, как будто падает в вязкую массу, а потом бьёт звонче и звонче, и, наконец, как колокол, гудит огромный котёл. Потом остановка, потом снова тихо; громче и громче, и опять нестерпимый, оглушительный звон. Да, это так: сначала бьют по вязкому, раскалённому железу, а потом оно застывает. И котёл гудит, когда головка заклёпки уже затвердела. Понял. Но те, другие звуки... Что это такое? Я стараюсь понять, что это такое, но дымка застилает мне мозг. Кажется, что так легко припомнить, так и вертится в голове, мучительно близко вертится, а что именно — не знаю. Никак не схватить... Пусть стучит, оставим это. Я знаю, но только не помню.

И шум увеличивается и уменьшается, то разрастаясь до мучительно чудовищных раз-

меров, то будто бы совсем исчезая. И кажется мне, что не он исчезает, а я сам в это время исчезаю куда-то, не слышу ничего, не могу шевельнуть пальцем, поднять веки, крикнуть. Оцепенение держит меня, и ужас охватывает меня, и я просыпаюсь весь в жару. Просыпаюсь не совсем, а в какой-то другой сон. Чудится мне, что я опять на заводе, только не на том, где был с Дедовым. Этот гораздо громаднее и мрачнее. Со всех сторон гигантские печи чудной, невиданной формы. Снопам вылетает из них пламя и коптит крышу и стены здания, уже давно чёрные, как уголь. Машины качаются и визжат, и я едва прохожу между вертящимися колёсами и бегущими и дрожащими ремнями; нигде ни души. Где-то стук и грохот: там-то идёт работа. Там неистовый крик и неистовые удары; мне страшно идти туда, но меня подхватывает и несёт, и удары всё громче, и крики страшнее. И вот всё сливается в рёв, и я вижу... Вижу: странное, безобразное существо корчится на земле от ударов, сыплющихся на него со всех сторон. Целая толпа бьёт, кто чем попало. Тут все мои знакомые с остервенелыми лицами

КОЛОТЯТ молотами, ломами, палками, кулаками это существо, которому я не прибрал названия. Я знаю, что это — всё он же... Я кидаюсь вперёд, хочу крикнуть: «перестаньте! за что?» — и вдруг вижу бледное, искажённое, необыкновенно страшное лицо, страшное потому, что это — моё собственное лицо. Я вижу, как я сам, другой я сам, замахивается молотом, чтобы нанести неистовый удар.

Тогда молот опустился на мой **череп**. Всё исчезло; некоторое время я сознавал ещё мрак, тишину, пустоту и неподвижность, а скоро и сам исчез куда-то...

* * *

Рябинин лежал в совершенном беспомоществе до самого вечера. Наконец хозяйка-чухонка, вспомнив, что жилец сегодня не выходил из комнаты, догадалась войти к нему и, увидев бедного юношу, разметавшегося **в сильнейшем жару** и бормотавшего всякую чепуху, испугалась, испустила какое-то восклицание на своём непонятном диалекте и послала девочку за доктором. Доктор приехал, посмотрел, пощупал, послушал, помычал, присел к столу и, прописав рецепт, уехал,

а Рябинин продолжал бредить и метаться.

IX. Дедов

Бедняга Рябинин заболел после вчерашнего кутежа. Я заходил к нему и застал его лежащим без памяти. Хозяйка ухаживает за ним. Я должен был дать ей денег, потому что в столе у Рябинына не оказалось ни копейки; не знаю, стащила ли всё проклятая баба или, может быть, всё осталось в «Вене». Правда, кутнули вчера порядочно; было очень весело; мы с Рябининым пили брудершафт. Я пил также с Л. Прекрасная душа этот Л. и как понимает искусство! В своей последней статье он так тонко понял, что я хотел сказать своей картиной, как никто, за что я ему глубоко благодарен. Нужно бы написать маленькую вещицу, так, что-нибудь а la Клевер, и подарить ему. Да, кстати, его зовут Александр; не завтра ли его именины?

Однако бедному Рябинину может прийти очень плохо; его большая конкурсная картина ещё далеко не кончена, а срок уже не за горами. Если он проболит с месяц, то не получит медали. Тогда — прощай заграница! Я очень рад одному, что, как пейзажист, не

соперничаю с ним, а его товарищи, должно быть, таки потирают руки. И то сказать: одним местом больше.

А Рябинина нельзя бросить на произвол судьбы; нужно свезти его в больницу.

Х. Рябинин

Сегодня, очнувшись после многих дней беспомощности, я долго соображал, где я. Сначала даже не мог понять, что этот длинный белый свёрток, лежащий перед моими глазами, — моё собственное тело, обёрнутое одеялом. С большим трудом повернув голову направо и налево, отчего у меня зашумело в ушах, я увидел слабо освещённую длинную палату с двумя рядами постелей, на которых лежали закутанные фигуры больных, какого-то рыцаря в медных доспехах, стоявшего между больших окон с опущенными белыми шторами и оказавшегося просто огромным медным умывальником, образ Спасителя в углу с слабо теплившейся лампадкою, две колоссальные кафельные печи. Услышал я тихое, прерывистое дыхание соседа, kloкотавшие вздохи больного, лежавшего где-то подалее, ещё чьё-то мирное сопенье и бога-

тырский храп сторожа, вероятно приставленного дежурить у постели опасного больного, который, может быть, жив, а может быть, уже и умер и лежит здесь так же, как и мы, живые. Мы, живые... «Жив», — подумал я и даже прошептал это слово. И вдруг то необыкновенно хорошее, радостное и мирное, чего я не испытывал с самого детства, нахлынуло на меня вместе с сознанием, что я далёк от смерти, что впереди ещё целая жизнь, которую я, наверно, сумею повернуть по-своему (о! наверно сумею), и я, хотя с трудом, **повернулся на бок, поджал ноги, подложил ладонь под голову и заснул**, точно так, как в детстве, когда, бывало, проснёшься ночью возле спящей матери, когда в окно стучит ветер, и в трубе жалобно воет буря, и брёвна дома стреляют, как из пистолета, от лютого мороза, и начнёшь тихонько плакать, и боясь и желая разбудить мать, и она проснётся, сквозь сон поцелует и перекрестит, и, успокоенный, свёртываешься калачиком и засыпаешь с отрадой в маленькой душе.

Боже мой, **как я ослабел!** Сегодня попробовал встать и пройти от своей кровати к кро-

вати моего соседа напротив, какого-то студента, выздоравливающего от **горячки**, и едва не свалился на полдороге. Но голова поправляется скорее тела. Когда я очнулся, я почти ничего не помнил, и приходилось с трудом вспоминать даже имена близких знакомых. Теперь всё вернулось, но не как прошлая действительность, а как сон. Теперь он меня не мучает, нет. Старое прошло безвозвратно.

Дедов сегодня притащил мне целый ворох газет, в которых расхваливаются мой «Глухарь» и его «Утро». Один только Л. не похвалил меня. Впрочем, теперь это всё равно. Это так далеко, далеко от меня. За Дедова я очень рад; он получил большую золотую медаль и скоро уезжает за границу. Доволен и счастлив невыразимо; лицо сияет, как масленый блин. Он спросил меня: намерен ли я конкурировать в будущем году, после того как теперь мне помешала болезнь? Нужно было видеть, как он вытаращил глаза, когда я сказал ему «нет».

— Серьёзно?

— Совершенно серьёзно, — ответил я.

— Что же вы будете делать?

— А вот посмотрю.

Он ушёл от меня в совершенном недоумении.

XI. Дедов

Эти две недели я прожил в тумане, волнении, нетерпении и успокоился только сейчас, сидя в вагоне Варшавской железной дороги. Я сам себе не верю: я — **пенсионер академии**, художник, едущий на четыре года за границу совершенствоваться в искусстве. *Vivat Academia!*

Но Рябинин, Рябинин! Сегодня я виделся с ним на улице, усаживаясь в карету, чтобы ехать на вокзал. «Поздравляю, говорит, и меня тоже поздравьте».

— С чем это?

— Сейчас только выдержал экзамен в **учительскую семинарию**.

В учительскую семинарию!! Художник, талант! Да он пропадёт, погибнет в деревне. Ну, не сумасшедший ли это человек?

На этот раз Дедов был прав: Рябинин действительно не преуспел. Но об этом — когда-нибудь после.

Справочное бюро

Почему леса, окаймляющие залив, синие?

Синим может выглядеть любой лес — при высоте солнца над горизонтом и определённой влажности воздуха (во время тумана или когда в воздухе много пыли, а также когда солнце низко над горизонтом — на рассвете или на закате) далёкие объекты выглядят более синими или голубыми, чем обычно. Это связано с рассеиванием солнечного света и отражением его от капелек воды. Наш глаз воспринимает объекты синего и голубого цвета как более далёкие, а жёлтого и красного — как более близкие, на этом основан эффект воздушной перспективы.

Как птица взмахивает крыльями? Все ли одинаково?

Большинство птиц достаточно часто машут крыльями, находясь в воздухе. Крыло птиц имеет особую конфигурацию и обладает подъёмной силой — то есть, взмахивая кры-

льями, птица остаётся в воздухе. Однако многие крупные птицы способны не только к машущему, но и к парящему полёту, который менее энергетически затратен. Это в первую очередь, крупные хищники (они умеют ловить термики — идущие от нагретой земли восходящие потоки тёплого воздуха — и с их помощью поднимаются на значительную высоту) — а также другие крупные птицы — аисты, альбатросы, пеликаны, буревестники и другие морские птицы. Машущий полёт возможен на высоте до 5–6 км.

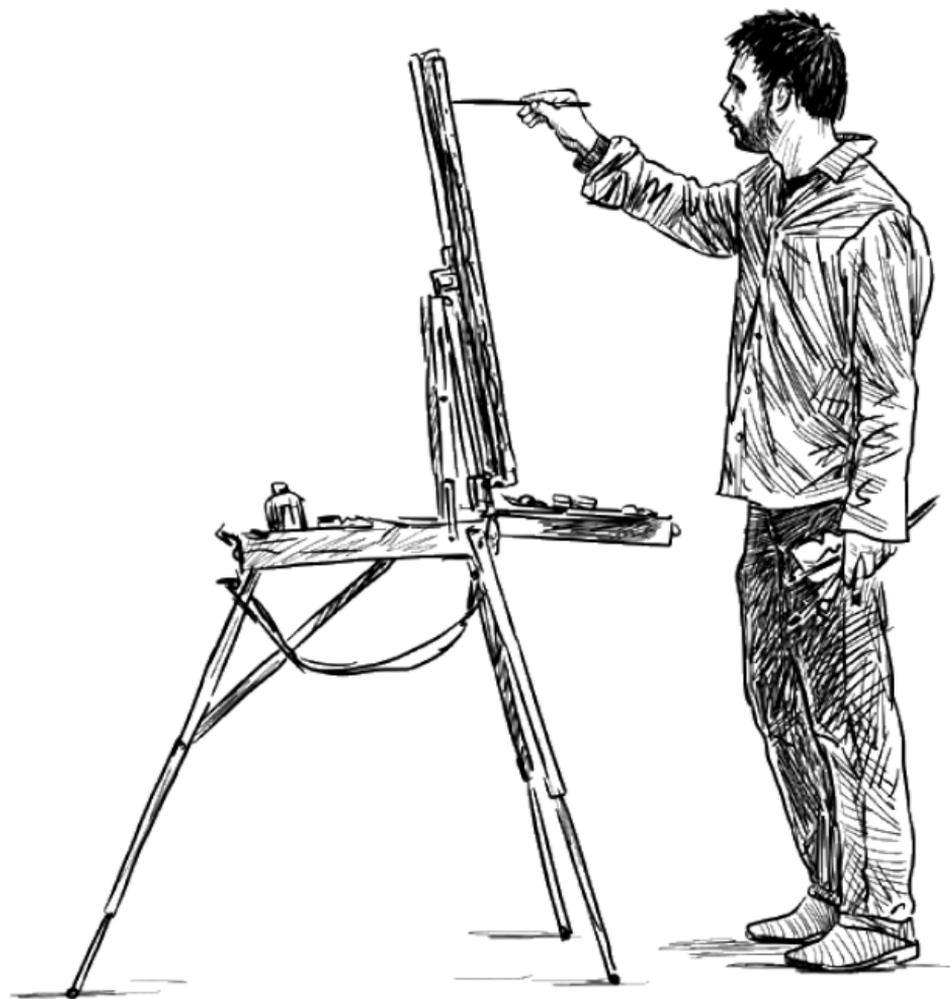
**Что за масло требуется художникам?
Что такое терпентин?**

Масляные краски делают на основе растительных масел — некоторые художники делали их сами, растирая пигмент вручную,

смешивая его с маслом. Промышленные масляные краски, предназначенные для малярных работ, чаще всего делают на натуральной олифе, а краски для художников — на льняном масле. Терпентин, или скипидар, — смесь терпенов и терпеноидов (включая эфирные масла), получаемая из хвойных пород деревьев. Применяется как растворитель для масляных красок и для смывки старых красок.

Тэн, Каррьер, Куглер, Прудон — кто все эти люди? Искусствоведы?

Ишполит Адольф Тэн — французский философ, историк, искусствовед, выделил социальные факторы, определяющие развитие искусства в определённый период, — раса, сре-

да обитания, исторический момент. Эжен Каррьер — французский художник, писал в основном жанровые сцены на тему семьи и материнства, его палитру отличает использование коричневых и серых тонов, фигуры как будто выступают из тумана. Ганс Куглер — немецкий художникпейзажист и портретист, сын искусствоведа и историка Франца Куглера. ПьерЖозеф Прудон — французский политик и социолог, один из теоретиков анархизма.

Кто такой натурщик?

Натурщик, или модель, — это человек, позирующий художнику (как старый Тарас) или скульптору во время создания произведения. Задача натурщика вроде бы проста — сохранять неподвижную позу, которую придумал художник или преподаватель, однако эта работа довольно утомительна — несколько часов не двигаться и даже не моргать. Художники часто изображают своих жён и возлюбленных, и некоторые модели известны едва ли не более, чем художники, увековечившие их.

Что такое полотно? Из чего делали ткань? Из чего делаются краски и кисти?

Художники пишут маслом обычно на специальной ткани — холсте — конопляной или льняной ткани с полотняным переплетением (перпендикулярно, через одну нить). Полотно — льняная ткань особого переплетения. Холст покрывается специальным составом — грунтом, а затем наносятся краски. Кисти делают из волосков, которые обычно натуральные (белка, колонок, куница, соболь,

коза, мангуст), а также синтетические. Кисти бывают разных форм и размеров и для работы с разными красками, и у каждого художника есть не только набор красок, но и набор кистей.

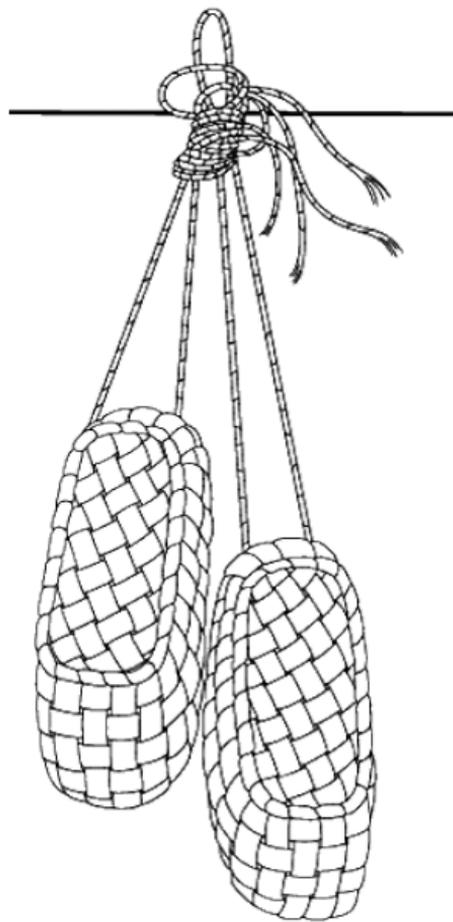
Чем онучи отличаются от лаптей? Из чего плели лапти?

Онучи — это «портянки» под лапты, куски ткани, которыми обматывали ступню и голень, чтобы лапты не натирали. Лапты плели из лыка (внутренней части коры липы), бересты и камыша — все эти материалы мягкими не назовёшь, хотя они абсолютно натуральные, дышащие и гигиеничные. Эта обувь была практически бесплатной и в определённой мере стала синонимом бедности.

В среднем крестьянину было нужно две

пары лаптей в месяц. Лапти известны на Руси издревле и упоминаются в «Повести временных лет».

Что такое пейзаж?

Пейзаж (от французского *paysage*, *pays* — страна, местность) — жанр изобразитель-

ного искусства, который показывает природу — такой, какая она есть. Долгое время пейзаж был лишь декорацией или фоном, но начиная с эпохи Возрождения стал играть самостоятельную роль в искусстве.

Почему осока растёт на болоте?

Осоки внешне похожи на злаки. Отличить осоку от злака довольно легко — на ощупь у большинства злаков стебель круглый, а у осок — трёхгранный. Многие виды осок произрастают во влажных местах — на болотах и по берегам водоёмов. К семейству осоковые относятся камыш и папирус.

Разве глухарь глухая птица? Почему её так зовут?

Глухарь, безусловно, обладает острым слухом, как и все птицы, а иначе в дикой природе не выжить. Однако во время брачного периода самцы так увлечённо токуют, не замечая ничего, кроме самки, что могут подпустить к себе человека практически вплотную

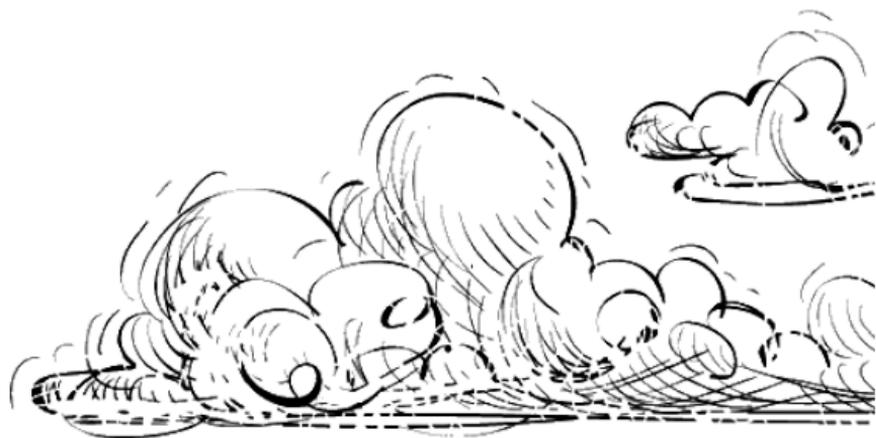
и нередко становятся лёгкой добычей хищников. Глухари относятся к отряду Курообразные, эта крупная и красивая птица — объект охоты.

Неужели небо бывает зелёным?

Небо выглядит голубым потому, что земная атмосфера рассеивает свет с короткой длиной волны (сине-фиолетовая часть спектра) сильнее, чем длинноволновый (красный), а также изза свойств глаза человека (у животных часть спектра не совпадает с человеческим). Утром и вечером, когда высота солнца над горизонтом меньше, свет проходит по касательной к поверхности земли, и нашего глаза лучше достигают красножёлтые тона. В пасмурный день свет отражается от

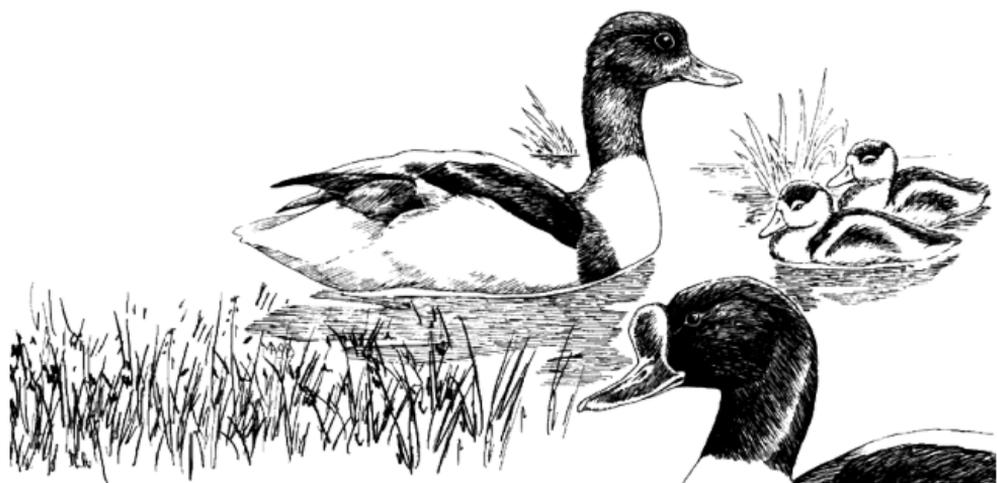
взвешенных в воздухе каплей воды и рассеивается, и до земли доходит белый свет, а если часть света поглощается облаками, то небо выглядит серым.

Почему утки живут стаями?

Утки не всегда живут стаями — они собираются в достаточно большие группы перед отлётом или на зимовку, если ведут оседлый образ жизни. Однако в сезон размножения утки образуют пары, но высидивает яйца и заботится о птенцах только самка, а селезни собираются в небольшие группы. Как правило, утиные пары образуются на один сезон. Даже в пределах одного вида возможны все варианты от одиночного образа жизни до боль-

ших стай.

Что за профессия птицелов? Каких птиц ловили? Зачем?

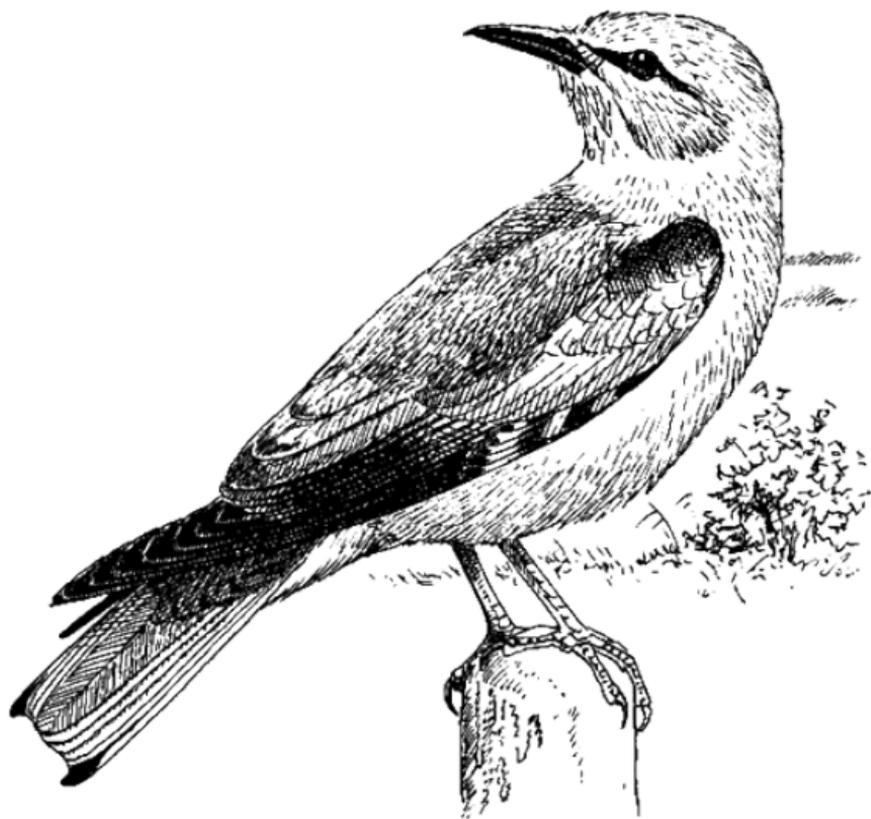
Птицелов — человек, который профессионально занимался ловлей живых птиц, преимущественно певчих. Некоторых певчих птиц нашей фауны держали в качестве домашних питомцев — например, щеглов и чижей, а весной, по обычаю, выпускали на волю, в природу. Ловили птиц обычно с помощью тонких сетей и манков — помещённых в клетку отловленных ранее птиц того же вида, на голос которых слетаются птицы, или особых свистулек, которые «поют» так же, как

ПТИЦЫ.

О чём здесь идёт речь?

Речь идёт о картине основоположника русской историкобытовой живописи Вячесла-

ва Григорьевича Шварца «Посол князя Курбского Василий Шибанов перед Иваном Грозным». Андрей Курбский — воевода Ивана Грозного, прославившийся как военными победами, так и переходом на сторону литовцев, однако даже после измены князь и царь состояли в переписке. Василий Шибанов, слуга князя, помог ему бежать, а впоследствии

доставил первое письмо, читая которое Иван Грозный пронзил ему ногу посохом, а затем приказал казнить гонца.

Кого имел в виду Гаршин под критиком Л.?

Художник и критик Александр Захарович Ледаков. Самая известная его работа — иконы православной церкви св. Петра в Яффе (Израиль). Ледаков яростно критиковал художниковпередвижников за излишний реализм. Для современников Гаршина прототипы персонажей ясны и понятны — образ Рябинина во многом списан с И.Е. Репина, а перекличка «Глухаря» с картиной Н.А. Ярошенко «Кочегар» современникам очевидна. Прототип Дедова — модный пейзажист Клевер. В.С. — Владимир Васильевич Стасов, музыкальный и художественный критик, искусствовед, идеолог реалистического искусства. В живописи он поддерживал художниковпередвижников, в музыке — композиторов «Могучей кучки».

Что такое канделябры? Зачем они нужны?

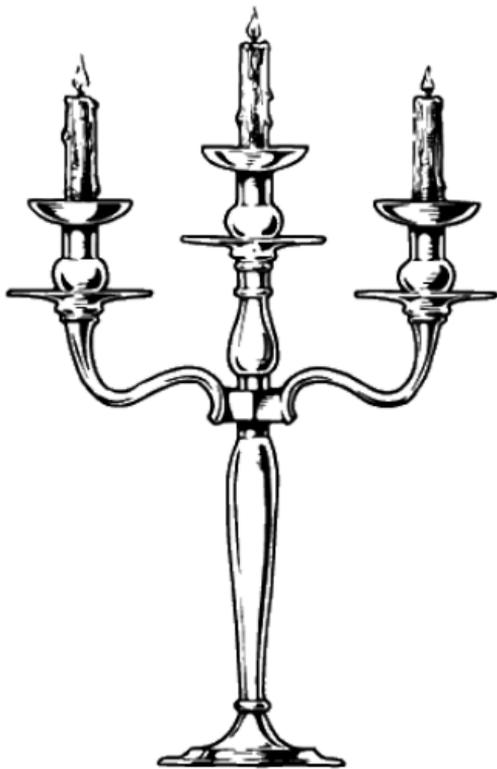
Канделябры — это подсвечники на несколько свечей, обычно они довольно большие и напоминают дерево, от которого отходят несколько «ветвей» со свечами. Они собирали в «чашечках» расплавленный воск горящих свечей, и он не капал на мебель, музыкальные инструменты. В дорогих интерьерах канделябры нередко ставились парами — например, на каминной полке или на концах длин-

ного стола. До изобретения электричества канделябры выполняли роль настольной лампы или торшера.

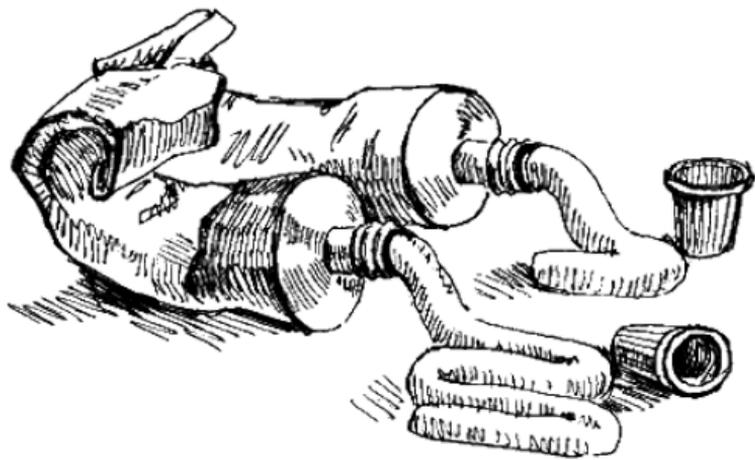
Кто такие жанристы?

Жанристы — художники, работающие в жанровой живописи. Они изображают повседневные сцены, показывающие жизнь народа — как в реалистичной манере, так и дополненной воображением художника. Жанровая живопись занимает важное место в творчестве художников передвижников.

Почему свинец? Он такой тяжёлый?

Свинец на самом деле один из самых тяжёлых металлов, тяжелее железа, и довольно распространён и знаком каждому россиянину XIX в. Золото тяжелее свинца, поскольку обладает более высокой плотностью, однако этот драгоценный металл связан с богатством и встречается значительно реже. Плотность

свинца — $11,35 \text{ г/см}^3$, золота — $19,3$, железа — $7,8$.

Что такое дрожки? Зачем они стучат?

Дрожки — это лёгкий двухместный четырёхколёсный экипаж, в который запрягли одну лошадь, у них большие колёса и достаточно малый вес, поэтому лошадь, запряжённая в дрожки, развивает бóльшую скорость по сравнению с тяжёлой телегой. Городские извозчики на дрожках были аналогом современного такси. В крупных городах проезжие части обычно мостили булыжником, и при движении любое колёсное транспортное средство издавало характерный стук.

Что такое уголь? Почему он чёрный?

Уголь — полезное ископаемое органического происхождения. Геологический период, в котором шло образование каменного угля, носит название каменноугольного (359–299 млн лет назад). В те времена леса состояли из хвощей и плауновидных, а также древовидных папоротников. Каменный уголь содержит до 95 % чистого углерода, он чёрного цвета с характерным блеском.

Что такое череп? Зачем он нужен человеку?

Череп человека состоит из 23 костей, большинство из которых плотно срастаются, а нижняя челюсть крепится к нему с помощью сустава. Костный череп есть у всех позвоночных животных, это защитный «футляр» для

головного мозга. Череп подразделяется на лицевой и мозговой отдел. В ходе эволюции человека объём черепной коробки постепенно увеличивался.

Что такое жар? Как его лечат?

Про заболевшего человека с высокой температурой до сих пор говорят «у него жар». Нормальная температура тела человека в среднем $36,6\text{ }^{\circ}\text{C}$. Повышение температуры — защитная реакция организма на бактериальную или вирусную инфекцию, в случае травм и воспалений обычно происходит местное повышение температуры. Врачи рекомендуют сбивать температуру выше $38,5\text{ }^{\circ}\text{C}$, чтобы снизить нагрузку на организм — для этого применяются жаропонижающие средства и обтирания. При температуре выше $40\text{ }^{\circ}\text{C}$ обычно бывает бред, а повышение до $41\text{ }^{\circ}\text{C}$ смертельно опасно и требует неотложной медицинской помощи.

Почему люди так спят? Откуда эта поза? Как правильно спать?

Считается, что люди спят в «позе эмбриона», когда им плохо и они нуждаются в защите и психологическом комфорте. Чаще всего лю-

ди засыпают на животе. Единой правильной позы для сна нет — врачи считают, что лучше спать так, как удобно, тем более что люди во сне ворочаются и меняют позу. Исключение — люди с больным сердцем: им обычно рекомендуют спать на правом боку, чтобы снизить нагрузку на сердце. Исследования по-

казывают, что большинство людей спит в позе «полуэмбриона» — нечто среднее между выпрямленным телом и позой эмбриона.

Почему люди, болея, слабеют?

Высокая температура — сама по себе стресс для организма, кроме того, заболевший человек обычно отказывается от еды или ест со-

всем немного. При некоторых заболеваниях, например инфекциях, возбудители выделяют токсины — ядовитые вещества, которые также оказывают воздействие на организм.

Что такое горячка?

Горячка, или лихорадка, — состояние повышенной температуры тела, связано с перестройкой терморегуляции всего организма под влиянием различных веществ — пирогенов, в частности, выделяемых возбудителями инфекций. Период повышенной температуры

может продолжаться до нескольких дней и даже недель; когда больной идёт на поправку, температура возвращается к норме.

Что такое пенсионер академии?

Пенсионер Академии художеств — один из лучших выпускников, получивший пенсион — денежное содержание на время дополнительного совершенствования. Сначала пенсион выплачивался на три года, потом — на шесть, в большинстве случаев художники проводили это время за границей.

Что такое семинария?

Семинария — учебное заведение. Наиболее известны духовные семинарии, занимавшиеся подготовкой православного духовенства, они существуют и сейчас. Учительские семинарии были средними специальными учебными заведениями и во второй половине XIX в. готовили главным образом учителей начальной школы, курс обучения продолжался 3 года.

Встреча

На десятки вёрст протянулась широкая и дрожащая серебряная полоса лунного света; остальное море было черно; до стоявшего на высоте доходил правильный, глухой шум раскатывавшихся по песчаному берегу волн; ещё более чёрные, чем самое море, силуэты судов покачивались на рейде; один огромный пароход («вероятно, английский», — подумал Василий Петрович) поместился в светлой полосе луны и шипел своими парами, выпуская их клочковатой, тающей в воздухе струёй; с моря несло сырым и солёным воздухом; Василий Петрович, до сих пор не выдавший ничего подобного, с удовольствием смотрел на мо-

ре, лунный свет, пароходы, корабли и радостно, в первый раз в жизни, вдыхал морской воздух. Он долго наслаждался новыми для него ощущениями, повернувшись спиной к городу, в который приехал только сегодня и в котором должен был жить многие и многие годы. За ним пёстрая толпа публики гуляла по **бульвару**, слышалась то русская, то нерусская речь, то чинные и тихие голоса местных почтенных особ, то щебетанье барышень, громкие и весёлые голоса взрослых гимназистов, ходивших кучками около двух или трёх из них. Взрыв хохота в одной из таких групп заставил Василия Петровича обернуться. Весёлая гурьба шла мимо; один из юношей говорил что-то молоденькой гимназистке; товарищи шумели и перебивали его горячую и, по видимому, оправдательную речь.

— Не верьте, Нина Петровна! Всё врёт! Выдумывает!

— Да право же, Нина Петровна, я несколько не виноват!

— Если вы, Шевырев, ещё когда-нибудь вздумаете меня обманывать... — принуждённо-чинным молодым голоском заговорила де-

вушка.

Конца Василий Петрович не дослышал, потому что гурьба прошла мимо. Через полминуты из темноты вновь послышался взрыв смеха.

«Вот она, моя **будущая нива**, на которой я, как скромный пахарь, буду работать», — подумал Василий Петрович, во-первых, потому, что он был назначен учителем в местную гимназию, а во-вторых, потому, что любил фигуральную форму мысли, даже когда не высказывал её вслух. «Да, придётся работать на этом скромном поприще, — думал он, вновь сядясь на скамью лицом к морю. — Где мечты о профессуре, о публицистике, о громком имени? Не хватило пороху, брат Василий Петрович, на все эти затеи; попробуй-ка здесь поработать!»

И красивые и приятные мысли зашевелились в голове нового учителя гимназии. Он думал о том, как он будет с первых классов гимназии угадывать «искру Божию» в мальчиках; как будет поддерживать натуры, «стремящиеся сбросить с себя иго тьмы»; как под его надзором будут развиваться молодые,

свежие силы, «чуждые житейской грязи»; как, наконец, из его учеников со временем могут выйти замечательные люди... Даже такие картины рисовались в его воображении: сидит он, Василий Петрович, уже старый, седой учитель, у себя, в своей скромной квартире, и посещают его бывшие его ученики, и один из них — профессор такого-то университета, известный «у нас и в Европе», другой — писатель, знаменитый романист, третий — общественный деятель, тоже известный. И все они относятся к нему с уважением. «Это ваши **добрые семена**, запавшие в мою душу, когда я был мальчиком, сделали из меня человека, уважаемый Василий Петрович», — говорит общественный деятель и с чувством жмёт руку своему старому учителю...

Впрочем, Василий Петрович недолго занимался такими возвышенными предметами, скоро мысль его перешла на вещи, непосредственно касавшиеся его настоящего положения. Он вынул из кармана новый бумажник и, пересчитав свои деньги, начал размышлять о том, сколько у него останется за покрытием всех необходимых расходов. «Как жаль,

что я так необдуманно тратил деньги доро-
гою, — подумал он. — Квартира... ну, поло-
жим, рублей двадцать в месяц, стол, бельё,
чай, **табак**... Тысячу рублей в полгода, во вся-
ком случае, сберегу. Наверно, здесь можно бу-
дет достать уроки по хорошей цене, этак руб-
ля по четыре, по пяти...» Чувство довольства
охватило его, и ему захотелось полезть в кар-
ман, где лежали два рекомендательные пись-
ма на имя местных тузов, и в двадцатый раз
перечесть их адреса. Он вынул письма, бе-
режно развернул бумагу, в которой они были
завёрнуты, но прочесть адреса ему не уда-
лось, потому что лунный свет не был доста-
точно силён, чтобы доставить Василию Пет-
ровичу это удовольствие. Вместе с письмами
была завёрнута фотографическая карточка.
Василий Петрович повернул её прямо, к меся-
цу, и старался рассмотреть знакомые черты.
«О моя Лиза!» — проговорил он почти вслух и
вздыхнул не без приятного чувства. Лиза была
его невеста, оставшаяся в Петербурге и ожи-
давшая, пока Василий Петрович не скопит
тысячи рублей, которую молодая чета счита-
ла необходимою для первоначального обзаве-

дения.

Вздохнув, он спрятал в левый боковой карман карточку и письма и принялся мечтать о будущей семейной жизни. И эти мечты показались ему ещё приятнее, чем даже мечты об общественном деятеле, который придёт к нему благодарить за посеянные в его сердце добрые семена.

Море шумело далеко внизу, ветер становился свежее. Английский пароход вышел из полосы лунного света, и она блестела, сплошная, и переливалась тысячами матово-блестящих всплесков, уходя в бесконечную морскую даль и становясь всё ярче и ярче. Не хотелось встать со скамьи, оторваться от этой картины и идти в тесный номер гостиницы, в котором остановился Василий Петрович. Однако было уже поздно; он встал и пошёл вдоль по бульвару.

Господин, в лёгком костюме **из шёлковой сырцовой материи** и в **соломенной шляпе**, с навёрнутым на тулью кисейным полотенцем (летний костюм местных щёголей), встал со скамейки, мимо которой проходил Василий Петрович, и сказал:

— Позвольте закурить.

— Сделайте одолжение, — ответил Василий Петрович. Красный отблеск озарил знакомое ему лицо.

— Николай, друг мой! Ты ли это?

— Василий Петрович?

— Он самый... Ах, как я рад! Вот не думал, не гадал, — говорил Василий Петрович, заключая друга в объятия и троекратно лобзая его. — Какими судьбами?

— Очень просто, на службе. А ты как?

— Я учителем гимназии сюда назначен. Только что приехал.

— Где же ты остановился? Если в гостинице, едем, пожалуйста, ко мне. Я очень рад видеть тебя. У тебя ведь нет здесь знакомых? Поедем ко мне, поужинаем, поболтаем, вспомним старину.

— Поедем, поедем, — согласился Василий Петрович. — Я очень, очень рад! Приехал сюда, как в пустыню, — и вдруг такая радостная встреча. Извозчик! — закричал он.

— Не нужно, не кричи. Сергей, давай! — громко и спокойно произнёс друг Василия Петровича.

К тротуару подкатила щегольская коляска; хозяин вскочил в неё. Василий Петрович стоял на тротуаре и в недоумении смотрел на экипаж, вороных коней и толстого кучера.

— Кудряшов, эти лошади — твои?

— Мои, мои! Что, не ожидал?

— Удивительно... Ты ли это?

— Кто же другой, как не я? Ну, полезай в коляску, ещё успеем поговорить.

Василий Петрович влез в коляску, уселся рядом с Кудряшовым, и коляска покатила, дребезжа и подсакивая по мостовой. Василий Петрович сидел на мягких подушках и, покачиваясь, улыбался. «Что за притча! — думал он. — Давно ли Кудряшов был беднейшим студентом, а теперь — коляска!» Кудряшов, положив вытянутые ноги на переднюю скамейку, молчал и курил сигару. Через пять минут **экипаж** остановился.

— Ну, братец, выходи. Покажу тебе мою скромную хижину, — сказал Кудряшов, сойдя с подножки и помогая Василию Петровичу вылезть.

Прежде чем войти в скромную хижину,

гость окинул её взглядом. Луна была за нею и не освещала её; поэтому он мог заметить только, что хижина была одноэтажная, каменная, в десять или двенадцать больших окон. Зонтик на колонках с завитками, кое-где позолоченными, висел над дверью из тяжёлого дуба с зеркальными стёклами, бронзовой ручкой в виде птичьей лапы, держащей хрустальный многогранник, и блестящей медной доской с фамилией хозяина.

— Однако хижина у тебя, Кудряшов! Это не хижина, а, так сказать, палаццо, — сказал Василий Петрович, когда они вошли в переднюю с дубовой мебелью и зиявшим чёрною пастью камином. — Неужели собственная?

— Нет, брат, до этого ещё не дошло. Нанимаю. Недорого, полторы тысячи.

— Полторы! — протянул Василий Петрович.

— Выгоднее платить полторы тысячи, чем затратить капитал, который может дать гораздо больший процент, если не обращён в недвижимость. Да и денег много нужно: ведь уж если строить, так не этакую дрянь.

— Дрянь! — воскликнул в изумлении Васи-

лий Петрович.

— Конечно, дом неважный. Ну, пойдём, пойдём скорее...

Василий Петрович успел уже снять пальто и направился за хозяином. Обстановка квартиры Кудряшова дала новую пищу его удивлению. Целый ряд высоких комнат с паркетными полами, оклеенных дорогими, тиснёнными золотом, обоями; столовая «под дуб» с **развешанными по стенам плохими моделями дичи**, с огромным резным буфетом, с большим круглым столом, на который лился целый поток света из висячей бронзовой лампы с молочным абажуром; зал с роялем, множеством разной мебели **из гнутого бука** диванчиков, скамеек, табуреток, стульев, с дорогими литографиями и скверными олеографиями в раззолоченных рамах; гостиная, как водится, с шёлковой мебелью и кучей ненужных вещей. Казалось, хозяин квартиры вдруг разбогател, выиграл двести тысяч, что ли, и на скорую руку устроил себе квартиру на широкую ногу. Всё было куплено сразу, куплено не потому, что было нужно, а потому, что в кармане зашевелились деньги, нашедшие се-

бе выход для покупки рояля, на котором, насколько знал Василий Петрович, Кудряшов мог играть только одним пальцем; скверной старой картины, одной из десятков тысяч, приписываемых второстепенному фламандскому мастеру, на которую, наверно, никто не обращал внимания, шахматов китайской работы, в которые нельзя было играть, так они были тонки и воздушны, но в головках у которых было выточено по три шарика, заключённых один в другой, и множества других ненужных вещей.

Друзья вошли в кабинет. Здесь было уютнее. Большой письменный стол, заставленный разною бронзовою и фарфоровою мелочью, заваленный бумагами, чертёжными и рисовальными принадлежностями, занимал середину комнаты. По стенам висели огромные раскрашенные чертежи и географические карты, а под ними стояли два низеньких турецких дивана с шёлковыми мутаками. Кудряшов, обняв Василия Петровича за талию, подвёл его прямо к дивану и усадил на мягких тюфяках.

— Ну, очень рад, очень рад встретить ста-

рого товарища, — сказал он.

— Я тоже... Знаешь ли, приехал, как в **пустыню**, и вдруг такая встреча! Знаешь ли, Николай Константиныч, при виде тебя так много зашевелилось в душе, так много воскресло в памяти воспоминаний...

— О чём это?

— Как о чём? О студенчестве, о времени, когда жилось так хорошо, если не в материальном, то в нравственном отношении. Помнишь...

— Что помнить-то? Как мы с тобою собакою колбасу жрали? Будет, брат, надоело... Сигару хочешь? Regalia Imperialia, или как там её; знаю только, что полтинник штука.

Василий Петрович взял из ящичка предлагаемую драгоценность, вынул из кармана ножичек, обрезал кончик сигары, закурил её и сказал:

— Николай Константиныч, я решительно как во сне. Каких-нибудь несколько лет — и у тебя такое место.

— Что место! Место, брат, плюнь да отойди.

— Как же это? Да ты сколько получаешь?

— Каких? Жалованья?

— Ну да, содержания.

— Жалованья получаю я, инженер, губернский секретарь Кудряшов второй, — тысячу шестьсот рублей в год.

У Василия Петровича вытянулось лицо.

— Как же это? Откуда это всё?

— Эх, брат, простота ты! Откуда? Из воды и земли, из моря и суши. А главное, вот откуда.

И он ткнул себя указательным пальцем в лоб.

— Видишь вон эти картинки, что по стенам висят?

— Вижу, — ответил Василий Петрович: — что же дальше?

— Знаешь ли, что это?

— Нет, не знаю.

Василий Петрович встал с дивана и подошёл к стене. Синяя, красная, бурая и чёрная краски ничего не говорили его уму, равно как и какие-то таинственные цифры около точечных линий, сделанные красными чернилами.

— Что это такое? Чертежи?

— Чертежи-то чертежи, но чего?

— Право, друг мой, не знаю.

— Чертежи эти изображают, милейший Василий Петрович, будущий мол. Знаешь, что такое мол?

— Ну, конечно. Ведь я всё-таки учитель русского языка. Мол — это такая... как бы сказать... ну, плотина, что ли...

— Именно плотина. Плотина, служащая для образования **искусственной гавани**. На этих чертежах изображён мол, который теперь строится. Ты видел море сверху?

— Как же, конечно! Необыкновенная картина! Но построек я не заметил.

— Мудрено и заметить, — сказал Кудряшов со смехом. — Этот мол почти весь не в море, Василий Петрович, а здесь, на суше.

— Где же это?

— Да вот у меня и у прочих строителей: у Кноблоха, Пуйциковского и у прочих. Это — между нами, конечно: тебе я говорю это как товарищу. Что ты так уставился на меня? Дело самое обыкновенное.

— Послушай, это, наконец, ужасно! Неужели ты говоришь правду? Неужели ты не брезгаешь нечестными средствами для достижения этого комфорта? Неужели всё прошлое

служило только для того, чтобы довести тебя до... до... И ты так спокойно говоришь об этом...

— Стой, стой, Василий Петрович! Пожалуйста, без сильных выражений. Ты говоришь: «нечестные средства»? Ты мне скажи сперва, что значит честно и что значит нечестно. Сам я не знаю; быть может, забыл, а думаю, что и не помнил; да сдаётся мне, и ты, собственно говоря, не помнишь, а так только напяливаешь на себя какой-то **мундир**. Да и вообще ты это оставь; прежде всего, это невежливо. Уважай свободу суждения. Ты говоришь — нечестно; говори, пожалуй, но не брани меня: ведь я не ругаю тебя за то, что ты не одного со мною мнения. Всё дело, брат, во взгляде, в точке зрения, а так как их много, точек этих, то плюнем мы на это дело и пойдём в столовую водку пить и о приятных предметах разговаривать.

— Ах, Николай, Николай, больно мне смотреть на тебя.

— Это ты можешь; можешь душою болеть, сколько тебе угодно. Пусть будет больно; пройдёт! Приглядишься, присмотришься, сам

скажешь: «какая я, однако, телятина»; так и скажешь, помяни моё слово. Пойдём-ка, выпьем по рюмочке и забудем о заблудших инженерах; на то и мозги, дружище, чтобы заблуждаться... Ведь ты, учитель мой любезный, сколько будешь получать, а?

— Тебе всё равно.

— Ну, например?

— Ну, тысячи три заработаю с частными уроками.

— Вот видишь: за три-то тысячи таскаться всю жизнь по урокам! А я сижу себе да поглядываю: хочу — делаю, хочу — нет; если бы фантазия пришла хоть целый день в потолок плевать, и то можно. А денег... денег столько, что они — «вещь для нас пустая».

В столовой, куда они вошли, всё было готово для ужина. **Холодный ростбиф** возвышался розовой горой. Банки с консервами пестрели разноцветными английскими надписями и яркими рисунками. Целый ряд бутылок воздвигался на столе. Приятели выпили по рюмке водки и приступили к ужину. Кудряшов ел медленно и с расстановкою; он совершенно углубился в своё занятие.

Василий Петрович ел и думал, думал и ел. Он был в большом смущении и решительно не знал, как ему быть. По принятым им убеждениям, он должен был бы поспешно скрыться из дома своего старого товарища и никогда в него больше не заглядывать. «Ведь этот кусок — краденый, — думал он, положив себе в рот кусок и прихлёбывая подлитое обязательным хозяином вино. — А сам что я делаю, как не подлость?» Много таких определений шевелилось в голове бедного учителя, но определения так и остались определениями, а за ними скрывался какой-то тайный голос, возражавший на каждое определение: «Ну, так что ж?» И Василий Петрович чувствовал, что он не в состоянии разрешить этого вопроса, и продолжал сидеть. «Ну что ж, буду наблюдать», — мелькнуло у него в голове в виде оправдания, после чего он и сам перед собой сконфузился. «Для чего мне наблюдать, писатель я, что ли?»

— Этакого мяса, — начал Кудряшов, — ты обрати внимание, не достанешь в целом городе.

И он рассказал Василию Петровичу длин-

ную историю о том, как он обедал у Кноблоха, как его поразил своим достоинством поданный ростбиф, как он узнал, откуда доставать такой, и как, наконец, достал.

— Ты попал как раз кстати, — сказал он в заключение рассказа о мясе. — Едал ли ты что-нибудь подобное?

— Действительно, ростбиф отличный, — ответил Василий Петрович.

— Превосходный, братец! Я люблю, чтобы всё было как следует. Да что ты не пьёшь? Постой, вот я тебе налью вина.

Последовала не менее длинная история о вине, в которой участвовал и английский **шкипер**, и торговый дом в Лондоне, и тот же Кноблох, и таможня. Рассказывая о вине, Кудряшов попивал его и, по мере того как пил, оживлялся. **На щеках его вялого лица обозначались румяные пятна**, речь становилась быстрее и оживлённее.

— Да что ж ты молчишь? — наконец спросил он Василия Петровича, который действительно упорно молчал, выслушивая эпопеи о мясе, вине, сыре и прочих благодатях, украсивших собою стол инженера.

— Так, брат, не говорится что-то.

— Не говорится... вот вздор! Ты, я вижу, всё ещё киснешь по поводу моего признания. Жалею, очень жалею, что сказал; с большим бы удовольствием поужинали, если б не этот проклятый мол... Да ты лучше не думай об этом, Василий Петрович, брось... А? Васенька, плюнь, право! Что ж делать, братец, не оправдал я надежд. Жизнь не школа. Да я не знаю, долго ли и ты удержишься на своей стезе.

— Пожалуйста, не делай обо мне предположений, — сказал Василий Петрович.

— Обиделся?... Конечно, не удержишься. Что дало тебе твоё бескорыстие? Разве ты теперь спокоен? Разве не думаешь каждый день о том, согласны ли твои поступки с твоими идеалами, и не убеждаешь ли каждый день в том, что несогласны? Ведь правда, а? Выпей вина, хорошее вино.

Он налил и себе рюмку, посмотрел на свет, попробовал, щёлкнул губами и выпил.

— Ведь вот, любезный мой друг, ты думаешь, я не знаю, какая у тебя в голове теперь мысль сидит? Доподлинно знаю. «Зачем, думаешь ты, я у этого человека сижу? Очень он

мне нужен! Разве не могу я обойтись без его вина и сигар?» Пстой, пстой, дай договорить! Я вовсе не думаю, что ты сидишь у меня из-за вина и сигар. Во все нет; если бы ты и очень захотел их, так не стал бы **лизоблюدنичать**. Лизоблюдство — вещь очень тяжёлая. Ты сидишь у меня и говоришь со мною просто потому, что не можешь решить, действительно ли я преступник. Не возмущаю я тебя, да и всё. Конечно, для тебя это очень обидно, потому что в твоей голове расположены под разными рубриками убеждения, и, подогнанный под них, я, твой бывший товарищ и друг, оказываюсь мерзавцем, а между тем вражды ко мне ты никакой чувствовать не можешь. Убеждения — убеждениями, а я сам по себе товарищ, добрый малый и даже, можно сказать, добрый человек. Ведь ты знаешь, что я не способен никого обидеть...

— Пстой, Кудряшов. Откуда у тебя всё это? — Василий Петрович обвёл рукой. — Сам говоришь, чужое: ну, тот и обижен, у кого похищено.

— Легко сказать: у кого похищено. Я вот думаю, думаю, кого я обидел, — и всё не могу

понять, кого. Ты не знаешь, как это дело делается; я расскажу тебе, и ты, может быть, согласишься со мною, что найти обиженного не так-то легко.

Кудряшов позвонил. Явилась бесстрастная лакейская фигура в **чёрном фраке**.

— Иван Павлыч, принеси мне из кабинета чертёж. Между окнами висит. Ты посмотри, Василий Петрович, дело-то какое грандиозное: право, я даже поэзию в нём нынче находить стал.

Иван Павлыч бережно принёс огромный лист, наклеенный на коленкор. Кудряшов взял его, раздвинул около себя тарелки, бутылки и рюмки и разложил чертёж на забрызганной красным вином скатерти.

— Посмотри сюда, — сказал он. — Вот тебе поперечный разрез нашего мола, вот его продольный разрез. Видишь голубую краску? Это море. Глубина его здесь настолько велика, что начинать кладку со дна нельзя; поэтому мы приготовляем для мола прежде всего постель.

— Постель? — спросил Василий Петрович. — Странное название.

— Постель каменную, из огромных булыжников, не меньше одного кубического фута объёмом. — Кудряшов отвинтил от часового ключика крошечный серебряный циркуль и взял им на чертеже какую-то маленькую линию. — Смотри, Василий Петрович, — это сажень. Если мы ею смерим постель поперёк, то окажется без малого пятьдесят сажен ширины. Не узка постелька, не правда ли? Такой ширины каменная масса выводится со дна моря до шестнадцати футов ниже его поверхности. Если ты сообразишь ширину постели и огромную длину, то можешь иметь некоторое представление о громадности этой массы камня. Иногда, знаешь ли, целый день **барка** за баркой подходит к молу, барка за баркой выбрасывает свой груз, а смеряешь — приращение самое ничтожное. Точно в бездну валят камень... Постель выкрашена здесь на плане грязно-серой краской. Её подвигают вперёд, а от берега начинается на ней уже другая работа. Паровыми кранами спускают на эту постель огромнейшие искусственные камни, кубические глыбы, слепленные из булыжника и цемента. Каждый такой кусок ве-

личиною в кубическую сажень и **весит многие сотни пудов**. Пар поднимает их, поворачивает и укладывает рядами. Странное чувство испытываешь, когда лёгким нажатием руки заставляешь такую массу подниматься и опускаться по своему желанию. Когда такая масса повинуется тебе, чувствуешь могущество человека... Видишь, вот они, эти кубики. — Он показал циркулем. — Кладка из них доводится почти до поверхности воды, а на ней начинается уже верхняя каменная кладка из тёсаного камня. Так вот какое это дело; оно не уступит любой египетской пирамиде. Вот тебе в общих чертах работа, которая тянется уже несколько лет, а сколько времени ещё протянется — бог знает. Желательно бы, чтобы подольше... Впрочем, если она будет идти так, как последнее время, то, пожалуй, на наш век хватит.

— Ну, что ж дальше? — спросил Василий Петрович после долгого молчания.

— Дальше? Ну, а мы сидим на своих местах и получаем, сколько следует.

— Я ещё не вижу из твоего рассказа возможности получить.

— Молод ты, вот что! Впрочем, мы с тобой, кажется, ровесники; только опыт, которого тебе не хватает, умудрил и состарил меня. Дело вот в чём: тебе известно, что во всяком море бывают бури? Они-то и действуют. Они размывают каждый год постель, а мы кладём новую.

— Всё же я не вижу возможности...

— Кладём мы её, — спокойно продолжал Кудряшов, — на бумаге, вот здесь, на чертеже, потому что только на чертеже буря её и размывает.

Василий Петрович весь превратился в недоумение.

— Потому что не могут же на самом деле размыть постель волны, достигающие только **восьми футов высоты**. Наше море не океан, да и там такие молы, как наш, выдерживают; а у нас на двух с лишним саженьях глубины, где кончается постель, почти что мёртвая тишина. Слушай, Василий Петрович, как дела делаются. Весною, после осенних и зимних непогод, мы собираемся и ставим вопрос: сколько в этом году размыло постели? Берём чертежи и отмечаем. Ну, и пишем, куда сле-

дует: размыло, дескать, бурями столько-то и столько-то кубических сажен начатых работ. Оттуда отвечают: стройте, чините, чёрт с вами! Ну, мы и чиним.

— Да что ж вы чините-то?

— Да карманы себе чиним, — сострил Кудряшов и сам рассмеялся своей остроте.

— Нет, это невозможно! невозможно! — закричал Василий Петрович, вскакивая со стула и бегая по комнате. — Слушай, Кудряшов, ведь ты губишь себя... Не говоря о безнравственности... Я просто хочу сказать, что вас всех поймут на этом, и ты погибнешь, **по Владимирке пойдёшь**. Боже, боже, вот они, надежды, упования! Способный и честный юноша — и вдруг...

Василий Петрович вошёл в экстаз и говорил долго и горячо. Но Кудряшов совершенно спокойно курил сигару и посматривал на расходившегося друга.

— Да, ты, наверно, пойдёшь по Владимирке! — закончил Василий Петрович свою филиппику.

— До Владимирки, друг мой, очень далеко. Чудной ты человек, я посмотрю: ничего-то ты

не понимаешь. Разве я один... как бы это по-вежливее сказать... приобретаю? Всё вокруг, самый воздух — и тот, кажется, тащит. Недавно явился к нам один новенький и стал было по части честности корреспонденции писать. Что ж? Прикрыли... И всегда прикроем. Все за одного, один за всех. Ты думаешь, что человек сам себе враг? Кто ж решится меня тронуть, когда через это самое может пошатнуться?

— Стало быть, как сказал Крылов, **рыльце-то у всех в пушку?**

— В пушку, в пушку. Все берут с жизни, что могут, а не относятся к ней платонически... О чём, бишь, мы начали говорить? Да, о том, кого я обижаю. Скажи, кого? Низшую братию, что ли? Ну, чем? Ведь я черпаю не прямо из источника, а беру готовое, что уж взято, и если не достанется мне, то, может быть, кому-нибудь и похуже. По крайней мере я не по-свински живу, есть кое-какие и духовные интересы: выписываю кучу газет, журналов. Кричат о науке, о цивилизации, а к чему бы эта цивилизация прилагалась, если бы не мы, люди со средствами? И кто бы давал науке возможность двигаться вперёд, как

не люди со средствами? А их нужно откуда-нибудь взять. Так называемыми честными путями...

— Ах, не доканчивай, не говори ты хоть последнего слова, Николай Константиныч!

— Слова? Что ж, лучше было бы, кривая твоя душа, если бы я стал врать, оправдываться? Воруем, слышишь ли ты? Да если правду-то говорить, то и ты теперь воруеть.

— Послушай, Кудряшов...

— Нечего мне тебя слушать, — сказал со смехом Кудряшов. — Ты таки, брат, грабитель, под личиною добродетели. Ну, что это за занятие твоё — учительство? Разве ты платишь своим трудом даже те гроши, что тебе теперь платят? Приготовишь ли ты хоть одного порядочного человека? Три четверти из твоих воспитанников выйдут такие же, как я, а одна четверть такими, как ты, то есть благонамеренной размазнёю. Ну, не даром ли ты берёшь деньги, скажи откровенно? И далеко ли ты ушёл от меня? А тоже храбрится, честность проповедует!

— Кудряшов! Поверь, что мне чрезвычайно тяжёл этот разговор.

— А мне — нисколько.

— Я не ожидал встретить в тебе то, что встретил.

— Немудрено; люди изменяются, и я изменился, а в какую сторону — ты угадать не мог: не пророк ведь.

— Не нужно быть пророком, чтобы надеяться, что честный юноша сделается честным гражданином.

— Ах, оставь, не говори ты мне этого слова. Честный гражданин! И откуда, из какого учебника ты эту **архивность** вытащил? Пора бы перестать **сентиментальничать**: не мальчик ведь... Знаешь что, Вася, — при этом Кудряшов взял Василия Петровича за руку, — будь другом, бросим этот проклятый вопрос. Лучше выпьем по-товарищески. Иван Павлыч! Дай, брат, бутылочку вот этого.

Иван Павлыч немедленно явился с новой бутылкой. Кудряшов налил стаканы.

— Ну, выпьем за процветание... чего бы это? Ну, всё равно: за наше с тобой процветание.

— Пью, — сказал Василий Петрович с чувством, — за то, чтобы ты опомнился. Это моё

сильнейшее желание.

— Будь друг, не поминай... Ведь если опомниться, так уж пить будет нельзя: **тогда зубы на полку**. Видишь, какая у тебя логика. Будем пить просто, без всяких пожеланий. Бросим эту скучную **канитель**; всё равно ни до чего не договоримся: ты меня на путь истинный не наставишь, да и я тебя не переспорю. Да и не стоит переспаривать: собственным умом до моей философии дойдёшь.

— Никогда! — с жаром воскликнул Василий Петрович, стукнув стаканом об стол.

— Ну, это посмотрим. Да что это всё я про себя рассказываю, а ты о себе молчишь? Что ты делал, что думаешь делать?

— Я говорил уже тебе, что назначен учителем.

— Это твоё первое место?

— Да, первое; я занимался раньше частными уроками.

— И теперь думаешь заниматься ими?

— Если найду, отчего же.

— Доставим, брат, доставим! — Кудряшов хлопнул Василия Петровича по плечу. — Всё здешнее юношество тебе в науку отдадим. По-

чём ты брал за час в Петербурге?

— Мало. Очень трудно было доставать хорошие уроки. Рубль-два, не больше.

— И за такие гроши человек терзается! Ну, здесь меньше пяти и не смей спрашивать. Это работа трудная: я сам помню, как на первом и на втором курсе по урочишкам бегал. Бывало, добудешь по полтиннику за час — и рад. Самая неблагодарная и трудная работа. Я тебя перезнакомлю со всеми нашими; тут есть премилые семейства, и с барышнями. Будешь умно себя вести — сосватаю, если хочешь. А, Василий Петрович?

— Нет, благодарю, я не нуждаюсь.

— Сосватан уже? Правда?

Василий Петрович выразил своим видом смущение.

— По глазам вижу, что правда. Ну, брат, поздравляю. Вот как скоро! Ай да Вася! Иван Павлыч! — закричал Кудряшов.

Иван Павлыч с заспанным и сердитым лицом появился в дверях.

— Дай шампанского!

— Шампанского нету, всё вышло, — мрачно отвечал лакей.

— Будет, Кудряшов, зачем же это, право!

— Молчи; я тебя не спрашиваю. Обидеть меня хочешь, что ли? Иван Павлыч, без шампанского не приходите, слышишь? Ступай!

— Да ведь заперто, Николай Константиныч.

— Не разговаривай. Деньги у тебя есть: ступай и принеси.

Лакей ушёл, ворча что-то себе под нос.

— Вот скотина, ещё разговаривает! А ты ещё: «не нужно». Если по такому случаю не пить, то для чего и существует **шампанское**?.. Ну, кто такая?

— Кто?

— Ну, она, невеста... Бедна, богата, хороша?

— Ты всё равно её не знаешь, так зачем называть её тебе? Состояния у неё нет, а красота — вещь условная. По-моему, красива.

— Карточка есть? — спросил Кудряшов. — Поди, при сердце носишь. Покажи!

И он протянул руку.

Красное от вина лицо Василия Петровича ещё более покраснело. Не зная зачем, он растегнул сюртук, вынул свою книжку и достал драгоценную карточку. Кудряшов схватил её

и начал рассматривать.

— Ничего, брат! Ты знаешь, где раки зимуют.

— Нельзя ли без таких выражений! — резко сказал Василий Петрович. — Дай её мне, я спрячу.

— погоди, дай насладиться. Ну, дай вам Бог совет да любовь. На, возьми, положи опять на сердце. Ах ты, чудак, чудак! — воскликнул Кудряшов и расхохотался.

— Не понимаю, что ты нашёл тут смешного?

— А так, братец, смешно стало. Представился мне ты через десять лет; сам в халате, подурневшая беременная жена, семь человек детей и очень мало денег для покупки им башмаков, штанишек, шапчонок и всего прочего. Вообще, проза. Будешь ли ты тогда носить эту карточку в боковом кармане? Ха-ха-ха!

— Ты скажи лучше, какая поэзия ждёт в будущем тебя? Получать деньги и проживать их: есть, пить да спать?

— Не есть, пить и спать, а жить. Жить с сознанием своей свободы и некоторого даже

могущества.

— Могущества! Какое у тебя могущество?

— Сила в деньгах, а у меня есть деньги. Что хочу, то и сделаю... Захочу тебя купить — и куплю.

— Кудряшов!..

— Не хорохорься попусту. Неужели нам с тобою, старым друзьям, нельзя и пошутить друг над другом? Конечно, тебя покупать не стану. Живи себе по-своему. А всё-таки что хочу, то и сделаю. Ах я, дурень, дурень! — вдруг вскрикнул Кудряшов, хлопнув себя по лбу: — Сидим столько времени, а я тебе главной достопримечательности-то и не показал. Ты говоришь: есть, пить и спать? Я тебе сейчас такую штуку покажу, что ты откажешься от своих слов. Пойдём. Возьми свечу.

— Куда это? — спросил Василий Петрович.

— За мной. Увидишь, куда.

Василий Петрович, встав со стула, чувствовал себя не в полном порядке. Ноги не совсем повиновались ему, и он не мог держать подсвечник так, чтобы стеарин не капал на ковёр. Однако, несколько справившись с непослушными членами, он пошёл за Кудряшо-

вым. Они прошли несколько комнат, узенький коридор и очутились в каком-то сыром и тёмном помещении. Шаги глухо стучали по каменному полу. Шум падающей где-то струи воды звучал бесконечным аккордом. С потолка висели сталактиты из туфа и синеватого литого стекла; целые искусственные скалы возвышались здесь и там. Масса тропической зелени прикрывала их, а в некоторых местах блестели тёмные зеркала.

— Что это такое? — спросил Василий Петрович.

— Аквариум, которому я посвятил два года времени и много денег. Подожди, я сейчас освещу его.

Кудряшов скрылся за зелень, а Василий Петрович подошёл к одному из зеркальных стёкол и начал рассматривать, что было за ним. Слабый свет одной свечки не мог проникнуть далеко в воду, **но рыбы, большие и маленькие, привлечённые светлой точкой, собрались в освещённом месте** и глупо смотрели на Василия Петровича круглыми глазами, раскрывая и закрывая рты и шевеля жабрами и плавниками. Дальше виднелись

тёмные очертания водорослей. Какая-то гадина шевелилась в них; Василий Петрович не мог рассмотреть её формы.

Вдруг поток ослепительного света заставил его на мгновение закрыть глаза, и когда он открыл их, то не узнал акварию. Кудряшов в двух местах зажёл электрические фонари: свет их проходил сквозь массу голубоватой воды, кишущую рыбами и другими животными, наполненную растениями, резко выделявшимися на неопределённом фоне своими кроваво-красными, бурыми и грязно-зелёными силуэтами. Скалы и тропические растения, от контраста сделавшиеся ещё темнее, красиво обрамляли толстые зеркальные стёкла, сквозь которые открывался вид на внутренность акварию. В нём всё закопошилось, заметалось, испуганное ослепительным светом: **целая стая маленьких большеголовых «бычков» носилась туда и сюда, поворачиваясь точно по команде; стерляди извивались, прильнув мордой к стеклу, и то поднимались до поверхности воды, то опускались ко дну, точно хотели пройти через прозрачную твёрдую преграду; чёрный гладкий**

угорь зарывался в песок аквария и поднимал целое облако мути; смешная кургузая **каракатица** отцепилась от скалы, на которой сидела, и переплывала аквариий толчками, задом **наперёд**, волоча за собой свои длинные щупала. Всё вместе было так красиво и ново для Василия Петровича, что он совершенно забылся.

— Каково, Василий Петрович? — спросил Кудряшов, выйдя к нему.

— Чудесно, брат, удивительно! Как это ты всё устроил! Сколько вкуса, эффекта!

— Прибавь ещё: и знания. Нарочно в Берлин ездил посмотреть тамошнее чудо и, не хвастая, скажу, что мой хотя и уступает, конечно, в величине, но насчёт изящества и интересности — нисколько... Это моя гордость и утешение. Как скучно станет — придёшь сюда, сядешь и смотришь по целым часам. Я люблю всю эту тварь за то, что она откровенна, не так, как наш брат — человек. Жрёт друга друга и не конфузится. Вон смотри, смотри: видишь, нагоняет.

Маленькая рыбка порывисто металась вверх, и вниз, и в стороны, спасаясь от како-

го-то длинного хищника. В смертельном страхе она выбрасывалась из воды на воздух, пряталась под уступы скалы, а острые зубы везде нагоняли её. Хищная рыба уже готова была схватить её, как вдруг другая, подскочив сбоку, перехватила добычу, рыбка исчезла в её пасти. Преследовательница остановилась в недоумении, а похитительница скрылась в тёмный угол.

— Перехватили! — сказал Кудряшов. — Дуря, осталась ни при чём. Стоило гоняться для того, чтобы из-под носа выхватили кусок!.. Сколько, если бы ты знал, они пожирают этой мелкой рыбицы: сегодня напустишь целую тучу, а на другой день всё уже съедено. Съедят — и не помышляют о безнравственности, а мы? Я только недавно отвык от этой ерунды. Василий Петрович! Неужели ты, наконец, не согласишься, что это ерунда?

— Что такое? — спросил Василий Петрович, не отрывая глаз от воды.

— Да вот эти угрызения. На что они? Угрызайся, не угрызайся — а если попадётся кусок... Ну, я и упразднил их, угрызения эти, и стараюсь подражать этой скотине.

Он показал пальцем на аквариий.

— Вольному воля, — сказал со вздохом Василий Петрович. — Послушай, Кудряшов, ведь это, кажется, **морские растения** и животные?

— Морские. И вода ведь у меня морская. Нарочно водопровод устроил.

— Неужели из моря? Но ведь это должно стоить огромных денег.

— Немаленьких. Аквариий мой стоит около тридцати тысяч.

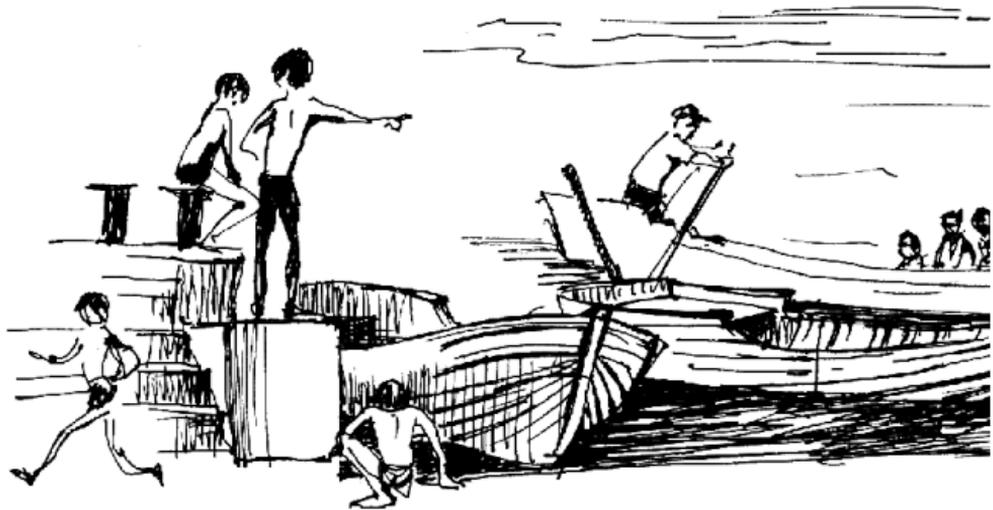
— Тридцать тысяч! — воскликнул в ужасе Василий Петрович. — При тысяче шестистах рублях жалованья!

— Да брось ты это ужасанье! Если насмотрелся — пойдём. Должно быть, Иван Павлыч принёс требуемое... Подожди только, я разомкну ток.

Аквариий вновь погрузился в мрак. Свеча, продолжавшая гореть, показалась Василию Петровичу тусклым, коптящим огоньком.

Когда они вышли в столовую, Иван Павлыч держал уже наготове завёрнутую в салфетку бутылку.

Справочное бюро

Что такое бульвар?

Бульвар — это широкая улица с двумя про-
безжими частями и зелёным массивом с
прогулочной дорожкой между ними, что то
вроде очень длинного и узкого сквера. На
бульварах обычны аллеи посадки дере-
вьев — как правило, одного вида, и стройны-
ми рядами, но их могут также дополнять по-
садки кустарников и цветники, а также раз-
личные малые архитектурные формы и даже
памятники.

Что такое нива?

Нива — это пашня, поле, на котором растут
хлебные злаки — пшеница, рожь, ячмень,

овёс. В переносном смысле нива — профессиональное поприще.

Что такое семена? У всех ли растений они есть?

Семена есть только у голосеменных и покрытосеменных (цветковых) растений, а также были у вымершей группы семенных папоротников. Семя состоит из зародыша и семенной кожуры, а также хотя бы на стадии созревания есть запас питательных веществ. Попав в благоприятные условия, семя прорастает, и из него развивается новое растение.

Что такое табак?

Табак — это растение из семейства Паслёновые. Листья табака обыкновенного и курительного и махорки используют для изготовления сигарет и сигар, табаком также называ-

ют измельчённые сухие листья этого растения, которые курят с помощью курительной трубки. Табак имеет американское происхождение, европейцы познакомились с ним после открытия Америки, а в России привычку курить табак ввёл Пётр I.

Почему море шумит? Всегда ли оно шумит? Много ли значит ветер на море?

Даже в полный штиль море всегда в движении — прибой бьётся о берег, а в шторм море шумит сильнее, а волны становятся выше и без труда могут погубить корабль. Днём ветер дует с суши на море, а ночью — с моря

на сушу. Объясняется это тем, что воздушные массы перемещаются из более холодного места в более тёплое. Утром суша прогревается быстрее, чем море, и температура берега выше, а ночью море охлаждается медленнее, чем суша.

Что такое шёлк? Как делается шёлковая материя?

В тончайшую шёлковую нить завёрнуты куколки бабочки — тутового шелкопряда. Гусеницы этой довольно невзрачной бабочки питаются листьями тутового дерева. Шёлковая ткань была очень дорогой, поскольку многие века коконы шелкопряда разматывали вручную. В XX в. был изобретён искусственный шёлк.

Что такое солома?

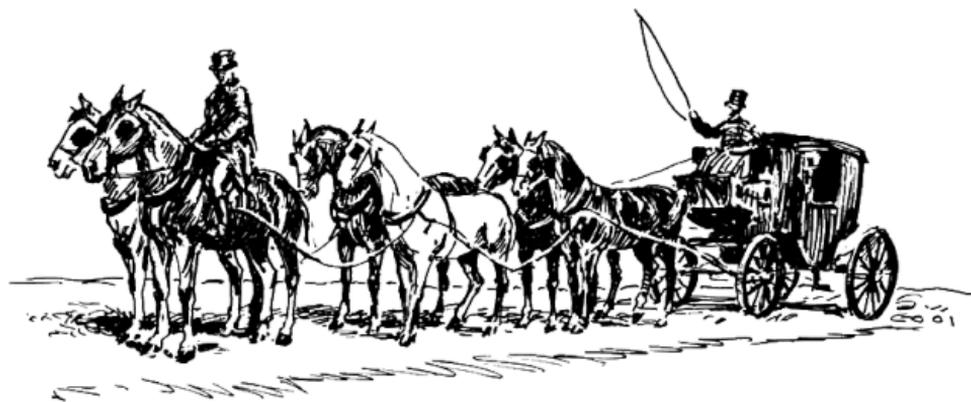
Солома — это высушенные стебли хлебных злаков — пшеницы, ржи, ячменя, овса. Она используется на корм и подстилку для домашних животных, но питательная ценность соломы значительно ниже по сравнению с се-

Что такое экипаж?

Экипаж — собирательное название элегантных колёсных транспортных средств различной конструкции, в которые запрягали лошадей, по европейской традиции — 1, 2, 4 или 6. Запряжка смотрится эффектнее, если

все лошади в ней похожи друг на друга или хотя бы одной масти (исключение — серые лошади: их можно сочетать со всеми мастями). А вот русскую тройку в экипажи не запрягали — она «сочетается» с кибитками, возками, телегами и санями. Экипаж Кудряшова производит впечатление — в современных реалиях ему бы соответствовала дорогая иномарка.

Что такое модели дичи?

Дичь — дикие животные и птицы, на которых охотятся. Конечно, речь идёт не о моделях, а о чучелах. Мастертаксидермист может сделать чучело, которое смотрится как живое, придать ему естественную позу. Изначально чучела демонстрировали охотничье

мастерство владельца, но здесь — дань моде.

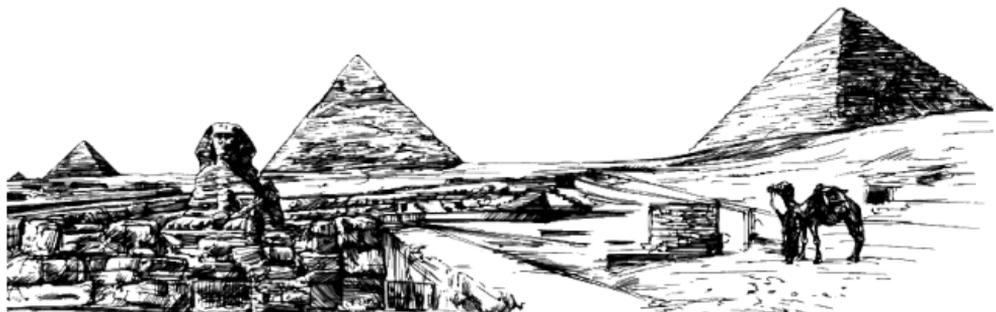
Что за дерево бук? Почему из гнутого бука делают мебель?

Бук — крупное дерево, наряду с дубом — одна из основных лесообразующих пород широколиственных лесов. Древесина бука используется для изготовления мебели. Она часто бывает «прямолинейной», но для красоты добавляют изогнутые конструкции.,

Что такое пустыня? В ней никто не живёт?

Слово «пустыня» родственно слову «пустой», и на первый взгляд может показаться, что она совсем безжизненна. Бескрайние массивы песков (чаще встречаются песчаные пустыни, но бывают и каменистые), испепеляющая жара днём и пронизывающий холод ночью, а дожди могут не выпадать десятилетиями. Однако даже в таких экстремальных условиях есть жизнь — растений и животных здесь очень мало, но они научились экономить воду и спасаться от перепадов температур. Однако в пустынях есть и источники воды, вокруг которых появляются оазисы. Культура арабских стран неразрывно связана с пу-

стыней.

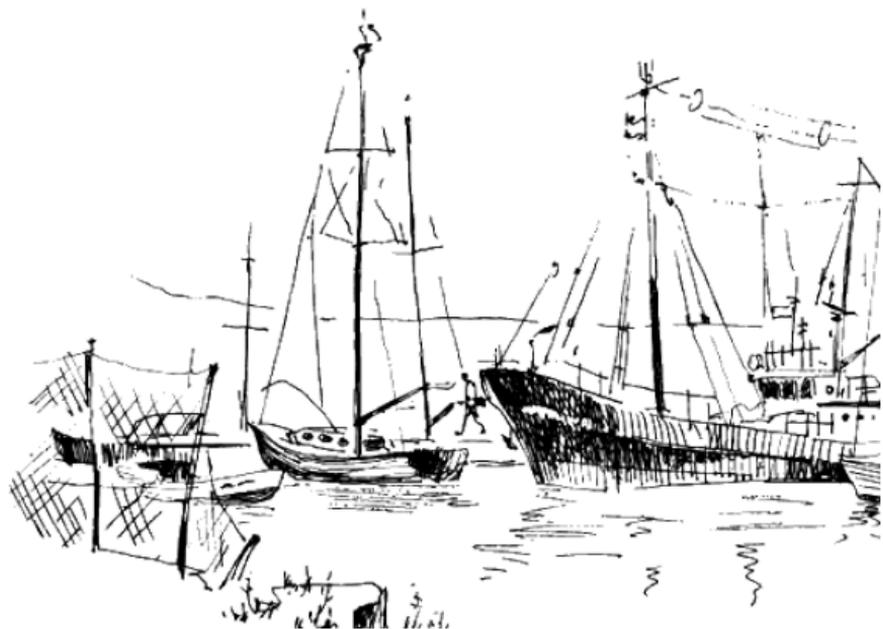

Что такое искусственная гавань?

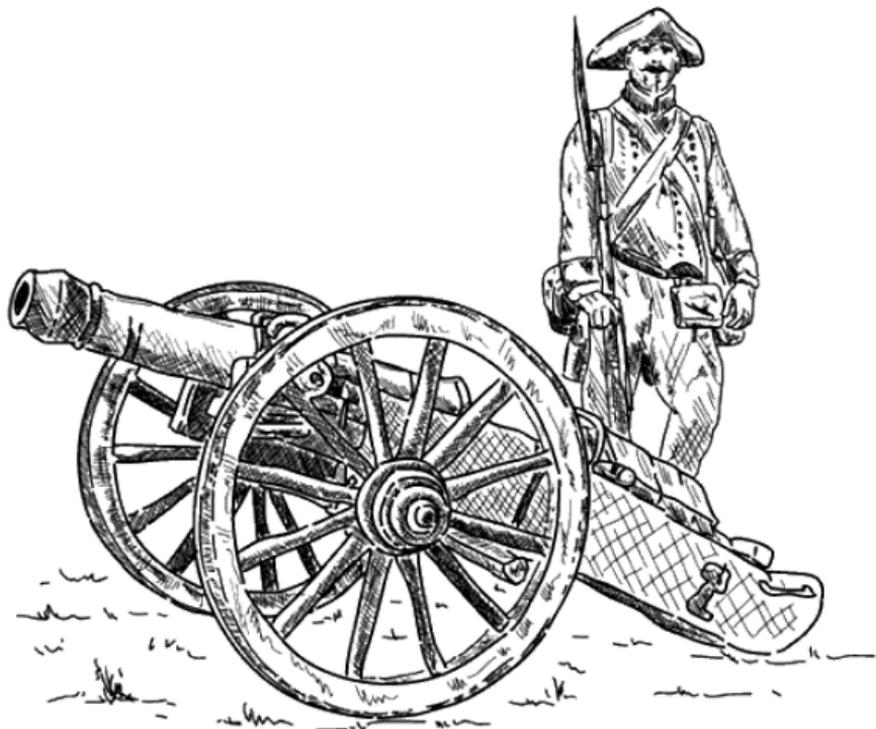
Гавань — это часть акватории порта, где находятся причалы, обеспечивающие посадку и высадку пассажиров и погрузку и разгрузку грузов, а также стоянки судов. Гавани бывают и естественного происхождения — бухты, удобные для стоянки кораблей. Там, где природа благоприятствовала, уже в древности появились портовые города, многие из которых существуют до сих пор. Однако с появлением крупных судов, а также с развитием мореплавания и торговли, возникла необходимость изменять гавани искусственно — расширять и углублять их, а также строить новые.

Что такое мундир? Кто его носил?

Мундир — разновидность форменной

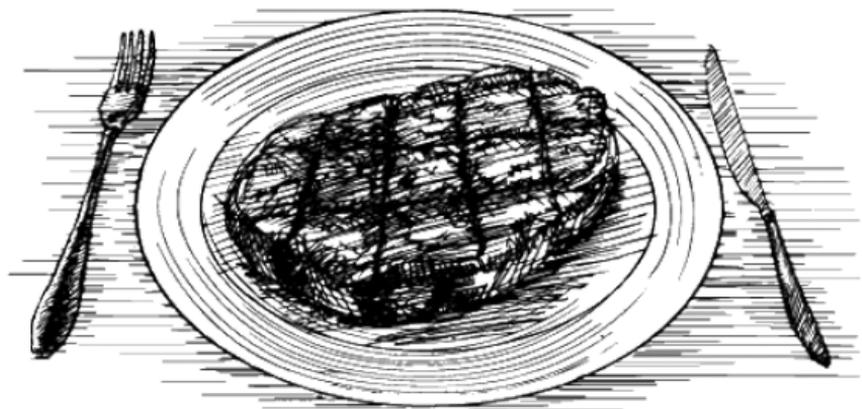

одежды, что то вроде куртки особого покроя. Мундиры появились в середине XVII в. как часть военной формы, и сейчас их носят военные и представители силовых структур (офицеры — обязательно, солдаты — в зависимости от рода войск), отсюда выражение — «честь мундира». В царской России носить мундиры были также обязаны чиновники, цвет и детали мундира соответствовали ведомству и должности. В современной России мундир — часть парадной формы военных и представителей силовых структур.

Что такое ростбиф?

Ростбиф (от английского roast beef) — блюдо английской кухни, популярное и в России — запечённая в духовом шкафу говядина. Для ростбифа берётся не парная, а трёхдневная говядина. Такое мясо имеет особый вкус и аромат.

Кто такой шкипер?

Шкипер — капитан парусного корабля. От английского skipper — «капитан», от англосаксонского scip, нидерландского schipper, от schip — «судно, корабль». Шкипер может быть из любой страны и любой национальности, именно Англия — «владычица морей» — долгие века была самой сильной морской державой. Шкипером называют сейчас и человека, отвечающего за палубное имущество на торговых и военных кораблях.

Почему щёки Кудряшова зарумянились?

Румянец — «свидетельство» увеличения кровотока и расширения кровеносных сосудов. Это происходит по разным причинам, основные из которых — физическая нагрузка, воздействие жары или холода и эмоциональное возбуждение. Небольшие количества алкоголя тоже способствуют появлению румянца. На Руси румянец обычно считался признаком здоровья. Поскольку ещё и речь Кудряшова становилась быстрее и оживлённее, налицо эмоциональное возбуждение, усиленное воздействием вина.

Что такое лизоблюдничать?

Быть лизоблюдом или вести себя как лизоблюд — пресмыкаться, подлизываться, подхалимничать, подобострастно прислуживать комулибо из низких или корыстных побуждений. Это устаревшее выражение, сейчас в речи обычно используется слово «подхалимничать».

**Что такое фрак? Кто его носил? Лакеи?
Носят ли его сейчас?**

Фрак — парадная мужская одежда с длинными задними полами. Является униформой слугмужчин в богатых домах (женщины обычно носят длинные платья с фартуком). Изначально фрак был придуман как одежда для верховой — и сейчас на конноспортивных соревнованиях по выездке фрак обязателен — как для мужчин, так и для женщин. Кроме того, фрак завоевал прочные позиции в мире искусства — это стандартный концертный «наряд» для исполнителей классиче-

ской музыки и балльных танцев, а также эле-

мент дресскода для торжественных мероприятий, в том числе с участием коронованных особ, например вручения Нобелевской премии. Как правило, фрак чёрного цвета, но артисты, особенно цирковые, могут носить фрак любого цвета.

Что такое барка?

Барка — это несамоходное речное судно с плоским дном, передвигающееся на буксире. В прежние времена барки тянули бурлаки или лошади, сейчас — специальные корабли — буксиры, или туэры. Иногда барками ошибочно называют небольшие парусные или гребные суда.

Сколько весит один пуд?

Пуд — старинная русская мера веса, соответствует 16,38 кг. Есть поговорка «Чтобы

узнать человека, надо съесть с ним пуд соли». Человеку требуется около 8 кг соли в год, следовательно, чтобы хорошо узнать человека,

нужно не меньше года.

Какой высоты достигают морские волны?

8 футов высоты — это около 2,5 м, так что волны более чем скромные. Условия на дне морей и океанов довольно разнообразны, и в данном случае «мёртвая тишина» означает, что на участке моря, где строится мол, не бывает больших волн, и на самом деле постель не размывается такими темпами, как это закладывается в мошеннической схеме Кудря-

Шова.

Что такое Владимирка?

Владимирка — это Владимирский тракт, одна из главных дорог царской России. Владимирский тракт, как следует из названия, шёл от Москвы до Владимира и дальше в Сибирь. По Владимирке этапировали осуждённых на каторгу или в ссылку, закованных в кандалы, — многие умирали, не дойдя до места заключения.

Про кого Крылов сказал, что рыльце в пушку?

Рылом называют вытянутую лицевую часть головы, происходит от слова «рыть» — копать землю, как это делают домашние свиньи и их дикие родственники — кабаны и бородавчники. Рыльце есть и у цветковых растений — это липкий кончик пестика, куда попадает пыльца, чтобы произошло опыление. Выражение «рыльце в пушку» появилось в басне И.А. Крылова «Лисица и Сурок» —

Лисица жалуется Сурку, что её несправедливо выслали из курятника якобы за взятки, на что Сурок отвечает, что такие меры обоснованны.

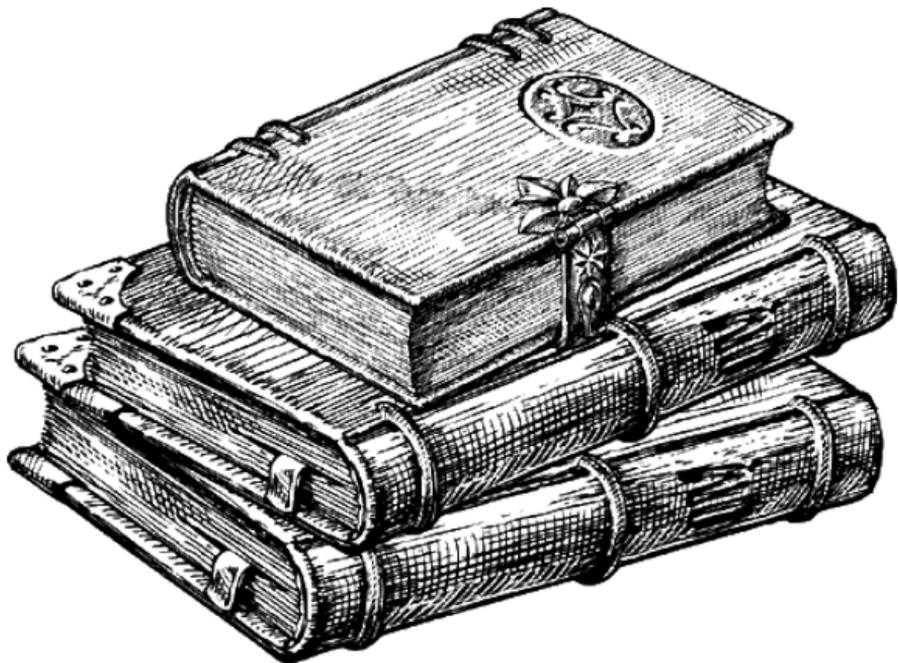
Что такое архивность?

Древность, несовременность, устаревшее понятие.

То есть из архива. Как ни странно, архивы существовали уже в Ассирийском царстве, в Древнем Египте. Сохраняли архивы древние евреи (в храме Соломона, в Иерусалиме), греки (в Акрополе), римляне (в Капитолии) и т. д.

Что такое сентиментальность?

Сентиментальность происходит от французского слова *sentiment*, означающего чувство. Излишняя чувствительность, чрезмер-

ная нежность и слезливость, романтичность. Обычно употребляется с уничижительным или саркастическим оттенком, особенно о выражении чувств, а не о том, что у человека на душе на самом деле.

Что означает выражение «зубы на

полку»?

На полку обычно убирают то, что не понадобится в ближайшее время (шкафы были доступны не всем, а полки были в каждой избе). Положить зубы на полку можно, разумеется, в переносном смысле.

Так говорят не только о голоде, нехватке еды, но и вообще о финансово трудных временах, когда на счету каждая копейка.

Что такое канитель?

Канитель — тончайшая золотая нить, которую использовали для дорогой вышивки. Процесс изготовления такой нити был длительным и утомительным. В переносном смысле канитель — скучная, монотонная деятельность, не приносящая зримых результатов.

Из чего делают шампанское?

Технология приготовления игристых вин появилась во французской провинции Шампань. Как и большинство сортов вина, его делают из винограда, но особенности процесса брожения таковы, что образуется не только спирт, но и углекислый газ — как в газированных напитках. В европейской культу-

ре шампанское пьют по радостным поводам.

Где раки зимуют?

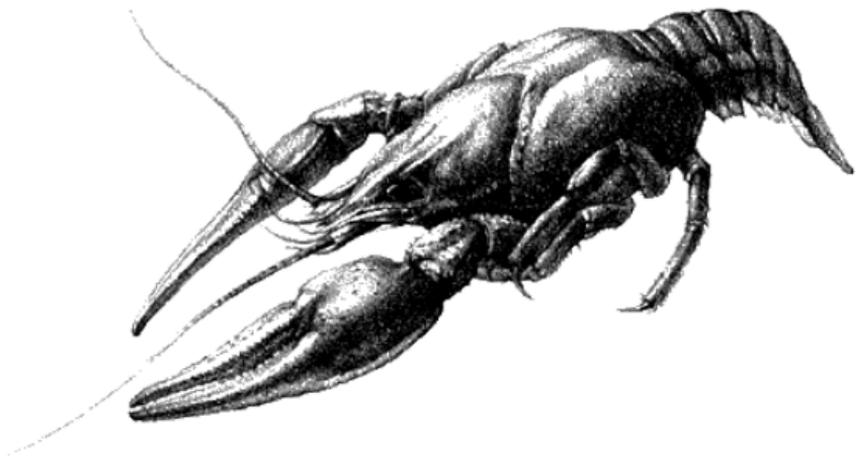
Раки прячутся на зимовку в норы, которые сами роют на речном дне, как правило, под корягами.

В переносном смысле это выражение означает угрозу или период лишений. Речные раки считаются деликатесом, и угроза «показать, где раки зимуют» изначально обозначала ситуацию, когда барин посылал провинившегося крепостного добывать раков для своего стола — а в зимнее время это занятие весьма малоприятное, а вероятность заболеть была практически стопроцентной.

Почему рыбы собираются на свет?

В аквариумах разводят рыб, которые в природе обитают на небольшой глубине, у них достаточно хорошее зрение, и чем светлее, тем лучше им видно всё, что происходит вокруг, и тем проще найти пищу. Тем не менее, есть данные, которые объясняют стремление рыб к свету не только пищевым рефлексом, но и любопытством, и обнаружено, что некоторые виды рыб предпочитают не только белые, но и цветные фонари.

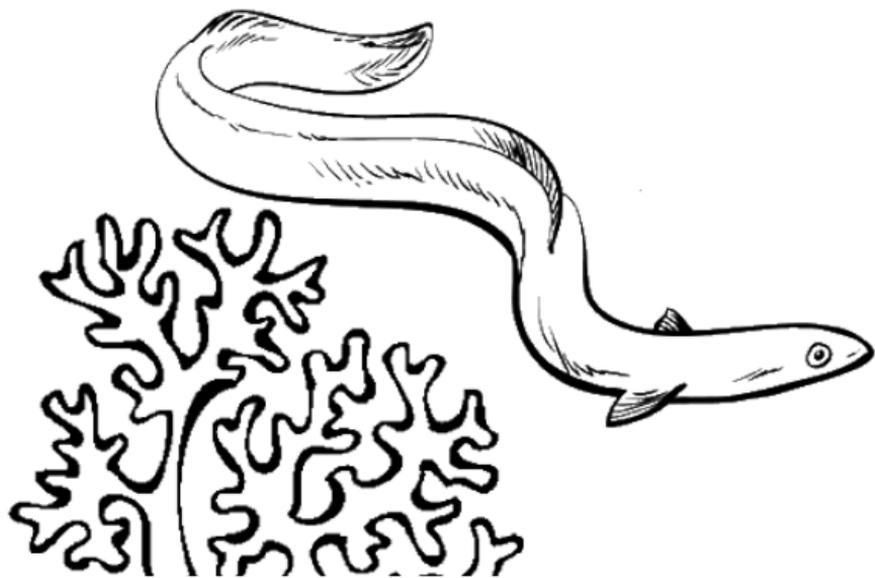
Держат ли таких рыб (бычков, стерлядь, угрей) и сейчас в аквариумах? Зачем?

Слово «бычок» здесь в кавычках — видимо, речь идёт о рыбе, похожей на бычка, возможно, это достаточно неприхотливые соми-

ки. Стерлядь — рыба из семейства Осетровые, сейчас ставшая очень редкой в природе, но она разводится в искусственных условиях. Увидеть стерлядь в аквариуме можно в магазинах, торгующих живой рыбой. Угорь — рыба, внешне больше похожая на змею, с уникальным циклом развития — он мечет икру в Саргассовом море в тропической части Атлантического океана, там выводятся мальки, а по мере взросления они постепенно плывут к рекам Европы, взрослые особи живут в пресной воде. Поскольку европейцы не видели молодых угрей, они считали, что эта рыба — души погибших моряков. Стерлядь и угорь относятся к промысловым рыбам, причём достаточно дорогим. В любительских аквариумах обычно содержатся мелкие, но красивые аквариумные рыбки — они неприхот-

ливы и могут жить в небольшом объёме воды. Аквариум Кудряшова — сложное и дорогостоящее сооружение, элемент престижа.

Чем сегодня кормят хищных рыб в аквариуме?

Строго говоря, хищные организмы — те, кто питаются живыми животными, в том числе и мелкими. Так, многие аквариумные рыбки питаются мелкими рачками — циклопами и дафниями или личинками — мотылём, такой корм не составляет труда приобрести в зоомагазине. Крупные хищные рыбы, которые питаются другими рыбами, требуют осо-

бых условий содержания — и их можно увидеть в крупных аквариумах и зоопарках. Кормят их так, как они привыкли в природе, то есть другими видами рыб и прочих животных.

Какие есть морские растения?

Жизнь зародилась в море, и здесь можно встретить представителей низших растений — водорослей. Они разнообразны по строению. Выделяют бурые, красные, золотистые, жёлтозелёные диатомовые, эвгленовые и зелёные водоросли. Ламинария и макроци-

стис и саргассум достигают 30–50 м. Зелёные водоросли — предки наземных растений.

